

Наш «Русский Мир», наш русский мир!

В последние годы понятие «русский мир» окрашивается, если не крайне, то в той или иной степени негативно, с агрессивным оттенком. Но в журнале «Интеллигент Русского Мира» представлен русский мир творческий, открытый, многогранный и даже... мультикультурный, собирающий людей со всего земного шара. В нашем русском мире одним из объединяющих факторов является, конечно, русский язык. Большинство наших авторов рождены в СССР или на постсоветском пространстве, живущие в разных регионах России или в бывших союзных республиках, наши эмигранты со всех частей света. И, по моему глубочайшему убеждению, люди творчества должны быть выше того, что их рознит, находить точки соприкосновения, вести диалог, стараться понимать друг друга. Какими бы ни были наши взгляды и убеждения, мы делимся своим и принимаем чужое творчество на русском языке (в глобальном смысле – на любом, понятном нам) и становимся хоть чуточку, но ближе друг другу, шире во взглядах, более понимающими. Не в этом ли сила искусства?

Уже в конце работы над номером пришла мрачная новость – скончалась Надежда Сергеева, уральский автор, сделавшая очень много для «Интеллигента». Совсем недавно, в июле, вышел очередной номер «Интеллигента Нью-Йорк», где мы выпускали Надежду Сергееву с хорошим текстом, не сказом, характерным для её работ, но не менее впечатляющей реалистичной миниатюрой-воспоминанием. Помолчим...

В этом номере мы постарались показать как те произведения, которые уже печатались в наших региональных газетах, так и новые работы постоянных авторов, новые имена, даже новые страны. В порядке ретроспективы вышли подборки авторов из США (где, вместе с собственно представленными авторами, с замечательными поэтами в рамках своей статьи нас знакомит Нина Большакова), Финляндии, Узбекистана и некоторые отдельные произведения. Также из раннее вышедшего мы опубликовали переводы авторов из Армении, (и одного из Италии). И это другой аспект «русского мира» – посредством русского языка знакомить нас с другой культурой. Но не только через переводы мы можем познакомиться с, так сказать, далёкими мирами. Наверное, один из самых интересных материалов за всю историю журнала прислал нам Франциско Хавьер Мартинес Браво из Мексики, выпускник Воронежского Госуниверситета, археолог, культуролог, преподаватель русского языка. В своей статье он рассказывает об истории и мифах коренной Мексики (вы много об этом знали?) и их месте в современной жизни.

Не обошлось и без постоянных гостей и рубрик. Традиционно свою глубокую, объёмную по форме и содержанию работу о Духе, Душе и духовности вашему вниманию предлагает наш учредитель Сергей Пашков. Внушительный, как всегда, десант из Магаданской области возглавляет ещё один наш учредитель, Сергей Малашко, со своей зарисовкой из охотничьей жизни,

где он, в свойственной ему манере, продемонстрировал умение увидеть что-то большее в мелочах, в обыденной действительности. Интересные наблюдения за особенностями языка и его восприятия найдём мы в рассказе Светланы Савицкой, члена редакторской коллегии «Интеллигента». И я привнесла свой скромный вклад в творческое разнообразие номера своей первой завершённой полномасштабной стихотворной работой. Вас также ждут наши постоянные авторы: Наталья Крофтс, Дина Лебедева, Наталья Лайдинен, Вячеслав Барыбов, Виталий Кузнецов и другие.

Интервью, на сей раз, ожидает читателей в разделе о музыке – Александр Матусевич, наш постоянный музыкальный обозреватель, обстоятельно побеседовал с Любовью Казарновской, отмечающей в этом году юбилей творческой деятельности. Также Александр представил материал к 175-летию со дня рождения Н.А. Римского-Корсакова. Не остались мы и без традиционного обзора очень интересной оперной постановки от Майи Шварцман. Майя также порадует читателей не менее традиционными блестящими стихами, восхищающими меня из подборки в подборку

Этот номер журнала очень силен по составу и, соответственно, по произведениям, но, пользуясь служебным положением, я немного остановлюсь на том, что мне ближе, – на стихах. Именно стихами мне он больше всего запомнится. Мастерскими, разнообразными, написанными в разных традициях и жанрах. Отдельно отмечу Юрия Кабанкова. Некоторые его тексты из нынешней публикации датируются 1970 – 80-ми годами, и это стихи, прошедшие проверку временем. Рядом с ними на равных стоят более поздние стихотворения, умудрённые опытом, приправленные христианской оставляющей (очевидно, вместе с опытом и пришедшей), и они прекрасны. И никак нельзя обойти вниманием весь состав новосибирских авторов. Я не решусь выделить кого-то одного (это будет совсем уже вкусовщина), все три автора делают очень качественную современную молодую поэзию, которой нам так не хватает, которую хочется читать, перечитывать, издавать. Отличные работы у Михаэля Шерба, Иины Костяковской, у... да просто откройте любую страницу со стихами и найдите, что вам по душе!

Вот такой вас ждёт «Русский Мир». Читайте! И получайте удовольствие. И постарайтесь вынести что-то для себя важное, ведищее вперёд.

Юлия Рудомазина

Когда весь номер был уже сверстан, мы узнали, что нас постигло ещё одно горе - ушла в иной мир Майя Шварцман, самый интересный и прекрасный член нашего редсовета. Следующий номер журнала мы посвятим ей...

Надежда Сергеева (1957-2019)

Родилась и выросла на Урале. Жила в Нижнем Тагиле.

Лауреат Национальной Литературной Премии «Золотое Перо Руси» в номинации «Поэзия» в 2010 году и в 2012 году. Награждена медалью им. Достоевского «За красоту, гуманизм, справедливость».

Лауреат Всероссийского конкурса им. В. В. Карпенко в прозе (2013 и 2015 гг.). Автор книг : «Я поделюсь душой с вами» - сборник прозы, «И руки просятся к перу» - сборник стихов, «Зелёные огоньки» - сборник сказов, сборник сказок «Волшебный калейдоскоп»; Сборник исторической прозы, сборник сказок «Волшебная шкатулка», Сборник рассказов о детстве. Автор множества публикаций в поэтических и прозаических сборниках.

Работала в медиа-группе «Интеллигент» с момента её основания.

Надежда Сергеева, живущая на Урале, смогла связать Крайний Северо-Запад России с Крайним её Севером, а точнее, Карелию, которая находится на границе Финляндии, с Колымой. Познакомив Сергея Пашкова и Сергея Малашко, она соединила Костомушку и Магадан, положив начало творческому дуэту двух тезок-северян .

СПАСИБО ей!

Размышления

К РАЗМЫШЛЕНИЮ

Прежде всего, хотел бы обратить внимание читателей, что в своих работах я не делаю ссылок на работы иных людей, а просто это обозначаю. Почему? Потому что я не беру у этих авторов нечто из их материалов, а только называю автора и его некие работы. Я стараюсь даже вроде всем очевидные вещи сформулировать в своем, так сказать, представлении и упростить их понимание, а также дать другим лицам пищу для их размышлений о том, что мной излагается. Например, вся суть моей работы о пространстве и времени в том, что человек спокойно и без всяких машин времени может путешествовать во времени и в пространстве, даже перемещаясь по Земле, НО...

Человек буквально не может путешествовать сам, в своем же прошлом и будущем, тем более нечто исправлять в документальной синхронной летописи. Хотя он, конечно же, может на опыте исправляться в худшую или лучшую сторону, но по мере его документальной текущей хронологии. Человек может даже знать, что и за чем последует, и сможет либо избегать, либо, напротив, действовать в некой последовательности, но, чтобы избежать или получать некие результаты. Так-же объясняю, почему уже духовное определенное естество неизменно, хотя может быть оное в различном времени, пространстве, в любом роде, нации и так далее. Вот, собственно, и суть всей моей работы. Этого еще никто из ученых даже не исследовал, хотя об этом пишут книги, даже снимают художественные и документальные фильмы, но никто это никак не связывал с путешествиями в пространстве и времени.

И другие мои работы прошу именно в таком ключе и рассматривать, а не спрашивать у меня, мол, у кого это я узнал и почему не указал этого или иного автора? Ведь многие погружались в ванны и до Архимеда, другие видели падение не только яблок, но и других предметов на землю, но лишь Архимед и Ньютон из этого сформулировали новые закономерности. Уж, тем более, я никогда не претендую на заслуженные лавры Архимеда, Ньютона и других ученых, исследователей. Точно так же прошу относиться и к моим работам, в том числе и к художественным, стихам... Если же у кого-то возникают критические к этому отношение или они желают провести дискуссию, то я изначально уже писал, что я к этому готов.

В этом номере журнала "Интеллигент Русского Мира" я представлю свои материалы, которые мной лично сформулированы для понимания, что и как формировалось под такими обозначениями как Дух и Душа, а читатели пусть сами размышляют об моих изысках.

ДУХ и БУКВА

Что же в древности обозначали духом или духами? Скорее всего, при рождении люди заметили, что когда

рожденный плод вдыхал воздух, то этим он и получал уже жизненное вдохновение, то есть только тогда он как бы и оживал. Потому самым древним представлением о духовном дух и соотносился с обычным воздухом.

Также было подмечено, что в разных природных - географических и климатических - зонах воздух по составу может отличаться. Например, воздух в горах отличается от воздуха в долинах, а воздух в лесах отличается от воздуха в пустынях, воздух у моря или в самом океане отличается от воздуха, где нет в округе водных сред, да и от разных водных сред и даже одинаковых сред может исходить разный по составу воздух. (Даже в разный период времени и по сезонам). От этого, скорее всего, и пошли разные обозначения духа, например, дух гор или некой конкретной горы, духи леса, дух океана или бездны, духи болот, разные духи по сезонам, и так далее.

При тлении или сжигании древесины, в том числе и смолистой, либо от разной дымки, как разных запахов, также шло разделение по духам. Приметили, что люди по-разному реагировали на особые обкуривания этими дымами и вдыхаемыми запахами. Одни даже впадали в некий транс и что-то бормотали или запевали, другие же вдруг начинали каяться в том, что они некогда скрывали, совершив проступок, у третьих возникали различные видения. Но были и те, кто этого вовсе не выносил. То есть на такое вдыхание у разных людей появлялись и разные реакции.

В Библии есть даже рассказ, как Каин обжигал глиняный горшок с тем, чтобы пожертвовать его господу, а Авель на костре готовил агнца, и по исходящему от их жертвенников духа-запаха господь принял жертвенное от Авеля. Почему Каин принес именно глиняный горшок? А вот тут надо уже понимать буквально, что он занимался земледелием, делал нечто из глиноземной почвы. В апокрифах говорится, что Каин унаследовал мир недвижимый, а Авель мир движимый, естественно, у Каина было и мышление более, так сказать, технократическое, а потому-то в итоге он даже смог построить город Енох.

Также в Библии говорится, что при окуривании и вдыхании такого уже воздуха, нечестивые не могли устоять в святых воскурениях, то есть они либо падали в покаяниях, либо просто покидали это место. Поэтому некоторые жрецы даже стали проводить обязательные такие обряды, как для выявления нечестия или изгнания нечистых духом людей, а также для как бы изгнания из них самого нечистого духа. Однако затем обнаружилось, что нечестивые могут переносить воскурения и, более того, от этого получать удовольствие, тогда как праведные просто могли не принимать такого. Потому эти ритуалы и определения были упразднены.

Надеюсь, о древнейших представлениях о духе и духах

я рассказал, могу приложить даже отрывок из моего стиха, кто чем как бы дышит:

*“... Ты дышишь Богом - моя вера,
И дух сей дышит - им живем!
И пусть казенная химера,
Покинет ваш уютный дом.
Живи, свободу постигая,
Чтобы обречь любовь и мир.
А полноты всей достигая,
Тобою будет жить весь мир.”*

Также в Библии можно заметить, что и разные звуки и мелодии, даже танцы, могут, одни вызывать бесовство, а другие - благое состояние. Так Давид, играя свои мелодии Саулу, успокаивал его гневливость. А когда несли ковчег, “Давид и все сыны Израилевы играли на всяких музыкальных орудиях, и Давид танцевал из всей силы пред господом”.

Итак, разные духи могут вызывать разные звуки и мелодии, и по-разному, а разные звуки и мелодии, даже танцевальные движения, могут воздействовать на духовное состояние у разных людей. Можно ещё вспомнить и про “волшебные” гусли в русских сказках. Однако и тут выяснилось, что нечестивые люди могут слушать и даже писать оперную и умиротворяющую музыку, устраивать, так сказать, великосветские балы, грациозные танцы. Праведные, как и нечестивые, люди могут просто быть лишены музыкального слуха и не быть изящными в танцах, а потому и это не стало иметь особого определения в праведности или в нечестии человека.

Затем к духовному начали соотносить помыслы людей и их намерения, даже писалось, мол, у одних помыслы и намерения были слепыми – невежественными, низменными или порочными, тогда как у других были возвышенные над этими порочными и невежественными помыслами и намерениями.

Позже, в конечном итоге, к духовному стали соотносить разное вдохновение и разный свет в разуме разных людей. Так тлетворный свет в разуме и низменное вдохновение стали соотноситься с нечестивыми духами, а небесный или истинный – благой свет в разуме у человека – с его возвышенным истинным вдохновением и стал соотноситься со Святым Духом.

Можно эти факторы соотнести и с тем, что Ева зачала Каина от вождления её плоти, а вот Мария зачала от Святого Духа, а также это же соотношение описано в Евангелии от Иоанна Богослова. Часто люди, находясь под неким вдохновением или в различном расположении духа, приходили к разному их освещению в разуме и начинали нечто проповедовать, открывать различные закономерные предназначения, творить различные произведения. Которые порой было сложно понимать, так как такие произведения не несли часто точного или буквального изложения, а были исполнены метафорами, притчами, символизмом, т.е., проще говоря, неким иносказательным языком. Именно такая информация и была обозначена не буквальной, а духовной, той, которую надо уметь здраво толковать в буквальную уже

информацию. И наоборот, когда буквальные факты такие духовные люди могли скрывать духовным иносказанием в особых соотношениях. Думаю, что особо и не стоит объяснять, когда информация передается и принимается буквально, а когда иносказательно.

Однако даже эту же Библию надо уметь верно соотносить по духовной и буквальной информации, чтобы не возникало противоречий и ложных выводов у толкователей Библии или иных духовных текстов. А то метафору о лепке из праха земного Адама или якобы о говорящем человеческом голосом биологическом змее, якобы неких вкушениях запретных плодов (яблок) и прочие духовные тексты, люди не могут веками истолковать или принимают нелепейшие об этом толкования.

Итак, духовное как бы невидимо, но оно имеет своеобразные качества и свои различия, может о чем-либо символизировать и воплощаться в благие или в нечестивые поступки и творения, по которым можно определять это от божественности – благого, или от нечестивости.

О ДУШЕ

Душа в древнейшем представлении тесно связана с разными духами, хотя в общем древнем определении душа – это нечто дышащее, то есть это вполне конкретное существо, в том числе и сам человек, который имеет дыхание. И вот тут-то многие исследователи почему-то ну никак не могут уяснить главное определение смертной души, а также живой души. Одни пытаются делать заявления, мол, душа – это некая извечная субстанция в теле человека, другие это определяют по биологическим, психологическим и иным признакам в сознании или нервным рефлексным признакам, но никто почему-то не обращает внимания на различия духовной составляющей!

Итак, земной Адам был от рождения с мертвой душой, т. е. по духовному именно определению его душа от рождения была мертвой. Только после того, как земному Адаму из мертвого бытия (опять же, это определяется по космогоническим правилам и тем факторам, которые мной описаны в моей работе “О времени и пространстве” в журнале “Интеллигент Нью - Йорк” № 7) божий садовник передал свое божественное вдохновение или истинное – благое – разумение, вот только тогда душа Адама и становится душой живою!

Однако, как только этот земной Адам нарушает заповедное соглашение с божьим садовником, его душа обратно обращается в смертную или в духовно падшую, в мертвую душу. Проще говоря, грешная душа по духовным определениям уже прибывает в смерти, т. е. она смертная – мертвая, духовно падшая.

Множество раз я пытался это донести до разных людей, но, увы, для людей, видать, эта же Библия – закрытая книга, как извне, так и изнутри. Потому я просто продолжу писать о моих открытиях и давать пищу для размышления другим.

Итак, оказывается, что с первым вздохом или с последним издыханием некоторые души при вдыхании вовсе

не есть живые души, а они мертвые. Так и с последним издыханием некий учитель передает свое истинное вдохновение или истинное познание, благословение именно тем ученикам, духовным наследникам или последователям, которые способны принять это. И такой святой дух, пребывая уже в них, а они в святом духе, делает их души истинно воскресшими или живыми. Как Божественный, так и нечестивый, дух един в своей святости или нечестивости, но они обладают разными дарами, соответственно, либо благими, либо нечестивыми. А наследующие могут быть в любом пространстве и времени, как мужчинами, так и женщинами разной расы и нации, профессии и социального положения и так далее.

Нечестивые могут быть не только явными грабителями, но и использовать свое положение, обогащаться за счет обеднения своих же соплеменников и при этом считать это нормальным. Либо иметь нечестивый дар к порочным искушениям других людей, к обманам, а также нечестивые люди могут и сами себя постоянно соблазнять к порокам и преступлениям, болеть разного рода сексуальной, завистливой, надменной озабоченностью и иными пороками.

Так и от единого Божественного Духа люди могут иметь разные благодатные дары. Будь то в просветительской деятельности, в лечении других людей, в военном искусстве и отваге, в воспитании моральных и честных принципов, в социальной справедливости и в иных благих дарованиях.

Из всего вышесказанного следует, что душевный человек отличается от духовного тем, что душевные люди воспринимают даже представление о мертвой или живой душе лишь по биологическим признакам, тогда как духовный человек обо всем, в том числе о мертвой и живой душе, прежде всего судит по духу и истине. В общем же понимании древних, душой обладают одушевленные организмы, неодушевленные предметы, природные некие породы и явления душой не обладают. Это, собственно, и до сегодняшних дней имеет место в обучении детей. Что часто и исключает понимание о различной духовной составляющей, а также в глубоком и более объективном космогоническом соотношении и определении благого от неблагоприятного.

Наукой о душе, как уже психология, и связанных с этим психологических типов и реакций, в применении к людям, можно было бы считать изучение этих разных психотипов у Гиппократов. Гиппократ разработал учение о темпераментах. Он полагал, что темперамент человека связан с преобладанием в его теле какой-то жидкости. Например, желчный и вспыльчивый характер холерика вызван избытком желчи (по-гречески - «холе»), а медлительный и спокойный характер флегматика определяется слизью, преобладающей среди других жидкостей тела. Механизмы психики были раскрыты Гиппократом неверно, но феноменология (описание явлений) оказалась точна, и данная систематика темпераментов (холерика, сангвиники, меланхолики и флегматики) используется и сегодня. Аристотель – автор первой из-

вестной работы по психологии – «О душе». Он выдвинул идею о неразделимости души и тела (в общем-то и в древности об этом говорили). Впервые ввел понятие о представлениях, как образах и предметах, действующих на органы чувств. Указал основные типы ассоциаций (по сходству, смежности, контрасту).

Многие исследования в древней Греции часто находили отражения в их духовных преданиях или в мифах, в том числе есть миф о любви простолюдники – смертной душой Психее с Эротом, который имел божественную родословную. Афродита, как мать Эрота, делала всевозможное, чтобы между ними не возникали никакие связи, а Психея проходила все эти испытания, показывая истинность своей любви. В итоге: верховный правитель Зевс даровал Психее бессмертную душу, и она тогда уже на равных воссоединилась с Эротом. Этим мифом Психея стала примером, как из смертной души, через истинную любовь, не взирая на огромные трудности, можно обрести бессмертную душу.

Только в середине XIX века Декарт сумел вывести психологию в отдельную науку, он ввел такой термин как рефлексы, которые он поначалу выявлял у животных, а затем и у людей. Проще, что или кто могло выступать раздражителями, возбудителями..., а также, как на это реагировали разные животные и люди. То есть для многих современных людей считается, что психология – это довольно молодая наука, которая развивалась и формировалась разными людьми в соотношениях самосознания или индивидуальной характеристики некоего животного к разным средам обитания, общения и взаимосвязей, как и к разным отращениям от чего или кого-либо (антагонизмам) либо к различным ощущениям в разных средах общения. А вот в моем общении с разными современными психологами или психиатрами, обладающими большим научным опытом в этом, на деле оказывалось, что их познания уступают даже древним знаниям! То есть даже, когда я им приводил реальные примеры, они, их признавая, почему-то не принимали не только во внимание, но и даже не могли хоть как-то применить в толкованиях духовных преданий, исторических и иных.

А без глубокого понимания о душе и психологии многое вообще невозможно истолковать в этой же Библии, даже обладая переводом иносказательного в буквальное представление. Также невозможно понимать многие другие духовные предания и исторические события, например, порой резкое изменение в частном мировоззрении, так и в массовом.

В моем материале в журнале “Интеллигент Нью-Йорк” № 7 за 2019 год в статье “Симуляция” и в других моих работах я касался таких примеров. Суть заключается в том, что в своей естественной среде проживания или общения живые существа, в том числе и человек, более-менее чувствуют себя свободными, т.е. естественно. Попадая же или сталкиваясь с иной средой – бытием или с неким человеком, которые представляют иную естественность в самосознании или психике, происходит психологическое закрепощение, так скажем, скованность, шок, потрясение. При этом это можно

даже вызывать через определенную симуляцию в том же кино, что в последствии может переворачивать мировоззрение, и, что было некогда естественным, того уже стесняются и чувствуют от этого скованность, а при принятии иного естества происходит и переворот в мировоззрении, как глаза открываются с другой стороны. Это и описано от начала Библии и это прекрасно показано в советском фильме “Человек с бульвара Капуцинов”. Хотя люди по непониманию могут долго гадать и говорить, мол, откуда же в советском моральном обществе из прекрасных спортсменов люди превратились в криминальных бандитов, а морально стойкие советские девушки вдруг обратились в аморально распущенных?

Как это Моисей большим змеевидным жезлом поглотил три таких же меньших, и как это истолковать? Почему Моисей сделал медного змея и заставлял иудеев его касаться? И кто эти змеи, которые затем в пустыне убивали тех иудеев, которые не сумели преодолеть психологический барьер? Еще трудней будет в понимании того, почему господь по опущенной вниз голове Каина понял, что тот совершил грех, тогда как господь увидел грех на державших высоко голову лицах из жреческой касты? Почему же те, кто хотят спасти свою душу, они её могут погубить, а кто отдаст свою душу на смерть, те как раз её и спасут?

То есть в этой же Библии очень много различных психологических взаимоотношений, как и в реальных исторических событиях, при этом, как у частного лица, так и у некоего общества. Ведь, не зная и не понимая психологии даже древних духовных преданий, сложно понять и исторические многие факты. Все это приводит к тому, что такими людьми с легкостью могут манипулировать, при этом предателей, самозванцев выдавать за героев и святых, а истинных героев и истинных просветителей выдавать за самозванцев и предателей.

Давайте окунемся в древнейшие предания Египта, а именно, когда Бог Атум превращает змея в свой третий глаз или в его всевидящее око. Что под этим следует понимать? Под этим следует понимать как внешних соглядатаев, так и внутренних разведчиков, которые берегут мироустройство фараона от внешних и внутренних вредителей и врагов. Одни стражи были неприметны, а другие стражники и войны, состоявшие на службе, как и сам фараон, носили определенную стилизованную одежду, например, капюшон как у опасной кобры. Это символизировало к таким лицам их неприкосновенность, а на психологическом уровне приводило к скованности и непротивлению им. Разные змеевидные жезлы давали и разные соотношения по иерархии. Потому-то, являясь сводным братом фараону, Моисей обладал с ним и одинаковым большим змеевидным жезлом, а выступившие против него жрецы по их меньшим жезлам уступали Моисею, естественно, он их попросту одолел. Когда уже иудеи вышли из Египта, то по пятам их преследовали стражники и войны фараона, которые были для тех иудеев даже психологически неприкасаемы, и они с

легкостью покорялись им. Чтобы снять эту психологическую зависимость и раскрепостить иудеев, Моисей и заставлял касаться сделанного им медного змея. Те, кто преодолевал эту зависимость на психологическом плане, уже не подчинялись и даже сопротивлялись стражам и войнам фараона, а кто даже этого не смог психологически преодолеть, те поражались, так сказать, этими “змеями”. Вот один только из приведенных мной примеров психологических аспектов и толкований со змеевидным образом.

В статье “Симуляция” я также рассказал и о тотемном символизме с египетским горожанином, как со змеем искусителем, и привел психологические реакции у Адама и Евы с переворотом в их мировоззрении. Они считали свой волосной и кожный покров их естественной одеждой, но, приняв уже иное мировоззрение, начали стесняться уже своей наготы, а по этим психологическим преобразованиям божий садовник определил, что они нарушили с ним заповеданный договор.

Есть и определенные приемы у жрецов и верховных правителей для удержания народа в неких самосознаниях и социальных мироустройствах, причём просто на психологическом уровне. Таким же образом новые верховные правители стараются уничтожить знамения и исказить исторические события и по-иному (в ином свете) их освещать, при этом утверждая свои новые или старые символы и знамения. Например, из прошлой исторической летописи ярко представлять нечто негативное, благое интерпретировать как вредное, при этом их вредное и нечестное представлять, как полезное для всех и справедливое.

В древности нередко умершему плотью вождю – верховному правителю – придавали нетленное тело и запечатывали в некий саркофаг или в ковчег. А его последователь должен был положить перед этим нетленным телом внутренних и внешних врагов (чаще символы этих врагов). Хотя затем и нечестивые стали это использовать, но, чаще всего, когда уже историческая живая летопись заканчивалась. Нечестивые жрецы, часто пользуясь незнанием многими людьми духовных преданий, с легкостью закрепощали людей в почитаниях и в благоговении то перед некими нетленными мощами, то перед некими предметами, принадлежащими якобы истинным просветителям. Тем порой увлекая далеко от того, что дал в учениях тот или иной просветитель или верховный правитель. Потому некоторые истинные просветители и пророки стали просить своих учеников раздавать все тем людям, которые в этом нуждаются, но не знают, от кого это, и хоронить себя так, чтобы ни один не смог обнаружить его останки, а если кого и обнаружат, то вряд ли узнают кому они принадлежали. Потому делали погребение труднодоступным, недоступным, и даже с различными угрожающими надписями. Так после Моисея оставили всего-то один его посох, но как только нечестивые жрецы стали выдавать это за якобы чудотворную святыню, и толпы невежд пошли почтить и причаститься к посоху, то его уничтожили. То есть в этих даже

соотношениях надо очень серьезно разбираться, а не делать порой нелепые заявления.

Итак, от рождения бывает душа не обладает святым духом, и потому часто такие и попадали в низший социальный статус, тогда как другие имели дар от святого духа, а потому и занимались просвещением, лечением, воинским искусством, изобретательством, различными видами искусства, различным проектированием, управлением и переходили в более высший статус. То есть душевные переживания по-разному уже соотносились к различной пище, питью, запахам, социальным статусам, законотворчеству, суждениям и судам, а также сознание относительно бытия, бытия к сознанию, сознание к сознанию, бытие к бытию. Так и к различным звукам и мелодиям, обликам, образам, чувствам, информационной среде, нравам или неким социальным и моральным или аморальным принципам, душа как бы могла впитывать и приобретать многогранные проявления и соотношения, например, скверное или благое соотношение.

Как же некий божий человек или нечестивый приобретают для себя, так сказать, души и каким оружием ведется брань за души людей?

Так некий верховный правитель или претендент на верховенство давал особые обещания для некоего сообщества, и это соотносилось с заветными договорами или с клятвами. Если члены сообщества принимали его замыслы, то он и приобретал для себя тех, кто вступал, так сказать, в его сонм и становился его уже народом. Если сам же верховный правитель нарушал свои обещания или клятвы, то он становился изгоем или его сменял другой, а если он сам отрекался от того, чему он клялся, то утрачивал всё царство и народ.

Конечно же, почти в каждом сообществе имелись разрушители установленных норм и законов, но к таким применялись и особые меры воздействия, от порицаний до реальных наказаний, естественно, по степени содеянного, а также и различной хвалы и наградений. При одном правителе изгоями были одни члены общества, а при других они прославлялись, тогда те, кто прославлялись при первом правителе, уже поругались при втором. Так же точно эти взаимоотношения поддерживались к символам и памятным знамениям. Иногда в эти взаимоотношения вмешивались природные неурожайные года или, напротив, урожайные. Иной раз это происходило от войн, при этом как гражданских, так и при внешней агрессии. Часто применялся и искусственный дефицит и саботаж, что очень ярко было использовано с антисоветской перестройкой, чтобы возмутить народы на правящую власть.

И сам человек мог получить как отрицательный, так и положительный личный опыт, а также иметь различное расположение ко всему спектру этих взаимоотношений. Вместе с тем эти факторы могли иметь и массовый душевный энтузиазм или отторжение, нейтральность. Души могли и просто покупаться или продаваться, а это

вовсе могло не зависеть даже от социального статуса, их могли искушать порочными соблазнами, чинами или должностями, испытывать их по-разному, чтобы определиться, подходит та или иная душа для некоего верховного правителя и его духовной или кровной наследственности. Для многих людей камнем соблазна и преткновения всегда было, есть и будет то, что человек может быть божественным или Богом, как, впрочем, и дьяволом. Есть даже нелепые попытки ученых некими формулами доказать или опровергнуть божественное или дьявольское, как, впрочем, нелепыми выглядят попытки и якобы неких верующих это доказывать. Меня это, конечно, удивляет, вроде у людей есть уши, глаза и прочие чувства, и неужели они не слышат, как одни своим сквернословием оскверняются и оскверняют, а другие благословляют, одни творят благие творения и поступки, а иные – вредные и порочные?

Так зарождались и различные социальные, этнические, географические и прочие сообщества, где у каждого члена были профессиональные призвания и духовные их предназначения. При одном правлении люди могли занимать одни социальные ниши, а при других – другие. Когда общество в своем большинстве и мироустройстве было нечестивым, то начинались разного рода извращения, социальная несправедливость, вместо реального просвещения и лечения, моральных принципов и окультуривания шло растление, внушался всякого рода фанатизм...

Я уже писал и тут обозначил, чтобы смертной душе родиться свыше, ей требовалось начать господствовать над пороками, а не чтобы пороки господствовали над ней. Однако порой и верховная власть была настолько порочной и нечестивой по отношению к вопросу равных возможностей и социального воспитания, просвещения, равноправия, что такой власти даже приходилось принимать особые кастовые отношения и даже законы.

Конечно, даже в небольшом сообществе люди могли объединяться по национальным, социальным, профессиональным и иным признакам, хотя и там были психологически, физически, интеллектуально и морально слабые люди, а потому и там шли градации.

Однако за все время человечества шли противостояния общинных или коммунистических обществ с частными или с сектантскими, как, впрочем, и внутри таких сообществ, которые, разумеется, объединялись опять же на порочных и благих принципах.

Итак, заканчивая тему о душе: человек может уже по изложенной мной информации определиться сам по историческим и массовыми неким процессам, что за дух господствует в его душе, в его исторической летописи, какой был при другой исторической летописи и так далее.

Сергей Пашков

АВСТРАЛИЯ

ИНГА ДАУГАВИЕТЕ

Родилась в Риге, 18 лет живу в Мельбурне.

Муж, двое сыновей, две собаки, два кролика... две рыбки.

Родной язык

Снова приснятся шпили и купола.
Где родилась? Вопросы немых анкет.
Это какой же надо иметь талант,
Чтобы всю жизнь - на единственном языке
Петь, молиться, плакать и проклинать.
Чтобы земля и страна, и язык - одно?

...Вижу двадцатый год - в иноземных снах -
Шпили и купола накрывает ночь.
Господи! Я с тобою давно на ты,
Не на коленях, Отче, глаза в глаза.
Помыслы неуклюжи, слова - просты.
Но ведь зачем-то такую меня - создал?...
Тучи вдоль горизонта. Дождись грозы,
Дышит золой и дымом декабрьский час.

Только одно осталось - родной язык,
Слово - на слух и вкус, и строка - на глаз.

Мы

Конечно, факт остается фактом -
Виновен Запад! Ату и фас!

Мы подрастали с тобой в антракте
Бездарных драм, превращенных в фарс,
Потом - выросли. В шальном апреле
Влюбляться - ах! Не хватает слов...
Теперь на пару, сестра, стареем.
И разнесло нас. И - занесло.
По карте - вдоль, и чуть-чуть налево,
И снова вниз. Материк - с ладонь!

Что остается? Смотреть на небо,
Одно - на всех бесприютных - небо,
И повторять "Элохим Гадоль"

Щебечет дождь и шепчутся оливы,
Цветёт многострадальная земля.
- Я расскажу тебе, как полюбила
Лесная дева - сына короля.
Да нет, добром не кончится. Ресницы
В лесу смежил красавец - на века.
Ложись и засыпай. Пускай приснится,
Как ветер гонит в небе облака,
Швыряет в море. Солнышком обласкан,
Плывёт кораблик, флаг - цветов зари.
И вспомню - почему-то в русских сказках -
Бессильно-долго спят богатыри.
Спит королевич, где-то ждёт принцесса -
В чужой земле, там, где ни змей, ни зим.
Колокола зовут народ на мессу,
И шпиль собора небеса пронзил,
Короче - королевич. Засыпаешь?
Приснятся - золотые купола,
Другая жизнь - от края и до края..
- Россия? Нет, не знаю. Не жила.
Открыть глаза. Сестра бренчит ключами,
Пытаясь в темноте найти замок.

Когда-нибудь. Потом. Перечитаю
Твое письмо.
Последнее письмо.

АЛЕКСАНДР ГРОЗУБИНСКИЙ

Харьков, потом Нижневартовск, Мельбурн, Австралия.

В Австралии с 1992 года. По профессии программист. Печатался в различных Австралийских сборниках поэзии и в Интернет-журналах, в частности в «45-й параллели». В 2006 году был удостоен высшей награды международного поэтического турнира в Дюссельдорфе.

Эсхатологические рефлексии

Письмо

У нас здесь суета и визг, и шум
Достиг предела.
Мон Шер Ами, я снова Вам пишу.
От не фиг делать.

Надеюсь что у Вас все хорошо
При муже новом.
Мон Шер Ами, я написал стишок,
Как мне хреново

О том, что я себя пережалел.
(С деньгами туго)
О том, что каждый день все тяжелей
Бежать по кругу

О том, как мне тоскливо на душе
И нет отрады
Вы мне не отвечаете, Мон Шер.
Ну и не надо.

Супермен.

Такой красивый крупным планом
Хотя и в синяках порой
Смотрю боевики, где главный
Большой и сильный сверхгерой
Как он разил врагов без страха,-
А было их не меньше ста.
Потом Любимую потрахал.
А Нелюбимую не стал
А Нелюбимая просила.
Но он сказал ей твердо: «Не»
А Нелюбимая красива.
Но он на то и супермен
А я вот из другого теста.
Я телом слаб, на ласку щедр.
Мне все красивые - невесты,
А если просит, так ваще.
И под кефир ацедофильный
Глотаю эту супер-муть.
И ничему не учат фильмы.
И книги - тоже ничему.

ДМИТРИЙ ВОЛЖСКИЙ

Родился и вырос в Ярославле.

Произведения публиковались в альманахах «Австралийская мозаика», «Витражи» (Австралия), «Воинская слава» и «Поэт года» (Москва). Песни звучали в эфирах радио «Эхо Москвы» и «SBS». Несколько песен вошли в магнитоальбомы знаменитой «Солдатской студии» В. Петряева.

Номинант премий «Поэт года-2011» и «Поэт года-2014».

Призёр сетевых литературных конкурсов (в т. ч. международного Грушинского 2014 года). Рекомендован для выступления в СП России.

Не пропадай!

- Ну давай, не пропадай! -
В пустоту слова упали,
И поспешный звук
Шагов его затих.

- Ну давай, не пропадай! -
Всё кончается в начале
В лучшем случае
Бутылкой на двоих.

- Ну давай, не пропадай! -
Адресочек с телефоном
На примятости
Случайного листка.

- Ну давай, не пропадай! -
Ну а дальше - всё знакомо-
Не зайдёт, не позвонит
Наверняка.

В день, когда всё вкривь и вкось,
И когда чуть-чуть полегче
Я звонил, а он, мол, дел -
Ну просто край,
А когда, уставший врать,
Он включил автоответчик,
Я всё понял, но сказал:
- Не пропадай!

Он пропал почти на год,
И не при смерти, не в коме
На глаза попавшись,
Глупо объяснял,
Как он занято живёт
За углом, в соседнем доме,
А листочек мой в запарке
Потерял.

И поплыл под сердцем лёд
От никчёмной этой встречи,
И в момент забыв,
Что это всё-вода,
Я, как круглый идиот,
Вновь наивен и доверчив,
Вслед за номером черкнул:
«Не пропадай!»

Как и прежде он ушёл,
Ничего не обещая,
Дав понять, что здесь
Не принято дружить,
И с тех пор в чужой стране
Я так больно привыкаю
Расставаясь, ничего
Не говорить.

Наталья КРОФТС

Родилась в 1976г. в городе Херсоне (Украина), окончила МГУ имени Ломоносова (Россия) и Оксфордский университет (Англия) по специальности классическая филология. Сейчас живёт в городе Сидней, Австралия.

Автор двух поэтических сборников. Стихи, рассказы и переводы публиковались в русскоязычной периодике и коллективных сборниках (в журналах «Юность», «День и ночь», «Слово/Word», «Австралийская мозаика» и др.). Стихи на английском опубликованы в четырёх британских поэтических антологиях.

Лауреат ряда литературных конкурсов, в том числе - «Согласование времён», «Золотое перо Руси», «Цветавская Осень», «Музыка слова», «Музыка перевода-II», турнира переводчиков «Пушкин в Британии».

Я не хочу тебя терять.
И находить.
Нас - поминутно - умирять
и резать нить.
Но мы сидим - и мир затих -
глаза в глаза.
Ну, что, кто против - из двоих?
Мы оба - за.

За ярость, за угар, за круг -
порочный - встреч.
За жажду губ - коснуться рук,
лица и плеч.
За дар - на лезвии побыть,
у острия.
За то, чтоб слиться - и забыть,
где ты, где я.

За дрожь, как в ломке наркоман -
от пустоты.
Мы - за обман. Самообман.
За бред мечты.

И за похмелье из - позволь! -
вины, стыда.
За сожаления. За боль.
За миг, когда

тебя - как бабочку на гвоздь -
пронзит насквозь,
что наши жизни были врозь
и будут врозь.

Итак, опять: глаза в глаза.
(Вводи иглу!)
Мы оба за... Мы оба за...
Начнём игру.

Я - жёлтый листик на груди твоей.
Меня на миг к тебе прибило ветром.
Вот и конец. И не найти ответа,
зачем в тиши изнеженного лета
поднялся ветер и, сорвав с ветвей,
мне дал на миг прильнуть к груди твоей.

Херсонская зарисовка

Осенний день. Репринт. Перепечатка
прошедших лет. Жёлт плагиатор-клён.
Хоть солнечно, но ты уже в перчатках.
А под асфальтом прячется брусчатка,
как беженка из сказочных времён.

Осколки

Разбиваются - опять - на куски
все мечты, что я держала в руке.
Барабанит горечь грубо в виски
и болтает - на чужом языке.

Поднимаю я осколки с земли -
может, склею - зажимаю в кулак.
Но мечты уже - в дорожной пыли:
и не там я - и не с тем - и не так...

Только вишенкой на рваных краях -
на кусочках - тёмно-красным блестит
капля крови - от мечты острия,
от осколка, что сжимаю в горсти.

Мир исчез.
Мгновения скользят.
В телефон я глупости шепчу.
Ум твердит: «Оставь его. Нельзя».
Сердце властно требует: «Хочу».

Через стык континентальных плит
я за сотни вёрст к тебе лечу,
сквозь «нельзя», которое болит,
к одному желанному «хочу».

И сомкнувшись так, что не разнять,
не унять и не остановить,
не понять запретов, не принять -
пьём одно кипучее «любить».

...Но уводит прочь моя стезя
от тебя. Ты куришь. Я молчу.
Глотку жмёт суровое «нельзя»
веру потерявшему «хочу».

Всё. Рука пуста. Реванш не взят.
По закону чести я плачу:
падаю на остриё «нельзя»
с выси недоступного «хочу».

АРАРАТСКОЕ ПРИТЯЖЕНИЕ

В разное время об Армении писали Пушкин и Грибоедов, Белый и Брюсов, Мандельштам и Городецкий, Гроссман и Битов. И сегодня эта удивительная земля, этот народ, «хранящий ощущение корней, как щепку древа Ноева Ковчега», по-прежнему притягивает к себе. Земля, разделённая геополитическими границами со своим национальным символом – библейским Араратом, презрев любые границы, провозглашая слово, объединяет литературы и культуры Востока и Запада...

В 2001 году по инициативе армянских участников «Литературного экспресса» и Общественной организации «Армянское общество культурных связей» (АОКС), в Ереване был основан международный литературный фестиваль «Литературный ковчег», собравший поэтов и писателей из разных стран. Фестиваль был приурочен к 1700-летию принятия Арменией христианства и традиционному Празднику Святых Переводчиков. В основу фестиваля были положены возрождение связей литератур и культур, привлечение внимания зарубежных авторов к современной Армении, к продолжению творческого диалога между писателями, издателями и переводчиками. По инициативе министра культуры Армении госпожи Асмик Погосян, фестиваль стал ежегодным. Каждый раз Армения гостеприимно встречает всё большее число участников, среди которых и мировые литературные знаменитости и молодые авторы, и те, кто впервые открывают для себя библейскую землю и те, кто хоть раз приехав, снова и снова возвращаются сюда.

Однажды побывав в Армении, не написать об этом уже невозможно. По окончании каждого фестиваля выходит сборник литературных произведений, отражающий размышления, впечатления и заметки участников о путешествии. Араратское притяжение слишком сильно! Не случайно, именно под этим названием – «Араратское притяжение» – в 2013 году в ереванском издательстве «Вернатун, Аредит» при поддержке Министерства культуры РА вышел итоговый сборник очерков, рассказов, стихотворений и эссе, включающий избранные произведения четырёх прошедших фестивалей (руководитель проекта – министр культуры РА А. Погосян, составитель – замминистра культуры РА Н. Тер-Варданян.). Эта книга не гид-путеводитель по стране, эта книга – путеводитель

по писательским эмоциям, по внутреннему пониманию и ощущению Армении, книга – признание в любви народу, стране, культуре и нации в целом.

Творческое общение ковчеговцев продолжается и за пространственными и временными пределами фестиваля: одним из примеров подобного сотрудничества стал билингва-сборник современной армянской и русскоязычной поэзии «Буквы на камнях», вышедший в 2013 году в Москве в издательстве «Художественная литература», при поддержке Министерства культуры РА, Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям (Россия), общественной организацией «Переводчики стран СНГ и Балтии» (Армения) и культурно-благотворительного фонда «Грант Матевосян». В сборник на языке оригинала и в переводе, вошли поэтические произведения 22 армянских и 22 авторов, пишущих на русском. Среди авторов сборника, большинство – участники «Литературного ковчега» разных лет. Составители и авторы идеи проекта – Е. Шуваева-Петросян, Г. Гиланц, Д. Матевосян, В. Чембарцева. Презентации успешно прошли в Ереване и Москве, книга была представлена в Ташкенте, Душанбе, на поэтическом фестивале в Грузии.

Ещё одним проектом, сложившимся в результате «Литературного ковчега», стал выход в свет поэтической книги на трёх языках «La marcia dell'ombra /Марш тени» итальянского поэта Клаудио Поццани, неоднократного участника «Литературного ковчега», директора поэтического фестиваля в Генуе. Книгу выпустило ереванское издательство «Зангак» в 2013 году. Переводы на армянский язык выполнены Давидом Матевосяном, переводы на русский – Викой Чембарцевой. Сборник был представлен в Ереване, в Москве и на поэтическом фестивале в Генуе.

Армения. Земля Ноя.. Если Бог искал место покоя для глаза и духа, здесь Он нашел самое лучшее. Смещение и смешение пространств. Время, падая тут с высоты, становится вертикальным и останавливается. Увидев Армению, подробно влюбляешься в неё. И это удивление от испытанного чувства, рождает новое писательское слово...

Вика ЧЕМБАРЦЕВА
поэт, прозаик, переводчик (Молдова)

Геворг Гиландц

Родился в 1966 г. в Армении. Поэт, писатель, переводчик. Окончил ВЛК Литературного института. Член Союза российских писателей и Союза писателей Армении.

Перевод Сергея Надеева

* * *

Деревья...
 Огромные, до небес...
 Небо нависло – неприветливое,
 грузное...
 Лодыжкам угрюмого неба
 щекотно от верхушек сосен...
 Избы, уткнувшиеся в стену тайги,
 срублены без единого гвоздя.
 Точно помню, что был я женщиной,
 сарафан на мне – белый, вышитый,
 мужчины и женщины пели,
 хороводы водили,
 ходили по домам...
 Потом – в какую-то дверь...
 Угрюмая комната,
 обросший мужик
 по-медвежьи ревет...
 Блеск по лезвию топора...
 Лоб в испарине...
 В накатившей слабости
 мир начал распадаться, плавиться,
 и, смешавшись, завилась в поток –
 я, топор, деревья, снег, солнце...
 Затем очнулся в нашем доме,
 мир отчасти окреп,
 но всё ещё вращался –
 я глотал его с молоком матери.

Арусяк Оганян

*Родилась в 1975 году в Ереване.
 По профессии – финансист.
 Поэт, член Союза писателей Армении.*

Перевод Елены Шуваевой-Петросян

ПЕРЕД ПЛАЧЕМ

Спрятала свою кисточку
 И играешь в ленивую осень
 На бесцветных тропинках дня,
 Убегающих в небо.
 Назначь мне роль
 В твоей новой пьесе –
 Я привыкла быть покорной
 марионеткой.
 Опоздай,
 Тихо собирая свои дожди

В задушенном крике горла.
 Я покраснею и пожелтею
 Вместо тебя.
 Сведенными судорогой,
 Корявыми пальцами
 Оборву, общиплю
 С серых деревьев
 Безжизненные листья.
 Прогремлю и гряну,
 Как гроза,
 Но когда придет время
 Твоего звездного плача,
 Забудь меня, утомленную нарочитой
 грустью,
 В мастерской кукольного мастера.
 Грусти.

Клаудио Поццани

Родился в Генуе в 1961 году. Поэт, прозаик и артист известный как в Италии, так и за ее пределами. Организатор поэтических перформансов, представляемых им в рамках известных международных литературных фестивалей. Его стихи переведены более чем на 10 языков и опубликованы в различных международных антологиях и журналах поэзии.

Перевод Вики Чембарцевой

МОЕЙ МАТЕРИ

Увидел твоё лицо в той комнате
 я – испачканный кровью и слизью
 ты – растеряна и любопытна
 Я пытался сказать
 что не знаю, хочу ли я жить вне тебя
 но слова, пребывавшие в голове
 перемешивались друг с другом во рту
 В этот самый момент я познал:
 вся грядущая жизнь – лицемерие
 и парадокс
 только что я доставил страдания тебе
 из-за меня ты кровоточила
 и всё же плакала – я
 а ты мне улыбалась
 Видел твоё лицо в той комнате
 пока меня забирали
 было слишком суетно, для того,
 чтобы я мог сказать,
 как был счастлив что чрево, приютившее меня
 наконец обретало лицо
 А чуть позже, мы с коллегами
 обсуждали реинкарнацию
 вечное возвращение, циклы Вико
 но мне не терпелось увидеть тебя снова
 узнать твоего мужчину и вашего сына
 чьи голоса я слышал приглушённо
 и далеко
 Я увидел твоё лицо в той комнате
 и отдал бы всё за то
 чтобы вспомнить.

БЕЛЬГИЯ

Майя Шварцман

Майя Шварцман. Родилась в Свердловске (Екатеринбурге), закончила музыкальную школу-десятилетку и консерваторию, скрипач. Работала в театре Оперы и балета. Из России уехала в 1990 году.

Публикуется с 1984 года. Пишет стихи, а также рецензии и статьи о классической музыке. Постоянный автор сайтов Belcanto.ru и Operanews.ru.

Памяти деда 1895-1937

День обескровлен, сон вождеден.
Сдаться бы дрёме в гибельный плен.
Гоблины ночи ткнут гобелен:
сумерки, лес, олень.

В волнах волокон видится вздор.
Нитку потянешь, калеча узор.
Петлями в ночь выходят из нор
память, вина, укор.

С нитью в потёмках как ни бродяжь,
тропка уводит в заросли пряж.
Тьма поглощает тканый пейзаж.
Марево, рябь, мираж.

Ночь узловата, страх долговяз.
Лес и олень превращаются в вязь
спутанных букв, двоясь и ветвясь:
Буки, Земля, Аз.

Руку протянешь, чтобы прочесть -
в вереске ворса утонет жест.
Воздух податлив, сумрак разверст.
Шорох, шуршанье, шерсть.

Пасмы слоются, вьют вензеля,
ставят силки и ловушки, юля.
Вбок из-под ног уходит земля.
Нить, узелок, петля.

Пока твоя пора - резвись в саду серебряном австрийском,
играй, смешливый гимназист, бросай снежки, несись вдогонку.
В кармане варежек комок прилип к ореховым ирискам.
Летит запущенный снежок.
Придёт четырнадцатый год, и португеза на погон, как
влитая ляжет, и пойдёт мотать тебя в чужой сторонке -
давай держись,
пока не оборвётся жизнь в расстрельном дворике чекистском.

Гоняй в горелки и лапту, веди с друзьями разговоры.
Подобранною на мосту тyani по изгороди палкой, -
затараторит так свежо скороговорочка забора.
Летит запущенный снежок.
Как пулемёт, трещит забор, взлетают взбалмошные галки,
все враз, как погребальный хор, заходятся в картавом гвалте
и на лету
роняют перьев черноту на снежный сад белей фарфора.

Ни кинохроник, ни бумаг, всё в гулком пропадёт колодце.
Большой Медведицы черпак, плеща на звёздные окурки,
качается, сползает вбок луны черствеющая клёцка.
Летит запущенный снежок.
Под ним вращаются миры, и навзничь падают фигурки.
Уже совсем не до игры подростку в дымчатой тужурке.
Сквозь вязкий мрак
летит снежок и всё никак земли промёрзшей не коснётся.

Пане

- Мы знаем всё, - журчит, усыпляя зал,
докладчик, по сцене гуляя неторопливо.
Рисует то, чего никто не видал,
трактую теорию - ту, что большого взрыва.
И пишет гладко вилами по воде
догадок, в расчётах больше всего заботясь,
чтоб сумму прописью не забыли где -
за пирамиды формул, за пот гипотез:
на наш век хватит, а дальше гори огнём.
...Но век не наш, мы время не приручили
арестом в часах наручных, век чуда ждём
в потёмках цифр, и ныне - как при лучине.
Ведь никого, представишь ли, никого,
кто мог свидетельствовать, пережив, - да просто
существовать, хотя бы как слизь, комок,
пра-пра-амёба, спящая под коростой
небытия. Что толку живописать,
как громоздился мир, угловат и шаток,
шипели кометы, срываясь с крутых глиссад.
Рожденье вселенной без планетарных схваток
проходит и впрямь во взрыве большом, в зазо
ре тайном, в податливой глубине пещерной.
И кто б там мог взахлёб обонять озон
и чутя, как в диком воздухе пахнет спермой.
При вспышке искр, в открытии - нет сырей,
летит дыхание из грозового зева.
В одно сливаясь, божья гудит свирель
и вельзевулов зычные вувузели.
Густеет зигота, пульсирует буква аз,
трепещет под тонкой плёнкой сквозное темя.
И время часы запускает в несчётный раз,
избрав этот частный космос своим тотемом.
И что там квазары, бездны, сверхновых свет
пред этим пористым сгустком, нежнее спонжа.
И жить бы ему и нежиться, словно нет
окраины мирозданию...

*Но дело в том, что
одна такая вселенная божий сад
в отметинах бурье со шрамами звёздных спаек,
меня породившая сколькоото там назад,
чадя, на моих руках сейчас угасает.*

Ни шороха крыльев,
ни звука шагов земных.
Процессия в небе
не шествует ввысь, но реет.
Ворота открыли.
И дух, невесомо взмыв,
за облачный гребень
к просвету спешит скорее.
Для бога прозрачны
все стены, но если нет
простенка, преграды,
заслона, то нет и чуда?
Считать ли подачкой
рожденье своё на свет,
а тело - лишь взятой
в аренду простой лачугой?
Песчаные дюны
недолго хранят следы:
случатся другие,
вновь - неглубоки, непрочны.
Инстинктов табунных
дичась, сторонясь орды,
душа литургию
служит - об одиночке.
Ступенькой поблѣкнуть
в лесах восходящих гамм,
строкой многоточий
в густой многословной толще.
Сипение лёгких -
суть тоже хвала богам.
Дух дышите где хочет
...но если не хочет больше?

Параша Жемчугова

*Исходила младешенька
Все луга и болота
Все луга и болота,
А и все сеньные покосы.*

Голос не выбирает, в каком ему горле петь.
Проклёвывается как птенчик, а там всё крепче
становится и пробует звуков снедь,
щебечет, свистит и делает горло певчим.
Чумазый-играть-не-может, кричит Табаков
в «Неоконченной пьесе для механического пианино».
Но так уж пути господни сошлись, таков
был случай, нечаянностей пантомима.
Росла кузнецова дочка и на косьбе,
в лесу, в огороде, на речке - повсюду пела .
Пропала бы замарашкой в курной избе,
да услышали баре, сама ли несмело
подблюдную завела при них - не узнать,
но в дом княгиня взяла крепостную птаху,
поскольку тогда возлюбила театры знать,
артистов ища среди сельских трудов и пахот.
Жемчужина зреет медленно, спит внутри,
как в створках, в туннеле горла, в бутоне связок,
но музыкой разбудил и позвал Гретри
сиять и петь в заполненном до отказа
атласном зале.

...Младёшенька, пой ещё,
жемчужиной ты останешься на столетья,
хоть век твой короток будет, румянец щѣк
чахоткою обернѣтся, и Шереметев,
вельможный граф, от гибели не спасѣт
ни титулом, ни любовью... оставишь сына -
и свет оставишь.

А в той усадьбе, где свод
театра, как небеса, золотой и синий,
другие поют сопрано, Гретри гавот
всѣ кружится, и нанизываются трели
на нитку эха голоса твоего,
и нет конца жемчужному ожерелью.

*На скорбного отца, как на ловца,
под нож его любви невыносимой
замену возлюбленного сына
бежит овца. -*

Читаешь, попивая кюрасо,
довольный знаньем, греясь у камина.
Раз этот текст священен, мы невинны.
Нам можно всё.

Не изменяешь, не крадѣшь, не лжѣшь,
нож разрезальный в Библии закладкой.
По правилам живущий, честный, гладкий -
ты всем хорош.

По магазину зорок, острозуб,
проходишь ты, достатком подпоясан,
как мясо, выбирающее мясо,
за трупом труп.

На алтаре витрины в зимний день
с тимьяном и маслинами в подглазьях,
разделанный на порции под праздник
лежит олень.

Для умиротворения романс
над залом из динамиков курлычет.
Песнь лебеда над грудой битой дичи.
Камилл Сен-Санс.

Чужую жизнь без устали жуя,
не думаешь о жертвоприношеньи.
Ведь на подносе голова оленя,
а не твоя.

И заглушает Реквием Форте,
как за стеклом в аквариуме хмурым
прозрачная, в родимых пятнах Рура
кричит форель.

Книга Юдифи

К сорока распроставшись с глупостями, что у всех одинаково называются ошибками молодости, Джудит гордится собой, возглавляя гримёрный цех в телестудии XYZ, чья программа «Honesty» входит в десятку топовых. Пастижёр - человек не последний, если не первый, в создании имиджа, любит небрежно она повторять с тех пор, как свою неказистую жизнь изменила своими же силами. Рассудив, что не каждому по зубам диплом, бакалавриат, тихо-мирно закончив курсы, наловчилась так управляться с чужим лицом, что родная мать не узнает; даже из скунса сделает ласочку. Не сосчитать, сколько фоток она запостила за пару лет в своем Инстаграме: Джудит рядом с великими, от прыгуна-спортсмена до губернатора, и при этом ни грамма фотошопа. Вот опять субботний эфир, генерала привозят за час (в его райдере список роллов и соусов). Джудит салфеткой прикрывает ему мундир, чтоб уберечь от пудры, и тихо ахает: «Олаф!»

Что приятно, он тоже сразу её узнал, не притворяясь: небожителю, мол, не по чину, а уж как посмотрел - это видел весь персонал, - говорящим взглядом, как какой-нибудь Аль Пачино. Он не очень-то изменился. Пропать седых волос, но значителен, статен, словно корабль на рейде. Джудит пудрит ему лицо, контурирует крупный нос, прикасается спонжем к векам. «Поднимите мне рейтинг», - шутит он.

...Oh My God, это летний был фестиваль, или рок-концерты, не вспомнить; костры, попойки, лагерь этих на лагерь тех; и в драках кто доставал биты, а кто и ножички. Из брандспойта разливали зачинщиков, только охолонут - и опять... Не то чтоб она была на драчливых падка, и к тому же он был чужак, но кудряв... и широкогруд... так что ночью она сама вилась к нему в палатку. Дальше смутно. Возились, пыхтели, но он был пьян, и она не лучше, облом, ничего не вышло. Он уснул, и она вернулась к своим в полуночный стан, в грязных джинсах, дрожа и ёжась, с курткой подмышкой.

Джудит почти не дышит, глазами сверля монитор, наблюдая, как в студии бойко идут дебаты, генерал (в её макияже!) победно даёт отпор конкуренту-задохлику из соседнего штата. От волнения она даже не слышит слов, не разбирает, за что они языки там трудят... Время вышло, реклама. В гриме почти лилов вне студийных софитов, он уезжает, не посмотрев на Джудит. Всю неделю она живёт сама не своя, на работе нервна и зла, то смеётся, то смотрит букой, перерыла весь интернет: где он служит, что за семья, как живёт, - обглодала с подружками всё до буквы. Зависает в фейсбуке за полночь, изучает детали стен и его, и френдов, впиваясь в сотни физиономий. Это ж надо, такая шишка, и того гляди конгрессмен, а она..?

Джудит шурится, вводит слово в поиск - и набирает номер. Генерал всё равно что мёртв. А казалось, такой колосс, но не выстоял, и электорат, отпрянув, разбежался. Имя Джудит не сходит теперь с полос ежедневных листов, таблоидов и экранов. На процессе на все вопросы она отвечает: да, против воли... да, жизнь разбита... да, эта скверна двадцать лет в душе... Джудит выходит из зала суда и в руках у неё голова генерала Ферна.

Песочные часы в профиль

Какая же мёртвая тень
не рвётся обратно - в любой, лишь бы подлинный день,
к пронзительным горестям плоти, к животным богатствам...
На талии ломкой навек затянув пояс,
часам переваривать тошно всё тот же песок,
ведь сыты по горло, - и снова должны обедаться.

Великое - мимо плывёт.
Огромней, чем воздуха толща, безмерней, чем вод
громады, - хотя захлебнуться глотка бы хватило.
Сокровища будней, пройдя через руки менял,
бренчат медяками: *пил чай... встали поздно... стрелял
ворон...* - времена выцветают быстрее, чем чернила.

При вспышке успеешь принять
удачную позу, подправить небрежную прядь,
ввернуть именную улыбку; но снова со снимка
взирает прошедшее время, такое, как есть.
Скорей переснять, пережить, перевстать, пересесть,
покуда фотограф с визира сдувает песчинку.

Сибелиус. Lemminkäinen Suite

Удивляться ли, что лебедям повезло в искусстве?
(Здесь стоит вопросительный знак лебединой шеей.)
Поплавок гуся и цикорий утиной гузки
с красотой птиц, похожих на орхидеи,
никогда не сравнятся. Из безмерного моря мифов,
живописи, сказаний, - белей до-мажора,
выплывают они, на прикорм и шумиху
внимания не обращая: один - гружёный
ладьёй Лоэнгринга, другой - выкликая Леду,
двенадцать, скользких вместе, - в крапивных робах,
а этот белый косяк - всем озером из балета...
Но за спинами этих стай есть один особый.
Величавый, по чёрным рунам легенд Суоми,
по недвижимым волнам, глотающим плеск и лепет,
на английский рожок, зовущий в смертной истоме,
в царство мёртвых, домой, - плывёт Туонельский лебедь.
Гипнотичен зов этой музыки, под сурдиной
тянут скрипки с закрытыми ртами мотив бескрайний,
отзывается бездна песнею лебединой,
повторяя: Ля-ми... Ля-ми... Лемминкяйнен...

Кто в пирсинге весь, в крючках, а кто краснопёр, -
тряся плавниками, резвится в затоне молодь.
В замшелом гроте, где на стене ковёр
из водорослей, живёт себе рыба-молот.
По-стариковски ворчит на шумливость нерп,
на новых течений струи, на скудость пенсий.
Случается, заплывает к ней рыба-серб:
вдвоём заморить червячка и бывшие песни
побулькать глухо. А помнишь, они кричат,
как мы, бывало, тон задавали в море?
Считались с нами, воспитывали рыбят,
на нас равняясь, от шпроты до шилишпёра.
А то ультразвуком веским запустишь речь
с крутого рифа - какими шла пузырями!
За океаном боялись, и рыба-меч,
и все, кто есть, а нынче любой гурами,
любая гуппи... да что там, с любой из жаб
считайся теперь, понаплывших в пруды и верфи.
Они краснеют от гнева до самых жабр
и, головы сблизив, на память снимают селфи.

Виталий Кузнецов

Кузнецов Виталий Яковлевич родился в 1965 году в Казахстане, детство и юность прошли на Волге, в Самарской области.

С 1982 года проживает в Бурятии. Делегат Первого съезда писателей Восточной Сибири (Иркутск, 2008).

Учредитель и главный редактор авторского литературного журнала «Северо-Муйские огни» (Северомуйск, Бурятия, 2008).

За вклад в укрепление творческих и дружеских связей между литературными Крыма и Сибири награждён грамотой Крымской литературной академии (Симферополь, 2012). За вклад в развитие и пропаганду литературного творчества отмечен Благодарственным письмом Народного Хурала Республики Бурятия (Улан-Удэ, 2012). За вклад в развитие современной литературы удостоен специального диплома Московской городской организации Союза писателей России (Москва, 2013).

Член Европейского конгресса литераторов (Прага, 2013). Лауреат Канадской литературной премии ил. Эрнеста Хемингуэя (Торонто, 2015), всероссийской премии «Левша» ил. Н. С. Лескова (Тула, 2017). Автор книги «Повести» (Канада, 2016 / Россия, 2017). Действительный член Крымской литературной академии (декабрь, 2017).

Старик и псы

(отрывок из повести)

Давно покинутая людьми старая сибирская деревня, ещё до-революционной застройки, буйно зарастала молодым лесом. От прежних дворов не осталось и следа. Лишь разросшийся смородиновый кустарник да редкие одичалые яблоньки ронета указывали на места прежних садов и палисадников. Обветшалые и покосившиеся деревянные дома, прогнивая и покрываясь серым мхом, постепенно осаживались в землю. Полуразрушенные, зияя пустотами оконных проёмов, они напоминали тленные черепа огромных доисторических животных, невесть откуда оказавшихся здесь.

Некогда процветающее село, с добротными бревенчатыми домами и зажиточным хозяйством, стало вдруг ненужным «новому» миру: в годы советской перестройки разграбленное разгулом безнаказанной преступности и окончательно покинутое селение превратилось в кладбище человеческих судеб. Отдельные дома, с кое-где сохранившимися резными оконными наличниками, могли ещё поведать о характере людей, живших здесь когда-то.

Обезлюдившую деревню ныне занимали брошенные и уже успевшие одичать собаки; словно монгольские кладбищенские псы, бродили они среди разрушенных строений.

И всё же, несмотря на жуткую опустошённость бывшего многоядного селения, в одном из уцелевших на окраине домов жил старик, забытый всеми, последний житель заброшенной деревни. Он уже давно остался один, и только свора одичалых собак окружала его. Несколько псов, более всего привязанных к нему, жили рядом с домом и всегда неразлучно следовали за стариком - единственным человеком, оставшимся на многие вёрсты вокруг; и псы охотно подчинялись ему, воспринимая его вожаком своей стаи.

Высокий сухощавый старик был ещё крепок и жилист. Его широкие скулы, обтянутые высохшей ржавого цвета кожей, напоминали о былой природной силе, а взгляд всё ещё искрящихся задором глубоких серых глаз говорил о твёрдости неистребимого духа. Дух жизни, глубоко засевший в сознании одинокого человека, помогал ему справляться с трудностями в суровых, совсем не приспособленных для старости условиях. Каждое утро, в любую погоду, старик выходил из своего обветшалого жилища и в окружении псов проделывал свой обычный моцион: проходил весь нелёгкий путь по бывшей главной улице села от края и до края. Издали казалось, будто сторож на погосте прохаживается среди надгробий, на что походили некоторые пустующие дома.

Но, помимо каждодневных прогулок, у старика было много и других забот, главной из которых на данном этапе являлась подготовка к предстоящей зиме: зима в Сибири, как известно, долгая, длительный холод и бескормица враз одолеют неподготовленного к ней и в два счёта сведут в могилу.

Осень уже настойчиво заявляла о своих правах, врываясь холодным ветром в кроны одиноко стоящих желтеющих берёз, срывая первые пожухлые листья и безжалостно унося их в поля. Первые ночные заморозки, покрывая землю серебристым инеем, к утру выбеливали сереющее разнотравье. Но днём ещё всё так же ярко светило солнце, отогревая остывшую за ночь почву и оживляя своим полуденным теплом всякую мелкую живность. Ожившая мошकारа, казалось, ещё больше свирепела, не давая покоя собакам, беззащитным перед гнусом.

Это утро выдалось особенно тихим и ясным. Безоблачное небо предвещало хорошую погоду. С рассветом, совершив

очередной обход безжизненного села и собрав вокруг себя почти всех собак, оставшихся в деревне, старик отправился проверить свой рыбацкий улов. Сразу за его домом начиналось большое озеро, и в нём было много рыбы. С тех пор, как люди ушли из этих мест, рыбы в озере стало ещё больше; вот только ловить её с каждым годом старику становилось всё труднее: восьмой десяток разменял он нынче.

Основной рыбой в озере был карась, раньше мелкий и неказистый, теперь же крупный и жирный. Всё лето старик вылавливал этих толстоспинных красавцев: уха у него получалась отменной! Карася стало так много, что порой старику не хватало сил, чтобы вытаскивать тяжёлую сеть, единственную на всём озере.

Вот и сейчас, приближаясь к воде, старик заметил, как подёргивались и притапливались на её поверхности большие деревянные поплавки.

– Ну, вот и ладненько, вот и молодцом, – вполголоса произнёс он и мысленно похвалил свою сотню раз залатанную кормилицу. – Только бы выволочить... мать иху... – как бы отвечая на чей-то вопрос, добавил тихо.

Собаки тоже почувствовали большой улов и, проявляя беспокойство, первыми помчались к озеру. Они поняли, что сегодня будут сыты, и это взбодрило их.

На берегу, опрокинутая кверху дном, лежала небольшая деревянная лодка. По разошедшимся, но густо вымазанным сосновой смолой швам было видно, что хозяин старательно заботится о своём единственном рыбацком судёнышке. Вокруг лодки суетливо вертелись собаки. Размахивая хвостами, поскуливая и повизгивая, они бросали беглые взгляды то на воду, то в сторону неспешно идущего старика: оголодавшие псы поторапливали своего жоака. Приблизившись к своре, старик дружелюбно заметил

– Ну, что, лохматые, не терпица-то, – и, потрепав широкой ладонью холку одного из псов, решительно подошёл к лодке.

Перевернув её и спустив на воду, он легко забрался внутрь. Оттолкнувшись от берега единственным веслом и поочередно отгребая им воду с обеих сторон, старик умело поплыл в сторону камышей. Там к торчащей из воды лиственничной жердине крепилась сеть, вернее, один её край. Отплытие хозяина так взволновало молодых собак, что те, повизгивая от нетерпения, забегали по всему берегу. Более взрослые и уже потёртые жизнью псы, степенно рассевшись у кромки воды и вытянув морды, спокойно наблюдали за привычными действиями их человеческого жоака

Подплыв к камышам, старый рыбак отвязал закреплённую на жердине сеть и принялся её вытаскивать. Первый крупный, бронзового цвета, жирный карась шумно плюхнулся на дно лодки – свежий и острый запах живой рыбы и тины ударил в нос старика. На берегу пуще заволновались голодные собаки, даже степенные псы повставали в предвкушении сладкой и жирной рыбы. Некоторые из них, не выдержав, зашли по брюхо в воду и, повилявая хвостами, стали подавать голос. Но старик, не обращая никакого внимания на их просящий короткий лай, спокойно продолжал вытягивать из воды плотно набившуюся рыбой сетушку.

Вытащив только половину сети и уже почти наполнив лодку трепещущим карасём, старик поплыл к берегу: всю эту рыбу он сначала скормит собакам и лишь затем вернётся за остальным уловом, чтобы уже оставить его для себя, предварительно заготовив в запас на долгую зиму.

Уже у берега старик стал бросать карасей собакам, вызвав среди них настоящий переполох. Те, что первыми успевали схватить рыбину, сразу же отбегали от своры и, жадно чавкая, старались быстрее проглотить добычу. Даже с прокушенной головой, живучий карась, всё ещё продолжая елозить своим широким хвостом, доставлял немало хлопот поедающей его собаке: крупный и сильный, он то и дело наносил хлёткие удары хвостом по собачьей морде, пачкая глаза и нос тягучей, липкой рыбьей слизью. Так продолжалось до тех пор, пока все собаки не насытились. Рыбы было много, и потому хватило всем.

Последний, среднего размера карась достался самому нерасторопному и мелкому щенку, вероятнее всего, больному. Этот щенок в очередной раз получил отсрочку – собаки существовали по закону дикого мира, где слабые должны погибать, и лишь благодаря стариковской заботе они ещё продолжали жить. В предстоящую зиму многим ослабевшим собакам придётся очень туго, и, возможно, этому больному щенку не повезёт – он не доживёт до весны.

Но сейчас всё обстояло куда как лучше: наевшись до отвала, собаки разбрелись по своим излюбленным местам, унося с собой в зубах, в запас, по рыбине. Лишь некоторые псы, самые верные и преданные, те, что всегда неразлучно следовали за стариком, остались на берегу. Полёживая, довольные сытостью, они дожидались возвращения своего жоака.

Старик же не спешил. Наслаждаясь теплом безветренной погоды этого утра и неторопливо выбирая запутавшихся в последних метрах сети карасей, он вдруг, тяжело вздыхая, протяжно вымолвил:

– Да...

Дремлющие на берегу собаки, мгновенно приподняв морды и обратив их в сторону лодки, наострили уши: им показалось, что хозяин позвал. Но старик даже и не посмотрел в их сторону. Псы вновь улеглись, вытянув лапы: приятно было растянуться на прибрежном тёплом песочке, пока ещё не повылез остуженный за ночь гнус.

Задумавшись, старик вспомнил, как в последний раз навещал его бывший односельчанин, тоже уже преклонных лет мужик. Было это года три назад. Звал он тогда старика.

– Собирайся, старый, – молвил он, – не дури. Зима скоро, завалит снегом-то, сгинешь как собака, и схоронить-то некому будет.

Но не захотел тот бросать своих верных друзей.

– Куда-то я без них, без лохматых-то. Заскучаю и помру раньше времени-то. Тут-то благодать, простор, да и жизнью видать глубже. Корни мои здесь, – незатейливо, но верно отвечал ему тогда отказом.

Попросил лишь соли да крупы. Не забыл сосед, привёз, но с тех пор уже не появлялся здесь. «Если б не он, не жить бы мне уже-то», – вспомнив односельчанина, подумал старик, а затем, глубоко вздохнув, произнёс своё вырвавшееся вслух «Да».

С тех пор никто не навещал старика. Крупа уже кончалась, а вот соли хватило бы ещё года на три: постарался тогда мужик – главным продуктом посчитал, и не ошибся. Прав-да, слежалась она в мешках, и приходилось старику выдалбливать её. Но это уже был пустяк.

«Главное-то, есть чем продукт сохранить... Выходит, пролил мне жизни-то сосед мой», – тоскливо размышлял он.

– Ну, да ладно-то, ишь раскис, – проворчал вполголоса на себя самого старик и уже нарочито громко окликнул собак:

– Эй, лохматые, собачий-то потрох, принимай баржу!

Псы, враз подскочив, поняли, что хозяин возвращается и, дружно размахивая хвостами, негромко залаяли в ответ. Поняли, мол, встречаем. Тут же появились и некоторые другие собаки, отдохавшие где-то поблизости. Они, услышав призывный голос старика и приветственный лай сородичей, вновь прибежали, надеясь, что и в этот раз поживятся рыбкой. Но не тут-то было. Верные старику псы, задав лёгкого трёпа обнаглевшим молодым собратам, поставили их на прежнее место.

Такого рода службу старик ценил очень высоко и всегда поощрял своих привилегированных псов. А иначе было нельзя: в полуголом диком собачьем сообществе без верного окружения можно и самому стать жертвой. Уже больше десяти лет собаки жили наедине с дикой природой; и много их поколений родилось и выросло, не ведая человеческого общения.

В некоторых из них текла уже и волчья кровь: вокруг было много волков, а за каждой сукой не уследишь. Такие псы, взращённые по диким законам, на многое могли быть способны. Одичалые собаки, размножившись, конечно, потеснили волчьи стаи, но в борьбе за пропитание уже начинали конкурировать и между собой. В особенно голодные зимы бывало, что и друг на друга нападали.

Только лишь сила и верное окружение могли ещё оградить старика от возможных нападок полудиких, постоянно голодающих, помешанных кровей псов. Вот и приходилось ему каждый сезон подбирать из нового поколения всё новых щенков, чтобы те, когда придёт время, могли заменить состарившихся или погибших: старые и ослабевшие псы однажды могут не выдержать натиска не очень дружелюбно настроенных, голодных чужаков, и тогда им всем не поздоровится.

Выбирал старик самых рослых и крупных щенков. Несколько дней он выдерживал их в своём доме, а затем, уже прирученных, выпускал. Вся свора охотно принимала малышей, пахнувших хозяином, и оберегала их как своих. Выращенные в сытости и окружённые вниманием и человеческой заботой, они впоследствии становились верными и преданными старику.

Нынче в его своре насчитывалось до пятнадцати псов, в основном молодых, мощных и сильных: сук в стае не было, дабы не ссорить кобелей. Старые псы, жившие у старика с первых дней, ещё с тех пор, когда он остался один в деревне, составляли костяк своры, их было четверо. Преданность хозяину и друг другу возвышала их над всеми остальными. Они никогда не разлучались и никогда не отставали от своего вожака. Много разного и много всякого им пришлось пережить вместе. Лучших друзей, чем верные псы, старику уже не найти теперь.

Об этом вот и думал старый рыбак, причаливая лодку к берегу. Он видел, как радостно встречают его настоящие, преданные друзья и верные помощники в этой нелёгкой одинокой жизни. От мысли, что они, и он вместе с ними, уже доживают свой век, старик почувствовал жалость... но жаль ему стало не их и себя, а тех, кто останется здесь жить дальше.

И, слава Богу, никто не знает, сколько кому отмерено и что будет завтра; может, всё будет не так уж и плохо. И лишь эта надежда даёт возможность жить.

Над озером всё выше поднималось солнце. Его лучи всё глубже проникали в прибрежные заросли камыша и осоки. Пробуждая там всякую мелкую летучую живность, они выгоняли её на свет Божий, заставляя заняться делом: мошка и комар, жаждущие крови, начинали набрасываться на всё живое вокруг. Крупные озёрные комары, сбиваясь в огромные чёрные тучи, создавали над озером зловещий гул. Пока они ещё только разогревались, но уже скоро беспощадно начнут атаковать всем скопом.

Закончилась рыбалка. Но день только начинался, и старику предстояло ещё многое сделать. Подведя загруженную рыбой лодку к берегу, он, наконец-то, ступил на земную твердь. Собаки миглом окружили своего хозяина и приветственно завертели у его ног. Молодые и потому не очень сдержанные псы, выражая свою преданность, подпрыгивали к лицу старика и норовили лизнуть его в нос или в губы.

– Ишь ты... заскучили-то, – добродушно выговаривая, мягко отбивался от них старик. – Ну, всё-то, будет вам. Идём уже, – махнув рукой в сторону тропы, сам направился к дому.

Собаки же, прекратив ластиться, помчались вперёд; остались рядом лишь четверо псов – эти всегда были рядом.

Пройдя несколько шагов, старик вдруг остановился и, развернувшись, подошёл к лодке. Расправив сеть, он прикрыл ею всё ещё живую, трепещущую хвостами рыбу. Теперь другие собаки уж точно не тронут. Хотя... и он, немного засомневавшись, оставил рядом с лодкой одного из своих верных помощников. Полагая, что накрытую сеть рыбу собаки не тронут, старик всё же не хотел рисковать. Бог знает, может, уже завтра такого улова не будет.

Послушно оставшись охранять рыбу, серого окраса пёс, больше похожий на волка, но с закрученным, как у лайки, хвостом, забравшись в лодку, затаился.

«Ну, серый, ты и хитрец-то», – ласково подумал о верном друге старик и уверенно зашел по тропе. Рядом со своим домом, в некогда добротной, но уже изрядно прогнившей и покосившейся соседской избе с заколоченными окнами, старик хранил весь свой скудный скарб: проржавевшие топоры, вилы, лопаты, багры, кованые гвозди, куски алюминиевой проволоки, мешки, ящики, коробки с разной ветошью. В общем, всё то, что осталось ненужным в брошенной деревне, и то, что могло бы ему хоть как-то ещё пригодиться. Там же хранились и некоторые запасы провизии: остатки крупы – пшено вперемешку с дроблённым зерном, заполнявшие на треть железную двухсотлитровую бочку, закрывавшуюся куском железного листа, – и мешки с затвердевшей солью. За ней-то и шёл старик.

Попутно зайдя в свой дом, он прихватил небольшой холщовый мешок и направился к бывшей соседской избе. Ступая по едва заметной тропе, он часто вспоминал, как на этом месте, где некогда был цветущий сад, все дружившие тогда соседи собирались вместе и шумно, под весёлые звуки гармони проводили воскресные дни. От терзающих сердце воспоминаний старику становилось тяжело на душе – он так и не смог привыкнуть к мысли, что уже никогда этого не будет. Но жизнь, несмотря на её суровость и его почтенные годы, всё же нравилась старику. И он продолжал жить, как того требовал Господь.

ВЛАДИВОСТОК

Кабанков Юрий Николаевич

Родился во Владивостоке в 1954 году. Выпускник Литературного института им. Горького (Москва, 1983). Член Союза писателей России (1988). Член Всемирной писательской ассоциации International PEN Club (1998). Лауреат премии издательства «Молодая гвардия» (Москва, 1986). Лауреат премии «Тенета-ринет - 1999». Отдельные произведения переведены и опубликованы на английском (США), арабском (Иордания), испанском (Перу), венгерском, белорусском и латышском языках, а также в антологиях «Русская поэзия. XX век» (Москва, 1999), «Молитвы русских поэтов XX-XXI века» и др.

Книга «Камни преткновенные», выпущенная в 1999 году владивостокскими издательствами «Усури» и «Лавка языков», завоевала в Интернете специальный приз конкурса русской сетевой литературы «Тенета-ринет - 1999». Отдельные произведения переведены и опубликованы на английском (США), арабском (Иордания), испанском (Перу), венгерском, белорусском и латышском языках, а также в антологиях «Русская поэзия. XX век» (Москва, 1999), «Молитвы русских поэтов XX-XXI века» и др.

Делегат I-го Всероссийского конгресса Православной прессы и LXVII-го Конгресса Всемирной ассоциации писателей International PEN Club (Москва, 2000). Доцент кафедры теологии и религиоведения Института истории и философии Дальневосточного государственного университета. Кандидат филологических наук.

ТАКОЕ КИНО

...и луна не даст света своего,
и силы небесные поколеблются
Матфей, 24.29

...и юноши ваши будут видеть видения,
и старцы ваши сновидениями вразумляемы будут
Иоиль, 2.28

Сияла ночь. Луной был полон сад...
Возьми её за тонкие запястья
и к Бунину сведи, - он затемнит
её подмышек царственные своды,
с ума сводящие музыку и язык

под своды коммунального Эдема,
где вспыхивают белые одежды,
и зеркала, и ветхие скрижали,
и, вспыхнувшая, плавится сетчатка,
и взоры, словно яхонты, горят;

и так сцепились души обнажённых,
что кажется: плывут в реке времён,
захлёбываясь влагой сокровенной,
разбрасывая локти и колена, -
и по воде расходятся круги;

а в чистом пламени лампадного огня
небесная стрекочет киноплёнка,
вращается времён веретено,
и ангел мщения с беспечностью ребёнка
снимает это вечное кино.

От Крестопоклонной Недели
Великого поста
до Христова Сошествия во ад
2008

ЛИЦОМ НА ВОСТОК

Постаревшие камни и те --
лицом на восток,
где дожди перемешаны с глиной
и крут водосток,
переполняющий реки
и рисовые поля,
где дороги не могут встать --
так тяжела земля.
Даже камни и те --
всегда на восток лицом,
где волна,
наливаясь тяжелым, как сон, свинцом,
налетев на буй,
разносит эскадру в клочья
и,
раздирая веки,
падает вниз лицо
и затихает...
И журавлиным клином
пороховая дымка тает над Сахалином,
и, переждав столетье, --
покуда она растает --
валуны врастают
глухими корнями в землю.
И тогда --
с трудом поднимают якорь
со дна колодца,
и колодезный вал тяжело скрипит
и вращает оком;
и плывет земля
под ногою у краснофлотца;
и восходит солнце
над самым
Владивостоком.

УССУРИ. ГРАНИЦА

В который раз они творили
тысячеструнный иероглиф,
вплетая в плоские корзины
кусочки разноцветной ленты.

Опившись пеной, плыли джонки,
покачивали веерами,
похожие на Ли Цин-чжао,
но только чуточку тревожней.

Был мир из глины и бамбука
скреплен полынною слюною,
а ласточки луну манили
в долину пагод, вгнивших в землю.

Давно переживя живущих,
они однажды не вернулись --
когда спиральная сирена,
зайдясь, упала на циновку.

А утром раскаленный ветер
прошелся по вершинам сопок --
как пулеметного прицела
обритый наголо зрачок.

АПОФЕОЗ БАШМАЧКИН

*«...стал показываться по ночам мертвец в виде чиновника,
...сдирающий со всех плеч, не разбирая чина и звания,
всякие шинели...»
Н.В.Гоголь, «Шинель»*

Над Петербургом рассвело:
Аврора, -- чем-то там -- блистая...
...И -- в мантии из горносталя --
Башмачкин двинулся в село.

Взор -- царственный -- из-под руки
на уплывающие доли,
где бабы, подоткнув подолы,
белье полощут у реки.

Кругом -- забот сплошной вокзал.
И трактора стоят рядами.
-- Отныне общими трудами! --
Башмачкин, думая, сказал.

Он видит: жизнь совсем не та;
здесь мысль неспешная клубится,
мечтая к берегу прибиться...
А впрочем -- та же маета.

Он понял: здесь необходим
особый взгляд. И -- строгий почерк.
(Ведь сам Башмачкин, между прочим,
пера и дести господин!)

Глубокомысленный народ
застыл, не проглотив аршина:
а вдруг сей деус из машины
и вправду мантией тряхнет?

И -- щурясь: мол, не дурачки! --
бесстыжие глаза упрятав,
вцепились в мантию ребята --
и разодрали на клочки.

Башмачкин плакал от души.
И -- «быв отправленным в столицу» --
спал, не снимая рукавицы:
опушки были хороши.

ИОСИФ И ЕГО БРАТЯ

«...печаль моя светла»

А. С. Пушкин

*«Ибо печаль ради Бога ведёт к покаянию и спасению,
печаль же мирская совлекает к смерти»
2 Коринфянам, 7. 10*

«Меня преследуют две-три случайных фразы», --
сказал Иосиф, ощутивши метастазы
идеи, взросшей из горчичного зерна.
-- Зачем печаль моя, о Господи, жирна,
как чернозёмно-неприкаянный Воронеж,
где в птичий грай уже от слуха не схоронишь
тех, под собой давно не чующих страны,
которым настезь двери все отворены
тяжеловыно запрокинутым прикладом
туда, где Мойры мрут от ледяного взгляда
медуз языческих и стриженных эриний,
где бездна спит всю ночь на снеговой перине,
где магистраль, как уж, свивается колечком,
где пересыльный трюм -- Твоя Вторая речка --
соединяется с угрюмым Ахеронтом,
где все сошедшие с ума единым фронтом,
узревши бездну на своем пути прямом,
поодиночке снова трогались умом
и прежних бесов, застоявшихся в коросте,
незримо трогали прикосновеньем барской трости;
где рой подавленных и трепетных рабов
завидовал житью последних барских псов,
не оцепленных с четырех сторон прожекторами;
где базилевствующий над инженерами
бессмертных душ («куда вы убежите?») --
сдавал поштучно -- как Иосифа в Египет --
всех этих зябликов, не чующих страны,
чьи трупы мёрзлые -- прозрачны и стройны --
и впрямь не чуяли уже по воле сопромата
ни пенья вышних сфер, ни лагерного мата...
.....
.....
...и лишь за мною как публичная проказа
влачила тень свою бессмысленная фраза,
дичком возросшая из падшего зерна:
«Зачем свеча Твоя, о Боже, так черна?!»

*1997, февраль
(между Сретеньем и Неделей о Страшном суде)*

* * *

Я не смею думать о тебе.

Стынет на морозе береста.
Я не знаю, чем помочь судьбе.
Слишком уж история проста.

И кому поведаю ее?
Среди этих стынущих высот
легкое дыхание твоё
разве что от гибели спасет.

Непреодолимо и светло
стелется поземка по стерне.
Подыши на мертвое стекло --
как же ты не помнишь обо мне?

Опостылел снежный окоем!
У речушек треснули уста...
Ничего -- что каждый о своем.
Видишь -- как история проста.

ВЯЧЕСЛАВ ПРОТАСОВ

Родился 30 января 1949г. в городе Гера (Германия), где после войны продолжал службу отец, офицер Советской Армии. После службы в армии учился в Горьковском университете им. Лобачевского.

В 1973 году приехал во Владивосток. Почти четыре десятка лет живёт в Приморье, работает в Морском торговом порту.

Первая поэтическая книжка «Лучший день» вышла в 1982 году в Дальневосточном книжном издательстве. Автор книг: «Штиль» (Москва, 1983, изд. «Современник»), «Високосный день», «Вишнёвая косточка» (Владивосток, 2003-2005 г., изд. МГУ), книги переводов Г.Гейне «Сердце из моей груди» (2003г.), Эмили Дикинсон «Разговор на языке души» (2004г.), Сайто Санэтори «Шестая стихия» (изд. «Orient», 2007). Один из авторов коллективных сборников «Пять по пятьдесят» и «Три имени» (1999г., 2002г.).

Стихотворения печатались в журналах «Юность», «Дальний Восток», «Октябрь», «Наш современник», в «Комсомольской правде», «Литературной России», «Литературной газете», в многочисленных сборниках, альманахах и антологиях.

Участник Совещания писателей в Москве, на Камчатке, во Владивостоке; Совещания поэтов братских республик во Львове; VIII-го Всесоюзного Совещания молодых писателей (М., 1984г.); лауреат премии Приморского комсомола, премии журнала «Дальний Восток» (трижды), премии Губернатора Приморья, премии Генералиссимуса Суворова. Член Союза писателей России.

*

Офелия,
ивушка-ива...
Полоний,
несносный хитрец...
Придумать конец бы счастливым -
пусть внуков понянит отец.
Хватило бы счастья простого,
да не пережить им судьбы,
холодного,
вздорного слова
из принцессой роли -
«не быть!»

*

Жили-были, пели и мечтали,
Родину любили
и подруг...
Остаются частности,
детали,
главное -
уходит из-под рук.
Занесёт песком, тяжёлой пылью,
мир заселят новыми людьми...
Мимоходом вспоминают -
жили-были...
А ведь жили!
Были, чёрт возьми!

МАЛЫШ

Листай свой календарь,
листав,
живи,
не умещаясь в сутки,
пока чисты ещё поступки
и совесть-умница чиста.
Пока одна нехороша -
в саду безумная крапива,
пока
всё сложено на диво,
хоть непонятно
ни шиша!

ИТОГ

Непомерного был роста,
некрасив и худ лицом.
Пил. Вздыхал. Хрустел несносно
очень длинным огурцом.
От молчанья высох воздух.
Я спросил:
- Ну, как дела? -
и сказал он страшно просто:
- Всех делов-то -
жизнь прошла...

ТАЙНЫЙ МЕТРОНОМ

Не по грибы,
не на этюды,
жалая нытиков и сонь,
мы открываем двери
в чудо
поющих утренних лесов.
Войти
и замереть от свиста,
и там застыть с раскрытым ртом,
где от ночного ливня
в листьях
оставлен тайный метроном.

ЗРЕЛОСТЬ

Выросли! -
поплакать не заманишь.
Гнев и ярость? -
сколько лет и зим!
Сонными ленивыми сомами
нехотя усами шевелим.
Рыбья кровь -
особенная жидкость.
Рыбье слово - злато.
И - молчок.
...Но какая славная наживка!
Ах, какой волнительный крючок!

ВЛАДИМИР ТЫЦКИХ

Родился 29 июня 1949 г. в г. Лениногорске (ныне Риддер) Восточно-Казахстанской области.

Окончил Усть-Каменогорское медицинское училище (Казахстан, 1967 г.), Киевское высшее военно-морское политическое училище (Украина, 1973 г.). Служил матросом и офицером на Балтийском и Тихоокеанском флоте.

1990-1996 - ответственный секретарь Приморской писательской организации Союза писателей России; 1996-2001 - заведующий студией писателей баталлистов и маринистов Тихоокеанского регионального управления Федеральной пограничной службы; 2001- 2010 - директор департамента информации и печати Морского государственного университета имени адм. Г.И. Невельского, директор издательства Морского государственного университета имени адм. Г.И. Невельского; с января 2011 - редактор в Дальневосточной государственной академии искусств.

университета имени адм. Г.И. Невельского; с января 2011 - редактор в Дальневосточной государственной академии искусств.

Печатался в журналах "Звезда", "Знамя", "Смена", "Юность" и многих других. Автор многочисленных поэтических сборников и нескольких книг художественной и публицистической прозы. Отмечен восемью лауреатскими званиями в Москве, Хабаровске, Владивостоке, Нью-Йорке.

Заслуженный работник культуры России (1998). В Союзе писателей СССР (России) с 1988 года.

Живет во Владивостоке.

* * *

Время зиме. И волна прикипает к причалу.
Время надежде. Храни её в сердце, храни.
Мне до отхода осталось отчаянно мало:
Миг - и зажгутся во мгле ходовые огни.

Время прощанью. А путь мой немеряно дальний.
Радости вспомним. Обиды друг другу простим.
Всё, что нам дорого, не обойди ожиданьем, -
Море и берег живут ожиданьем твоим.

Стылые норды согреются в сопках прибрежных.
Снег на причале растает под вешним дождём.
Нетерпеливая, будь терпеливой, как прежде, -
Порт возвращенья стоит на терпенье твоём.

Время штормам. Вот опять расцветают над нами
Вечно живые и свежие розы ветров.
Время тревогам. И чайки - кругами, кругами...
Время. На флагмане отдан последний швартов.

* * *

Свеченьем небес осиянны,
Привольно простёрлись поля.
Рассыпались чёрные враны
По белым снегам февраля.

Ты что-то сказать мне хотела?..
Так много вокруг воронья!
Как чёрное видно на белом...
Но ты не гляди на меня.

Пречистое царство простора
И я не любить не могу.
С чего же я сам будто ворон
На этом глубоком снегу?

Хриплю я прокуренным горлом -
Ты внемлешь, молчанье храня.
Но белое видно на чёрном!
И ты не уйдёшь от меня.

* * *

И день, и два, и целых полнедели
Опять - за клином клин, за рядом ряд -
Летели гуси-лебеди, летели:
Весной они всегда домой летят.

На малых, средних и больших высотах
Опять - за строем строй, за валом вал -
Они тянули к отчему болоту,
Куда не каждый прежде долетал.

Как труден путь, они, конечно, знали.
Уже горели под крылом леса,
Уже стрелки патроны запасали, -
Они всё шли в неласковые дали,
То молча шли, то тихо клекотали,
То криком оглашали небеса.

Они всё шли, не глядя на погоду,
Всё шли - за строем строй, за рядом ряд, -
Хотя любого встречной дробью сходу
Мог сбить с пути бестрепетный заряд.

И кто-то расчехлял ружьё, а кто-то
Уже к плечу прилаживал приклад...
А я бы запретил на них охоту,
Когда они на Родину летят.

* * *

Вновь за стеной закашлялся сосед.
Скрипят полы. Дымится сигарета.
Сочится с потолка унылый свет.
Чай стынет. Ни привета, ни ответа.

День завершился. Или жизнь прошла?
А всё, что было - от любви до славы, -
Как будто отражали зеркала,
И левое тогда казалось правым.

И он не знал, когда, едва дыша,
Пришла, но в двери стукнуть не посмела
Единственная, может быть, душа,
Которая понять его хотела.

НАД КУРГАНОМ

* * *

А в поле светало, и поле,
Испив предрассветной росы,
Дышало покоем и волей
И не ожидало грозы.

Земля согревалась и млела,
И прятала ветер в траве;
И мысль моя облаком белым
Пыталась летать в синеве.

А в небе над старым курганом,
Стоявшим у крайней межи,
Кругами, кругами, кругами
Безмолвный могильник кружил.

Всё было любимо до боли:
И холм среди дола, и дол,
И поле, и небо над полем,
И в небе парящий орёл.

Всё было до смерти знакомо:
И солнце, и солнечный луч,
И голос далёкого грома
Ещё из невидимых туч.

Так сделалось в мире тревожно,
Так страшно, что впору бежать,
Так тихо - кричать невозможно,
Так душно, что нечем дышать.

Не стало в предгрозной морильне
Ни люда, ни зверя, ни птах,
И лишь одинокий могильник
Всё реял в родных небесах.

Над полем, над старым курганом,
Что спит у последней межи, -
Кругами, кругами, кругами
Кружил, и кружил, и кружил...

* * *

Весь белый день пылал предвосхищеньем
того, чем я то умирал, то жил -
бедой, виной, победой, пораженьем -
о чём мечтать не оставалось сил.

И я в окно выглядывал напрасно,
и вдаль шептал: привет тебе, привет!
Скажи, что делать этим днём несчастным?!
Но тишина смеялась мне в ответ.

Темнело. Я терзался предвкушеньем всего,
что этой ночью стать могло.
Движеньем звёзд, судьбы моей теченьем
меня в твои объятия влекло.

И я включал на кухне глупый чайник,
и забывал, что я его включал,
и я кричал: ну что ж, не отвечай мне!
Но, Господи, как я ответа ждал...

А утром начиналось всё сначала
и продолжалось годы напролёт...
А ты уже была. Но ты не знала
о скорой встрече, что меня спасёт.

О как легко мне, не зная заранее
Всё, что написано мне на роду,
Вам, незнакомка, назначить свидание
В полузабытом каком-то году.

Вы только мамой пока что целованы.
Я приглашу вас на танец сейчас.
Вы не скрывайте, что сильно взволнованны, -
Я, может статься, взволнованней вас.

Ну до чего ж эта музыка нежная!
Я вас, наверно, совсем закружу
И после танцев по городу снежному
(Если позволите) вас провожу.

Вы ничего в этой жизни не знаете.
Я вдохновенно несу чепуху.
Вы откровенно уже замерзаете
В тесном пальтишке на рыбьем меху.

Ну почему мы такие несмелые?!
Мой одинокий протянется след
С места прощания тропкою белою
И затеряется в замети лет...

О как легко мне, не зная заранее
Всё, что написано мне на роду,
Вам, дорогая, назначить свидание
В неповторимо счастливом году!

ЧЕТВЁРТОЕ КУПЕ

Рельсы прогибались под вагоном,
Время лбом таранил тепловоз,
И пустой стакан певучим звоном
Отвечал на перестук колёс.

Не спалось в дороге спозаранку,
А сосед мой взапуски храпел...
На ночном безвестном полустанке
Ты вошла в четвёртое купе.

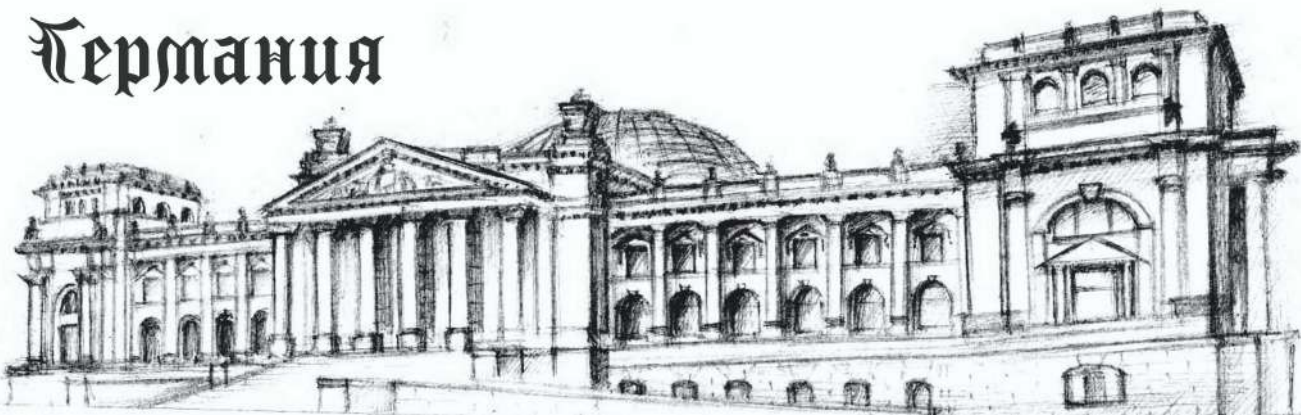
Непослушных взглядов вероломство.
Грустных глаз горячие огни...
Милые вагонные знакомства,
Как непрочны в памяти они!

Девочка, попутчик твой нечаянный,
Я с тобой гляжу в одно окно.
Я не знаю, чьей ты будешь тайной.
Жаль, моею быть не суждено.

Счастьем или временной утехой
Станешь ты в неведомом краю?
Жаль, что я давным-давно проехал
Будущую станцию твою.

Я не знаю, что стряслось с тобою,
Что со мною случилось, не пойму -
Почему так жалко нас обоих,
Ночь и поезд, мчащийся во тьму?

Германия

Михаэль Шерб

Автор двух сборников стихов: "река" и "стеклодув". Публиковался в журналах "Арион", "Дружба народов", "Интерпоэзия", "Ното Legens", "День и ночь", "Крещатик", ШО и др. Победитель фестиваля "Эмигрантская лира" (2013) и Чемпионата Балтии по русской поэзии (2014). Обладатель литературной премии им. В. Таблера (2017)

стихоплёт

Слегка настёгивая лошадь,
В телеге, годной на дрова,
Адам на рыночную площадь
Привозит новые слова.

И в день любой (но не в субботу),
С восьми примерно до пяти,
К нему народ, как на работу
Спешит: словечко прикупить.

Адам - мужик простой, но годный,
Отточит имя - как копьё,
Ведь это всё-таки удобно,
Когда у каждого - своё!

В хлеву у мясника Мак-Клова
Теперь и я не ошибусь:
Не тварь с рогами, а корова,
Не что-то с перьями - а гусь.

Теперь мы знаем - где синица,
Где воробей... Наш Том-пострел
Два дня охотился за птицей,
Чтоб дать ей имя - свиристель.

А сколько было разных сплетен,
Завистливых и прочих слёз,
Когда кузнец с базара летом
«ЛЮБИМАЯ» жене привёз!

Лишь стихоплёт из Аризоны
(Признаться, тот еще зоил!)
Ворчит, что это незаконно,
И сам ни слова не купил.

В саду идей
Спит иудей,
Не видя снов,
И думает: «А был ли пуст
Тот куст,
Когда он загорелся,
А может, жило в нём счастливое семейство
Весёлых птиц или шустрых грызунов?
Не повредило ль им куста горенье?»
Он видит: словно алое варенье
Стекает с веток, пламенем объятых,
И понимает: будет смерть густа
И глубока, как ров, в который крик пернатый
Слетает с ежевичного куста.

Вот я склонился над тобой
А может, над собой самим,
Мне показалось, будто смерть
Накладывает белый грим
И передразнивает жизнь,
Как злобный и бездарный мим.
А я устал на смерть смотреть,
Плуг слова за собой, как вол,
Тащить и вязнуть в пустоте
По щиколотки. Жаркий снег
Известкой сыплется на пол,-
Я слышу разговор и смех,
И вижу холм, а на холме
Из тел живых воздвигнут дом,
Они поют, и души всех
Слипаются в единый ком.
И почему-то с ними быть,
Страшней, чем сгинуть без следа,
Страшней, чем в небе навсегда
Исчезнуть с выдохом твоим.

палитра

Художник уснул, ему чудятся пальцы и спицы,
Венеции вульва, округлые Рима колени,
И он понимает, что больше ему не проснуться,
Не выплеснуть на пол крошечную горечь синели.

Над ним проплывает Вселенной малёк большеротый,
Межзвёздный планктон сквозь прозрачные жабры лучится,
И сердце его,- желатиновый ком, аксолотль,
Становится бронзовым слитком под левой ключицей.

И разум светлеет, пока расцветает омела,
На солнечном троне царит в белоснежном убранстве.
Художник становится чем-то без формы и тела,
Не чувствует ни своего положенья в пространстве,

Ни трепета кожи,- он слушает музыку дрожи,
Становится множеством птичьим, галдящею стаей,
Росой на опушке, прозрачной десницею божьей,-
Он света буханку на ломти цветов преломляет.

Блестит на фаянсе его черно-белая вера.
И ломти горят, превращая тарелку в палитру.

Безлистые ветки жонглируют сгустками ветра.
На мёрзлой земле проявляются снега субтитры.

шана това

Пронзительней жгучего перца
Покажется гречневый мёд,
Когда в однобокое сердце
Раскаянье осень зальет.

Когда, разукрасивши местность,
Свершится её листопад, -
Деревья утратят трехмерность,
Каркасы стволов заскрипят.

И ветер, воздушные дыры
Заштопавши нитью дождя,
Назначит меня пассажиром,
Пейзаж за окном наклона.

И лучик, неожиданный и тонкий,
По стулу взобравшись на стол,
Разрежет на рыжие дольки,
Хрустящие трупики пчёл.

Ухмыляясь, месяц тонкий
Уплывает за карниз.
Свет просыпан из солонки:
Резок, бел, крупнозернист.

Наши жесты пахнут мылом,-
Так фальшивы и грубы.
Расставание уныло,
Словно прыщик у губы.

Друг без друга, бук без дуба -
Девять лет ли, сорок дней?
Я Гекубе иль Гекуба
Мне тебя теперь родней?

Что ж осталось между нами,
Старшемладший брат-чужак?
Вот застряло меж зубами,-
И не вытащить никак...

элегия для Александра Гаспаряна

Согрет глотком Напареули,
День прожит, делать больше нечего.
Легли у ног, в клубок свернулись
котами слабость и доверчивость.

Сквозь тёмный коридор из кухни
Бежит к дверям дорожка млечная, -
То разгорается, то тухнет.
Нагретый воздух пахнет печивом

Качнётся тень квартирной флоры, -
Напоминанием о рае.
Лишь новости из монитора,
Как пирамиды, выпирают.

Опять читаешь до удушья
О том, что рушится за ставнями.
А чудилось уже, что худшее
Мы в прошлом навсегда оставили.

А ведь казалось, перебесимся,
Вдали от злых и слишком набожных
Под старость непременно встретимся
И будем кофе пить на набережных.

Что выйдем мы, отгладив брюки,
Дремать с газетой под платанами,
Что навещать нас будут внуки и
Делиться жизненными планами.

леонардо

Ни мига не терял, пока ходил под небом
Была земля Фего напором смущена.
Он разбивал сады, и глобулы молекул
проращивал легко, как семена.

Он отдыха не знал, пока в ночи бессонной
гудел огонь вулкана, как гобой,
и познавал накал упорной, изощренной
борьбы, но не с другим, а лишь с самим собой, -
вновь создавал цветы, но были их бутоны
покрыты, как глазурию, скорлупой.

Он больше ждать не мог, он так хотел увидеть
их нежность и задор, их формы и цвета,
что, позабыв о сне, стоял у верстака,
составы смешивал и раздувал горнило,
чтоб гибкость стебля и полёт листа
соединить в неразделимый сплав, -
и, сотворив перо, его макнуть в чернила, -
и вот уже рука по воздуху чертила
стремительность крыла и лёгкость птичьих стай.

Он снова создавал, и снова рвал на части,
то в тигле расплавлял, то снова сквозь валки
прокатывал, и, словно непричастен
ни к замыслам своим, ни к мастерству руки,
смотрел без восхищения, без страсти,
как в чашечке цветка кошачьей пасти
тычинками прорезались клыки.

ЛЕВ ВАЙСФЕЛЬД

Родился, учился, работал, служил и сочинял в Одессе. Теперь живёт и пишет в Нетании. Любит обеих. Где только ни печатался. И где только не печатался. Издал сборник черновиков и набросков

* * *

Она свою обручалку мне тычет под самый нос.
 «У меня семья прекрасная, - говорит, - муж хороший и дети.
 И я никогда не сижу на сексуальной диете.
 Вот если выпью лишнего, обычно иду вразнос.
 Да я легко вычисляю женщин в свободном полёте,
 И такое наговорю, такое выпущу жало –
 Ещё ни одна не сорвалась, не убежала.
 «Осторожно, - говорю ей, - не так энергично – водку прольёте».
 Вижу – во что-то попал. Выпила, вздрогнула, ко мне прижалась.
 Мы с трудом протиснулись в проём гостиничной двери.
 После долго в её обручальном кольце отражались.
 Это заводит смертельно. Можете мне поверить.

* * *

ещё в прошлом веке пришла от неё повестка
 целую люблю всегда будь готов к отправке
 к повестке обширный инфаркт был пришпилен
 как веский аргумент против дешевой водки и травки
 честно старался но не получилось спиться
 завтраки на траве сами себя отменили
 хотел бы в итоге быстрого и полноводного стикса
 и чтоб от семи до пятнадцати футов под килем

* * *

Хорошо, хлебнув наливки,
 чуть хмельным войдя в рассвет,
 в католические ливни у камина осоветь.
 Или провалиться спяну, наплевав на вся и всех,
 в англиканские туманы, в протестантский рыхлый снег.
 Или вновь едва тверезым похмеляться поутру
 в православные морозы, в иудейскую жару.
 Кто конфессией не призван, или вера в ком слаба,
 выпьет в слякоть атеизма стопку ртутного столба.

* * *

я не клоун не шут можешь думать что клоун и шут
 стихи твоим именем назову если только их допишу
 ничего пусть квартира на съём вообще всё тобой назову
 потолок подоконники пол – эту лучшую в мире софу
 и граненый стакан назову из которого водку пила
 этажерку и стол и кровать всю сантехнику санузла
 я назвал бы тобой унитаз потому что ну ясно за что
 но стесняюсь зато назову все сидения в старом авто
 представляешь кликну тебя отовсюду услышу ответ
 на мгновение покажется ты но не ты это нет тебя нет
 я всему возвращу имена а твоё отменю навсегда
 и стихи не допишу
 дичь
 ерунда

ИННА КОСТЯКОВСКАЯ

Член союза русскоязычных писателей Израиля. Автор семи поэтических сборников. Сборник стихотворений «Философия любви» (Хайфа, 2013) занял 4 место в литературном конкурсе «Лучшая книга года 2014» в Берлине, (диплом за поэтическое мастерство). Финалист турнира поэтов в Лондоне «Пушкин в Британии 2014». Публикация в журналах: «Зарубежные задворки», «Эдита», «Мастерская» (Германия), «Интеллигент» (США), «Интеллигент» (Москва), «Лексикон» (США), в электр. журналах «Наука и жизнь Израиля», «Исрагео», «Еврейский мир» (Нью-Йорк), «Новое резюме», «Континент», «45 параллель» и др.

А ДУША СУЩЕСТВУЕТ СТИХАМИ...

*Каждый стих - дитя любви...
Марина Цветаева*

Должны быть чувства, искры от огня,
Прости, поэзия! За всё, прости меня...

Прости за мой нестройный слог,
прости за «таинство дорог»,

прости за вечное «прощай»,
за «снегопад», за «дождь», за «май»

Прости за мой «уход»- «приход»,
за тыщу раз описанный восход,

Мой крик призывный нарушает тишь.
надеюсь, ты когда-нибудь простишь.

1.

А душа существует стихами.
Я держала синицу в руках.
Я считала, что чайкам с орлами
Не понятен мой утренний страх...

А душа существует напевом.
И слетают оковы опять...
И являются - чёрным на белом
Буквы, словно волшебная рать.

Застывает на строчках мгновенье.
Замедляется времени ход.
И приходит - моё вдохновенье...
А потом по-английски, уйдёт!

2.

К поэзии живому роднику
Я жадными губами припадаю...
Читаю за строкою я строку,
Листаю книги старые... Листаю...
Вот так голодный - корке хлеба рад,
Так лето принимает листопад,
Так начинается движение планет
И ничего прекрасней в мире нет!
Поэзии живой родник струится...
Листаю за страницу страницу!

3.

Я забыла мелодию звуков,
полюбила - мелодию слов.
Ах, какая сердечная мука -
слышать ночью дыхание снов!

И приходят во сне мне напевом,
и ложатся, как тонкая нить,
эти строки... чёрным на белом.
Не понять. Не принять. Не забыть...

4.

Исполняю привычный обряд,
я сегодня - прислуга у Леры,
но предательски руки дрожат,
и на стрелках мгновенья застыли...

Распахнулась пред миром душа,
и стихи - откровением стали.
Не судите! Живу - чуть дыша,
будто к вечности вдруг приковали...

5.

Я - в середине ночи и минором
в окно стучится дождь о чём-то новом,
непонятом, несказанном, ненужном,
забытом мною, как бывшая дружба...

Я - в середине жизни. Точно знаю,
кого найду и что я потеряю.
Ложатся строки - чёрные на белом,
в их паутине путается тело...

Я - в середине знаний. Это точно,
что истина, как дева - непорочна.
Как много рядом лиц чужих и рук,
друзей всё уже, но надёжней круг.

Я - в середине. Силы - центробежны.
А так хотелось оказаться «между»...

6.

Всё трудней находить вдохновенье,
Всё печальней мелодия слов,
мельче - чувства, короче - затмения,
не понятней значения снов.

И твою золотую ливрею
не украсит мой розовый бант,
не ценю даже то, что имею.
И тебя, мой блистательный гранд.

Средь житейского лишнего хлама
я ищу свой далёкий причал,
«харе кришна!» звучит, «харе рама!»,
как присутствие высших начал...

7.

Жизнь - это сцена,
паутина ожидания,
пыль занавеса,
чьих-то стульев скрип...
Кому нужны твои «стихослогания»?
Ты вымотан, ты болен, ты охрип...

Жизнь - это сцена,
и твоё передвижение,
на заднем плане
не заметит люд...
и для кого твоё стихосложение?
Послушают, похлопают, уйдут...

8.

Когда вокруг пустые лица,
глаза, в которых столько зла,
скажи, как мне не усомниться,
кому поэзия нужна?

Когда вокруг пустые души,
а колокол звучит в груди,
скажи, кто это будет слушать,
и что там дальше, впереди?

Когда весна стучится в сердце,
когда пленяет высота,
не говори, что не согреться,
и что исчезла красота...

9.

В мире, давно перевёрнутом,
где сместились понятия качества,
где поэта считают чокнутым,
не прощая ему чудачества.

Где забиты окна и двери.
И где воздух свободы не нужен.
Соловьёв золотистые трели
поглотили грязные лужи...

Не дружна нынче мысль со словом.
И стихи - какофония. Звуки.
Небеса взирают с укором:
- Чем поэт занимает руки?..

10.

Как кисть художника, как скульптора рука,
как звуки музыки, как преломление света,
живут слова. Их быстрая река
становится опасной для поэта.

В ней наши чувства, страсти, наша жизнь,
текущая по строчкам и по рифмам...

В ней наша суть, в ней наша - мысль,
подводные течения и рифы.

И в ней душа, наполненная светом,
ранимая и ждущая покоя,

одно из двух - становишься поэтом,
иль ищешь мост, чтоб справиться с рекой...

11.

Каждый стих, как маленький ребёнок,
беззащитен, но ему - расти...
Хочется поднять его с пелёнок,
и тихонько к солнцу поднести.

Подрастай и набирайся света,
солнечного света и тепла,
я тебя своей дорогой в лето,
может быть, на муки родила...

12.

Когда-нибудь растает этот лёд
и вечная привычная ненужность,
придёт моё мгновение, придёт,
над головою очертив окружность.

Воздушны и легки - придут стихи,
излечивать больную чью-то душу,
так почему шаги мои робки?
Наверно, сердце не умею слушать...

Из книги “ На перекрестке Судеб”,
Хайфа, 2012 г.

Карина Сарсенова

Популярная поэтесса, писатель, известный прозаик сценарист, профессиональный психолог, меценат, Член Союза писателей России.

Основатель и председатель жюри Евразийской литературной премии. Президент Евразийского творческого союза. Лауреат ряда международных литературных премий.

Книги Карины Сарсеновой были переведены на разные языки и неоднократно удостоены профессиональных и общественных наград.

Член-корреспондент Международной Академии Интеграции Науки и Бизнеса. Председатель общественной приемной МАИИБ в Казахстане.

Создатель и руководитель крупнейшего в Казахстане продюсерского центра. Продюсирует эстрадные, академические, этнические, фэперские, рокерские проекты. Автор текстов для многих популярных песен. Кинодраматург и автор пьес. Создатель экспериментального театра мюзикла, Школы искусств, кафедры и курсов с акцентом на преподавание вокального и актерского мастерства.

* * *

* * *

Гаснет солнца яркий лучик,
Стынет неба тишина.
И в окошко между тучек
Смотрит бледная Луна.

Мотыльки - ночные феи,
Пляшут в свете голубом.
И на крылышках, яснея,
Сон рождается за сном.

Закрывай, малютка, глазки.
Слышишь шепот за окном?
Это ласковые сказки
Пробираются в наш дом.

Засыпай, малыш, скорее.
Ночь длинна и глубока.
Сказки разные навеет
Снов таинственных река.

Баю-бай, целуют феи
Глазки сонные твои.
Баю-бай, летим смелее
Над просторами земли!

Баю-бай, душа крылата.
Все летают по ночам:
И девчонки, и ребята,
Лунным радуясь лучам

Все меняется: вкусы и планы,
Заблуждения, мысли, слова.
Достиженья, душевные раны,
Самомненье, людская молва.

Краски мира, и снов, и иллюзий,
Сила страхов, желаний и грез.
И душою несомые грузы,
И причины поступков и слез.

Все сменяется: небо над нами:
То яснее оно, то темней.
И земля, и пути под ногами,
И значение прожитых дней.

* * *

Утихший дождь - под листья и траву...
Туман взошедший - к мира очертаньям...
И лунный лик - в ночную синеву...
И вещий сон - в заветное желанье...

Усталый вздох - в проясненную высь...
Неслышный зов - в сердечное веленье...
И те слова, что явью не сбылись -
В надежды предрассветное рожденье...

* * *

Я видел тебя во сне.
 Ты шла по цветущему саду.
 И сердце запело во мне,
 И счастье явилось наградой.
 Я долго в жизни страдал:
 Предательство, ложь, измена..
 Страстей обманных накал,
 Не кровь, а вода по венам...
 Я долго тебя искал,
 Но знаешь, боялся встретить.
 Я долго тебя прождал,
 Бродя, как мертвец, на свете.
 Я разучился жить.
 Сердце, как камень, сурово.
 Но отчего же любить
 Просит оно снова...

ОНА:

Я видела тебя во сне.
 Ты шел по бесплодной пустыне.
 И сердце запело во мне,
 И счастлива я отныне.
 Как много пролито слез,
 Как много страданий было...
 Я жить не хотела всерьез,
 И кровь моя остыла...
 Как много гнева и зла...
 Тебя я ждала, но боялась.
 Но ожиданьем спасла
 Ту жизнь, что во мне осталась.
 Иду навстречу тебе
 Сквозь сумрак прожитой боли...
 Иду, доверяясь судьбе,
 Сердечной послушная воле.

ВМЕСТЕ:

Как хочется любить и верить,
 И не бояться ничего,
 И сердце хрупкое доверить
 Тому, кто бережет его.
 Как хочется тебя касаться
 И утопать в сиянье глаз!
 И счастьем искренним продляться
 Любви, что создана для нас!

* * *

Тебя люблю недавно и давно.
 Ты молода прекрасною душою!
 В моей любви мы - целое одно,
 Ведь я любим и пестуем тобою!
 Твоей любви хранящее тепло -
 То материнских сил благословенье.
 С тобою мне безмерно повезло,
 И счастлив я мгновенье за мгновеньем.
 Ты для меня - и небо, и земля.
 Мечты мои все обретают крылья.

И познаю я мудрость бытия,
 С твоей соединяясь светлой былью.

В моей душе ты - сердце всей страны.
 В моих глазах ты - родина без края.
 С тобою вместе неразлучны мы,
 Ты суть моя и истина святая!

Алма-Ата, а может, Алматы!
 Твоих имен мне сладостно звучанье.
 Ведь в них одних - все грани красоты,
 И соль земли, и тайна мирозданья.

И сын я твой, а кто-то - дочь твоя.
 И с нею я по жизни прошагаю.
 И дети все тебя благословят,
 Моей любви свершение продляя!

* * *

С тобою мы и схожи, и не схожи.
 Как много лиц и судеб видел я!
 Но мы в одном единственно похожи -
 Нас родила прекрасная земля!

И я хочу, колени преклоняя,
 К ее груди трепещущей прильнуть.
 Любимая, бесценная, родная!
 Как счастлив я с тобой делить мой путь!

Как счастлив я, неважно, где бывая,
 Вблизи тебя, а может, далеко,
 Хранить твой образ как частицу рая,
 А с раем в сердце жить всегда легко!

Ты мне дала возможностей без края!
 Ты осеняла каждый вздох и шаг!
 И я тебе столь искренне желаю
 Неисчислимых радостей и благ!

Чтоб ты цвела, вовек не увядая,
 И вдохновляла этой красотой!
 Великая, волшебная, святая...
 Та родина, что есть у нас с тобой!

Та родина, что нас с тобой связала
 Через сердца и души навсегда.
 Так пусть ее страданий будет мало,
 Войны и разрушений - никогда!

Так пусть она душою молодеет,
 Мудрея сердцем через все века.
 И каждый пусть пред ней благоговеет,
 Пред красотой, что духом высока!

Мы разные, но все-таки едины.
 Мы братья, и конечно же, друзья.
 Любя страну, мы ею сохранимы.
 Путь родины - совместности стезя

Михаил СПИВАК

г. Виннипег, Канада Заместитель главного редактора журнала «Новый Свет». Член Союза журналистов

России. Автор романов: «Тыловые крысы, или Армейская одиссея Семьи Шпака» (2008), «Дебошир» (2010), «Приключения донна Мигеля Кастильского и визиря Иерусалимского в Испании» (2012), «Мужской взгляд на любовь» (2013). В 2010 году стал главным редактором общественно-политической газеты «Перекресток Виннипег», издаваемой в канадской провинции Манитоба. С 2014 года - член жюри Всеканадского детского литературного конкурса «Пишем и говорим по-русски». Автор публикаций и выступлений на канадском радио «Голос Альберты» и «Мегаполис Торонто», неоднократно приглашался в прямой эфир. Лауреат литературных премий: имени Вениамина Блаженного (2015), имени Н. В. Гоголя «Триумф» (2016), имени Григория Сковороды (2016).

Тренажер

Уже за тридцать Зоя поняла, что молодость не вернуть. Нужно бороться и трепетно ее остатки лелеять. Особенно следить за фигурой, которая вдруг от обилия сладостей поплыла, а кое-где - в самых когда-то прекрасно волнительных для мужских глаз и рук местах - стала покрываться «апельсиновой коркой». Зое казалось, что на пляже отдыхающие поглядывают на ее чуть раздвинувшие бедра с порицанием: мужчины без интереса отворачиваются, прикованные вниманием к более стройным девушкам, а женщины высокомерно переглядываются и даже ничуть не ревнуют своих благоверных. И тогда Зоя твердо решила: никаких лишних калорий и смертный бой целлюлиту!

Диеты и раздельное питание на кухне. Фен-шуй в спальне. Крем для похудения в ванной. Борьба велась по всем направлениям.

Муж Виталий пыхтел, двигая мебель, и уже неделю (вынужденно за компанию) давился сельдереем. Его робкое: «Поджарь мне отбивную с картошкой!» было воспринято в штыки. Слова не мужа, но мальчика, выглядели предательством в битве за красоту. Малодушие грозило отлучением не только от стола, но и от постели. Хотя последнее от обилия петрушки и сельдерея само собой отодвинулось на второй план, не выдержав борьбы со спазмами голода.

Виталий тщательно всматривался в стройные ноги жены и плоский живот, не находя там ничего даже отдаленно напоминающего уродство. Зоя выглядела идеально, женственно, она была совершенством, но переубедить ее Виталий не смог. Вместо любовного поцелуя за оду ее очарованию, он оказался «слабовольным подхалимом, готовым изменить общему делу за сытную похлебку». Попытки уговорить жену - «ты действительно прекрасна» - только добавляли негатива. Она топала ножкой и роняла слезу: «я толстая, как чушка!»

В двадцать три года Зоя весила на целых два килограмма меньше. Как можно было не заметить «такие ужасные отложения», как?!

Муж как всегда оказался виноватым.

- Если бы ты следил за собой, то и мне бы не позволил распуститься!

Виталий действительно каждый год семейной жизни набирал по килограмму, и за десять лет наел солидный «мозоль». Теперь он молча, как грустная корова, хрустит зеленью, понимая, что семейная жизнь дала трещину. Если уж Зоя что-то вбила себе в голову...

Через неделю она записалась в фитнес-центр. Стройные мужчины-легкоатлеты и мужчины с огромными бицепсами и с железобетонными

торсами теперь обращали на Зою внимание, шутили и заигрывали. Виталий в этом не сомневался. Он сам одно время ходил в «качалку», еще до женитьбы. Надолго его не хватило, но впечатления остались. От обилия вокруг стройных, подтянутых женских фигур можно было заработать косоглазие. Теперь он стал ходить вместе с женой, оберегая от потенциально навязчивых поклонников.

Возможно тем бы история закончилась. Через неделю Виталий планировал поехать с Зоей на Алтай, насладиться красотами природы в компании любимой жены. Эта поездка стала бы важным шагом к примирению супругов.

Мечты остались мечтами. Не спросив разрешения, Зоя истратила деньги на велотренажер: многофункциональный, с USB-интерфейсом и четырьмя встроенными программами, мониторингом и анализом физической активности.

- Правда, он симпатичный? - сияла улыбкой Зоя и гладила светящийся дисплей. - Папочка у нас теперь станет стройным и красивым.

Виталий остолбенел.

Покупку поставили в спальную комнату, чтобы не портить интерьер зала. Сказать, что Виталий отнесся к подарку прохладно, значит, не сказать ничего. Лучше бы Зоя забыла о дне рождения мужа. Подарок она сделала себе.

- На нем ты больше времени проводишь!.. - язвил Виталий.

И наткнулся на обидный ответ:

- Мне он больше удовольствия доставляет.

Отношения в семье стали отчужденными и холодными. Скрипя от злости зубами, Виталий просыпался под монотонное жужжание педалей, и засыпал под них же. Он ненавидел проклятый велосипед, на который постоянно наткнулся спросонья. В попытке сохранить семью, Виталий порывался продать, а затем кому-нибудь подарить «Колю» - так жена почему-то стала называть тренажер. Виталий старался выяснить был ли в прошлом среди Зоинных поклонников Николай, но так ничего и не узнал.

- Не смей продавать Колю! - возмутилась Зоя коварным планам супруга, - Это мой подарок.

Виталий поморщился. Он давно забросил сельдерейную диету, но готов был снова питаться травой, только бы избавиться от «драгоценного

Коленьки».

Сам он скрипучего надоеду прозвал «педальным животным». Мысленно разговаривал с ним на повышенных тонах и даже угрожал ему.

Впрочем, в скором времени Виталий осознал свою ошибку, подружился с Колей и более того, проникся к нему искренней симпатией. Случилось это, когда Зоя уехала на праздники к маме. Поначалу Виталий лелеял тайный умысел: разобрать механизм и вывести какой-то блок из строя, а потом удивленно гнуть брови, дескать, я тут не при делах. Жена все равно доказать ничего не сможет.

«Теперь ты в моей власти!»

Виталий рассматривал тренажер со всех сторон, как забойщик обреченную на смерть скотину. В одной руке «убийца» держал крестовую отвертку, в другой - разводной ключ.

«Посмотрим, что у тебя внутри, - он замылся. - Как твой корпус разбирается?»

Действительно, начальнику отдела маркетинга, человеку далекому от техники, не так легко справиться с полностью скрытым механизмом. Велотренажер будто смеялся в ответ, поблескивая литыми (а может быть, штампованными?) частями кожуха. Открутить сиденье или снять электронику - не вариант. Сразу раскроется злой умысел.

Виталий поскреб затылок. Ревновать жену к бритому качку из спортзала, это полбеды. Но ревновать к велосипеду... Есть в этом что-то противоестественное. Хотя почему? Женщины ревнуют своих мужей к компьютеру. Танки им видите ли не нравятся. Хорошая игра. Не слишком интеллектуальная, но всё не глупее велосипеда. От хаоса мыслей Виталий вспотел. Скинул рубашку и машинально повесил на руль.

Зазвонил телефон. В трубке послышался взволнованный голос шефа. Контракт горит, клиент нервничает. Имеется реальная опасность не получить своевременную по договору выплату. Праздники отменяются. Нужно срочно ехать и сладкими песнями убаживать клиента: все хорошо прекрасная маркиза!.. Виталий повесил трубку. Скинул домашние шорты на сиденье тренажера. Облачился в стильный, подходящий моменту сладкопения костюм, поправил галстук и выскочил за дверь.

Домой он вернулся под вечер уставший и голодный. Лениво посмотрел на крестовую отвертку и разводной ключ. Казнь велосипеда откладывалась на завтра. Галстук Виталий повесил на руль с левой стороны, убрал оттуда футболку. Рубашку и пиджак повесил справа. Брюки перекинул через сиденье. Удобно. Не надо лезть в шкаф, вешать на плечики. Все под рукой.

«Хм... - подумал Виталий, - какая полезная многофункциональная вещь».

Носки он разместил на педалях. Вот, теперь в спальне полный порядок.

«Ты, Колян, не сердись на меня, что голову хотел тебе свернуть. Зойка все нервы вытрепала. Нормально жили, любили друг друга. Нет, какая-то подружка-дура ей сказала про целлюлит, и как вожака под хвост попала!»

Коля понимающе мигал электронным дисплеем. Германский дизайн, продуманный до мелочей. Развесить на нем можно половину гардероба, и брать удобно. Угодила Зоя с подарком, пусть и непреднамеренно. Виталий кинул футболку на дисплей и впервые за несколько месяцев безмятежно уснул.

Праздники промчались быстро, а с ними улетучилась и размеренная жизнь.

- Коленька, что с тобой сделал этот изувер?! - в ужасе воскликнула Зоя и строго подступилась к мужу. - Ты зачем достал свои вещи из шкафа?

- Отсюда их удобней брать, - честно ответил Виталий.

- Немедленно убери назад!

- И не подумаю.

- Тут им не место.

- А по-моему, самое то.

- ... и заниматься мне мешают!

- Велосипед мой. Ты его подарила мне на день рождения. Использую, как хочу.

Майки и рубашки полетели на пол, и остальной гардероб следом. Педали снова зло зажужжали. Это был вызов. Впервые за все годы брака Виталий пошел на принцип. Он рывком распахнул створки платяного шкафа, и к куче его рубах на полу добавились платья и блузки жены.

Слезы, упреки, обиды. Всю следующую неделю супруги не разговаривали. Перемирия не получилось ни через неделю, ни через месяц. Зоя по привычке давила и ждала извинений от Виталия, но терпение мужа лопнуло. Жена, сама того не замечая, переступила его болевой порог. Теперь никто не хотел уступать. Тренажер окончательно стал яблоком раздора. Муж упорно развешивал на руле свои майки. Жена их с таким же постоянством швыряла на пол, а потом собирала свои раскиданные по дому платья. Холодное отчуждение быстро сменилось жаркой ненавистью.

- Живи со своим велосипедом!

Впервые Зоя, уходя жить к матери, назвала тренажер не по имени.

Время шло, страсти постепенно улеглись. В спортзале Зоины ухажеры оказались в основном женатыми, а все шутки и подмигивания так и остались веселыми разговорами. В душе поселилась тоска. После работы душу царапало одиночество. И уже снова хотелось с мужем на Алтай.

Зоя забросила спорт, набрала свой прежний вес и еще два килограмма сверху. С тоски она стала заглядывать на сайты знакомств. Никому не отвечала, только смотрела. Была уверена, что там либо сексуальные извращенцы, либо женатые мужчины, которым скучно. А в один из дней она наткнулась на знакомую фотографию. Ее собственный муж (они так и не оформили развод) улыбался, оседлав велотренажер. Зое стало обидно и больно. Волна противоречивых чувств нахлынула на нее. Как он мог?! Он совсем не страдает? Это казалось самым обидным. Зоя захлопнула страницу сайт. Она уверяла себя, что является жертвой мужской черствости и непонимания. Такой спутник ей не нужен!

Через неделю Зоя снова заглянула на сайт. Просто посмотреть на фотографию... Еще через три дня она робко в письме спросила: «... ты уже себе кого-то нашел?»

Ответ пришел в тот же день: «нет и не ищу... профиль давно создал и забыл закрыть».

Ни единого намека на примирение. Зоя подождала день.

«Как настроение?»

«Не жалуюсь».

Виталий оставался лаконичным.

«Ему хорошо без меня? Наши отношения ничего для него не значили? - думала Зоя, - Дурацкий повод для ссоры. Хочу помириться. Только пусть он первый предложит».

Еще через два дня: «Чего не пишешь?»

«О чем писать?»

Зоя набралась смелости, вспомнив, что сама стала причиной разлада в семье. Ей понадобились еще несколько дней, чтобы признать этот факт для самой себя.

«Я соскучилась...»

Ответ не заставил себя долго ждать. Она боялась открыть письмо, вдруг там обидный отказ! Лучше утром прочитать. Но сон не шел. Зоя села к компьютеру.

«Зла не держу и всегда рад тебя видеть, - писал Виталий, - Приходи. И Колян обеими педалями за».

Больше Зоя не волновалась за лишнюю пару килограммов. Она надела короткую юбку и плотно облегающие лосины, демисезонные сапожки на каблучке и легкий белый свитер. Просто и со вкусом, как любил Виталий. К счастью, разлука не была слишком долгой и чувства не успели совсем забыться.

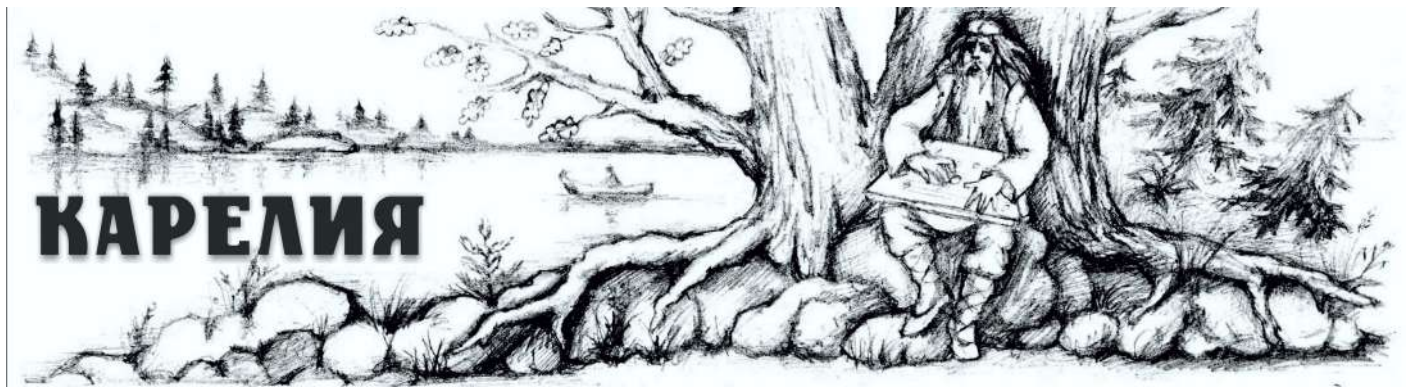
- Ты стройнее стал, - заметила Зоя и спросила с легкой ревностью в голосе. - Снова стал ходить в спортзал?

Она вспомнила, как обращают на себя внимание мужчины, переполненные тестостероном. Представила мужа, любезного с молоденькой девушкой. Но Виталий хитро подмигнул Зое, взял ее за руку и повел на балкон. Там стоял новенький спортивный велосипед.

- Езжу, когда погода позволяет, а в остальное время хожу быстрым шагом в парке по два-три часа в день. Сплошная экономия и для здоровья на свежем воздухе полезнее. Не ради красоты, а чтобы чувствовать себя лучше.

Последние сомнения исчезли. Зоя игриво взглянула мужу в глаза. Виталий помнил значение ее томного, с лукавым прищуром взгляда. Второго приглашения Виталию не потребовалось. Зоина кофточка повисла на руле тренажера... Полезная, все-таки, в быту вещь. Мир был восстановлен.

А «Колю» затем подарили тесту Виталия. Ему доктор кардионагрузки прописал.

КАРЕЛИЯ

Дина Лебедева

Родилась и живу в республике Карелия – красивейшем и удивительном крае, воспетом не одним поэтом. Стихи и прозу начала писать еще в школе.

Печаталась в различных альманахах, газетах и журналах. В 2014 году в свет вышел авторский сборник стихов: «По кончику пера скользило Слово», а в начале 2019 года сборник стихов «Запах осени»

Долгое время входила в редакторский состав медийной группы международных литературно-публицистических изданий «Интеллигент». Была главным редактором изданий.

Уж август к исходу, он мёрзнет ночами,
Листвой укрываясь от стылых ветров.
Грустила ли я? Нет, я только скучала,
Забывшись за строчками летних стихов.

И звёзды охапками мне на колени
Не падали с неба, свидетель - луна.
Когда озаряло меня вдохновенье,
Была я стихами немного больна.

Скрепляла слова наугад, паутинкой,
Стихи рассыпались - непрочная нить!
Уставшего лета истёрлась пластинка,
Другой невозможно её заменить.

Тот летний мотив на губах отголоском
Звонящим остался, и вот он финал:
От солнца щедрот незавидная горстка,
Остывший за лето, продрогший вокзал.

А осень всё ближе и сны холоднее,
И сколько их будет ещё впереди!
Всё так же люблю... и зову, и жалею...
Но дождь монотонно в окошко: «Не жди...»

Приветный август, молоко парное,
Сквозь марлю облаков течет на убыль.
В нем нет ни капли духоты и зноя,
Он спелый, томный и совсем не грубый.

Волнующий в своем преображенье,
Пленительный в каскаде ароматов,
Которые ложатся ожерельем -
Парфюм изыскан, арсенал богатый.

Его касанье мягкое - услада,
Еще не липнут метки паутинкой,
И далеко до мысле-листопада
Над горькою, поникшею былинкой.

Выцветают пятнами чернила -
То линяет август облаками...
На душе что было, не остыло,
В августе о прошлом вспоминаю.

Не ищу в заливах мелководье,
Сети не плету другим на зависть.
Треплет ветер жалкие лохмотья,
Те, что от любви моей остались.

Вечер прикоснется - пожалеет,
Волосы подвяжет паутинкой...
Но на утро горькое похмелье
Обернется глупою ошибкой.

Август, август... Сладкая истома.
Трав тяжелых вызревшая прелесть.
Искупленьем, до глухого стога
Мне воскреснуть в августе хотелось.

И снова в ночь уходят корабли
От берега, от дома безвозвратно...
В последних бликах желтого заката
На краешке отвергнутой земли.

Где не срослось, где так тому и быть.
Их не вернешь и не подашь швартовы
Ни силой мысли, ни ударом слова
Судьбу нельзя к истокам возвратить.

Слепая ночь проглотит беглецов,
К утру волною не придет известье.
Что будет с ними, только ей известно,
Холодность ночи отдает свинцом...

Но я их жду. Сегодня и потом.
Шумит вода за призрачным бортом...

Наталья Лайдинен

Родилась в Петрозаводске. Поэтесса, прозаик, журналист, член Союза писателей России. Автор двух поэтических сборников и восьми книг прозы, участник десятков коллективных сборников стихов. Лауреат нескольких международных премий. Путешественник, исследователь «мест силы». Выпускница МГИМО, кандидат социологических наук. Живет и работает в Москве, член Правления Карельского землячества.

В Интернете действует литературный сайт laidinen.ru, на котором собраны: Антология женской поэзии, стихи о море и стихи о Карелии.

Молчит пространство бумаги -
Так море слушает ветры,
И буквы огненной книги
Творят миры сверхсознания,
Ведут к любви поколенья.
...А у тебя, дальний ангел,
Глаза фаюмских портретов
К истокам доступ великий,
Дар воплощать предсказания,
Осуществлять исцеления...

Сигналами пронизано пространство,
И в эхолоте головного мозга
Давно звучат сигналы расставаться.
- Ты мне открылся, мой хранитель звездный!
От импульса вибрирует сетчатка,
Не отрываясь, я смотрю на солнце.
Зачатия лучистая загадка:
Твой свет любви земле передается.
Я голосов чужих не стану слушать,
В них разделенье, канонады, войны...
А наши души знают то, что лучше,
И шлют друг другу восхищенья волны.

Мы с тобою такие разные!
Притаилась на сердце грусть.
Я с тобой поделилась трапезой...
Хочешь - тайнами поделюсь!
И осенней беззвездной полночью
Когда сон беспокойный мглист,
Ты со мной поделился горечью...
- Милый, радостью поделись!..

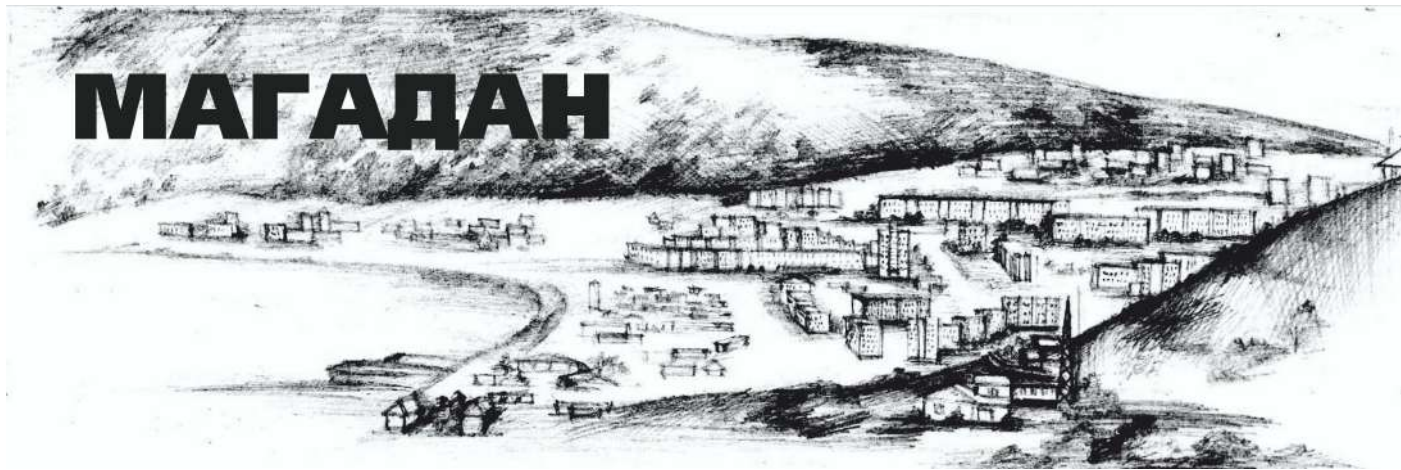
Звучит молитвенный псалом,
И голос твой во мне и всюду,
Я сердцем открываюсь чуду,
Тепло и Свет приходят в дом.
Бог женщину благословил,
И я, твоим огнем объята,
Сияю в ночь свечой Шаббата
В великом таинстве любви!

Огонь внутри - достигни дна,
В кристалле заблестят прожилки.
Твое творенье, Адонай:
Шестиконечная снежинка.
Замерзший пробуждая сад,
Божественной любви не скрою:
Нас озаряют небеса
Шестиконечную звездой.

Пейзаж одушевлен тобой,
Он пробужден желаньем, взглядом...
Вновь пахнет в памяти травой,
Прохладным горным водопадом.
Какие б ни прошла хребты,
Расселины, снега, пустыни,
Дышал со мною вместе ты,
И не было другой святыни.
Среди любых земных широт,
На дне морском и в звездной дали
Нам рук никто не разомкнет,
Как мы друг другу обещали.

Все ярче звезды в зодиаке
Сверкают ночью моряку.
Неспешно имена и знаки
Меня ведут к праязыку.
Мир сложен и многообразен,
Закон его движенья прост:
Незримые трепещут связи,
И зерна обращают в рост.
Мы прозреваем год от года,
В ошибках делаясь мудрей,
Глас человеческого рода
Живет в душе у всех людей.

Мы ищем корень всех значений,
Который очевидно скрыт -
Очищенный от наслоений
Первоначальный алфавит.
От устья - к чистоте истока,
И к Богу - сердцем напрямик.
Поэта путь, огонь пророка -
Забывтый миром праязык.

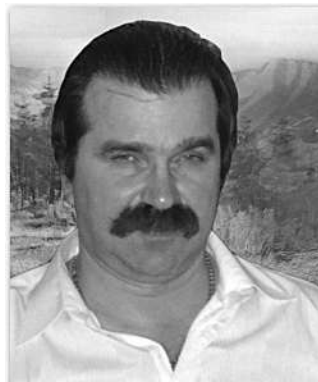
Сергей Малашко

Родился в 1962 году в г. Зей Амурской области. Юношеское увлечение охотой стало его профессией. В 1984 году получил диплом охотоведа, работал по специальности в Хабаровском крае и Магаданской области.

Публиковался в альманахах «Охотничьи просторы», «Кольмские просторы». В 2008 году издал книгу «Весенняя охота на гуся или бегство от себя к себе». В 2009 году опубликованы четыре рассказа в книге «Неизвестный Магадан». Печатался в литературных сборниках Международного Союза писателей «Новый современник», в международных изданиях медийной группы «Интеллигент», Живет в Магадане.

Лауреат «Серебряного Пера» Национальной Литературной Премии «Золотое Перо Руси» 2013 и 2018 года, дипломант и обладатель различных наград в 2014, 2015, 2016 и 2017 годах.

Соучредитель Медийной группы «Интеллигент», учредитель газеты «Интеллигент Магадан».

ПЕЧКА

Ночью четвертого мая 2019 года я проснулся в четыре часа утра. Проснулся от того, что мне стало некомфортно спать, не забываясь в спальный мешок, и даже не закрываясь его половиной как одеялом. Пара минут ушла на борьбу с собственной ленью, которая в нашем таежном домике имеет особую природу. Просто ленивый человек легко застегнет молнию спальника и довольно комфортно сможет проспать до утра. В этом домике в сезон гусиной охоты находят свой уют люди, которые возможность правильно лениться хорошо готовят заранее. Для того чтобы спать комфортно, в нашем понимании, нужно не очень много - обеспечить двукратный запас дров, притаскивая их к домику из ближайших перелесков с применением своей мускульной силы. Кроме этого, нужно заставить себя встать с нар, шагнуть в бодрящую и освежающую неласковую прохладу домика и побороться с ней, как истинно ленивому человеку. Вот именно этот почти гамлетовский вопрос сейчас решался в моем сознании - «Вставать и

растопливать печь, или нырять в остывший и ставший прохладным неласковый спальник?»

Внутренняя борьба длилась недолго. Сработал уже сформировавшийся за три дня пребывания в лесу рефлекс - раз проснулся среди ночи, то сделай тепло в домике. По привычке ноги нашли стоящие в нужном месте тапочки, на лбу оказался фонарь с одноименным названием, освещающее пространство. Глотнул холодного чая с лимонником из предусмотрительно оставленной на столе кружки, наслаждаясь терпким вкусом. Почти голое тело со всех сторон покусывала неласковая ночная прохлада, пытавшаяся захватить и отвоевать у живительного тепла домика все его владения. Напарник благоразумно залез в спальник, и с его нар доносился легкий храп, говоривший о том, что он хорошо отдыхает после довольно напряженного и трудозатратного прошедшего дня. Холодок продолжал меня покусывать вызывающе и бесце-

ремонтно, подстегивая к активным действиям. Как очень ленивые люди мы благо- разумно приготовили сухих тоненьких дров на растопку. На установленном на всю по- ездку месте замер в ожидании продукт цивилизационной лени - корейский газовый баллончик под названием “Национальный позор Газпрома” с горелкой, способной зажигать газ без спичек и зажигалок. Микрополенница сухих и сырых дров замерла в готовности представить солдат для борьбы с обнаглевшей уличной прохладой.

Свет налобника высветил из ночной темноты, лежащие слева от печки растопочные дровишки, которые вскоре оказались в печи. Для облегчения загорания дров мы могли использовать куски рубероида, оставшиеся после ремонта крыши в прошлом году. В ночной тишине раздался щелчок, и вскоре шипящее голубое пламя вступило в войну с навязчивой прохладой на нашей стороне. Быстро занялся рубероид, воспламеняя сухие дрова и уже не было необходимости нарушать ночную тишину шумом горящей горелки. Я выключил фонарик, чтобы полюбоваться пламенем, начинающем хозяйничать в печи. Она заговорила на своем особом языке, потрескивая с определенной частотой, иногда в пространстве печи после потрескивания появлялись небольшие искорки, шаловливо устремляясь в трубу, чтобы вылететь наружу и показать недоброй уличной прохладой, что она не может безоглядно хозяйничать в этом домике, пока в нем находятся эти, хорошо подготовившие свою лень охотники. Вот уже пламя уверенно и властно охватило находившиеся в ней полешки.

Я сидел на лавочке у стола, склонившись к печке, и расслабленно наблюдал за начавшим воевать с прохладой пламенем. Наверное, со стороны забавно смотрится небритый несколько дней пожилой дядька в семейных труснях, который сидит возле печки и с интересом глядит на огонь. Вместо того, чтобы нырнуть в спальник и

внутри него дожидаться момента, когда тебя перестанет покусывать недобрая уличная прохлада.

За это время печка набрала обороты и от нее пошли волны тепла, начинающие вытеснять непрощенный холод на улицу. Я сидел возле неё и получал удовольствие от нахождения в двух температурных зонах. Обращенные к печи части тела начинали обволакиваться волнами тепла, спину и ноги продолжала подгрызать и покусывать ночная прохлада, понимающая что очень скоро ей придется покинуть домик. Вот в такой зоне боевых действий тепла и холода оказался я. Все это шло под аккомпанемент потрескивания поленьев и мерцания сполохов света из печи на потолке и стенах. Все же в ограниченном пространстве домика ночная прохлада обречена на кратковременное поражение. Очень быстро укусы холода начали ослабевать и вскоре совсем прекратились, унося с собой необычное ощущение от нахождения одновременно в разных температурных средах. Постепенно тепло полностью вытеснило холод и нагрело все, что лежит на лежанках и висит в домике, до комфортной температуры.

Предварительно приготовленные дрова помогли нашему борцу с холодом одержать победу. Я продолжал сидеть у печи, всматривался в огонь и пытался понять, что же хочет мне сказать печка, продолжая потрескивать дровами на языке Морзе. Разгадать ее мысли мне так не удалось и я, сохраняя в себе полученные ощущения, вновь занял свое место на лежанке, не укрываясь спальником. Засыпая, поймал себя на мысли, что в моих силах по желанию повторить это чудное нахождение между теплом и холодом в каждую из оставшихся здесь десяти ночей.

Печь продолжала победно потрескивать. До подъема оставалось около четырех часов...

Екатерина Лимонова (Титаренко)

Родилась 10 января 1988 года в п. Синегорье Магаданской области. Первая проба пера состоялась в 12 лет. В юности занималась несколько лет макраме и два года училась игре на фортепиано.

Публиковалась в международных литературно - публицистических изданиях «Интеллигент-Магадан» и «Интеллигент - New-York», а также в авторском литературном журнале «Северо-Муйские огни», в коллективном сборнике синегорьевских поэтов «Содружество», в еженедельной газете Ягоднинского городского округа «Северная правда», в Ольской районной газете «Рассвет Севера», в еженедельной общественно-политической областной газете «Магаданская правда», в молодёжном издании «Светотени», в антологии «Северная строка. Колымская поэзия XX-XXI веков» (г. Магадан, 2014), в сборниках: «Поэт года», «Дебют», «Наследие», «Русь моя».

В 2005 году в газете «Северная правда» вела свою «Молодёжную страничку».

В 2018 году в г.Магадан вышел первый сборник стихов «Не забывай, что я люблю тебя».

С юности принимает участие в конкурсах стихов и рассказов, где неоднократно занимала первые места. Некоторые стихотворения были положены на музыку и стали песнями.

Одной из главных задач в своей жизни считает не давать падать духом ни себе, ни кому-либо другому.

Интернет-сообщество: современная забава человечества или нечто большее?

Несколько лет назад я стала активным пользователем WhatsApp, популярной бесплатной системы мгновенного обмена текстовыми, аудио, видео сообщениями для мобильных и иных платформ. Своим удобным интерфейсом, возможностью быть всегда на связи с родными и друзьями, а также находиться в различных группах разной тематики, совершать продажи, получать необходимую информацию - это приложение с лёгкостью вытеснило используемую мной более десяти лет «Аську».

Подключаясь к различным группам, не раз ловила себя на мысли, что было бы интересно создать собственную. Я с юности пишу стихи, поэтому вопрос, какой тематики делать сообщество даже не стоял. Мысль о создании своей группы в WhatsApp то появлялась, то исчезала. Я сомневалась, будет ли это интересно кому-то, наберёт ли группа хотя бы несколько человек, смогу ли я уделять ежедневно должное внимание участникам, являясь одновременно администратором и обычным пользователем. Незадолго до наступления 2019 года мне вспомнилась одна забывая, мудрая фраза: «Лучше сделать и пожалеть один раз, чем всю жизнь жалеть о том, что не сделал». Благодаря этим словам во мне исчезла не только неуверенность, но и все существующие сомнения. Довольно быстро определившись с названием и аваторкой для группы, я придумала приветствие для новичков: «Поэты и читатели - ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ в мою группу «ПОЭТЫ КОЛЫМЫ!»! Делитесь творчеством, читайте, комментируйте и просто общайтесь».

И вот 20.11.2018 года появилась долгожданная группа. Самыми первыми участниками стали друзья и знакомые из моего списка контактов. Первые дни для меня были волнительны. Я понимала, что недостаточно просто пригласить всех собраться вместе. Передо мной стояло несколько задач: придерживаться тематики, чем-то заинтересовывать участников, и самое главное, показать, что данное литературное сообщество отличается от миллиона других существующих. Но как и что для этого нужно делать - для меня оставалось загадкой. Пусть всё на самотёк было неразумно, поэтому стала действовать по наитию. Публиковала стихи и рассказы синегорьевских поэтов и поэтов, делилась красивыми фотографиями Синегорья, комментировала участников, уделяя внимание каждому. Следующим шагом стало создание приглашения в группу и рассылка его. Новенькие авторы с интересом стали делиться творчеством: одни стихами и снимками колымской природы, другие песнями и фотографиями своих поделок, а кто-то рассказами и даже целым романом. Группа пополнялась не только жителями Магаданской области, к ней стали присоединяться люди из других городов России и даже за границы. Эфир чата набирал в сутки по 200-300 сообщений со стихами, бардовскими песнями, рассказами и тёплыми отзывами участников.

Хочется отметить, что на данный момент в группе «ПОЭТЫ

КОЛЫМЫ» более 200 человек. Благодаря активным и неравнодушным поэтам появился не один стих-посвящение нашему литературному содружеству, а некоторые из них стали песнями. Но самым главным достижением и большой радостью, как для меня, так и для участников группы, по праву можно считать приближающийся день выхода в свет коллективного сборника. Пятнадцать авторов решили объединиться и за свой счёт выпустить книгу со своими стихами и рассказами. В публикации приняли участие: Александр Соколовский (г.Магадан), Александр Шишов (п.Ола), Алексей Исаков (г.Магадан), Валентина Абросимова (г.Ейск), Валентина Кузьменко (п.Синегорье), Вера Волкова (г.Магадан), Владимир Левадный (г.Благовещенск), Геннадий Проскурин (п.Дебин), Екатерина Лимонова (п.Синегорье), Елена Хомка (п.Синегорье), Ирина Волынская (г.Магадан), Матвей Дар (г.Магадан), Нина Голяк (г.Магадан), Ольга Кашаева (г.Магадан), Юлия Кульчицкая (п.Синегорье). Все с нетерпением ждут той минуты, когда можно будет взять в руки сборник и ощутить непередаваемую энергетику книги, навсегда заключившую в себя все-ленную души каждого автора.

Благодаря интересным людям, их образованию, мудрости, тактичности, воспитанию и жизненному опыту, атмосфера в группе с начала её образования остаётся тёплой и дружелюбной. Приятно, что между собой участники стали называть сообщество «Островок любви и света». Данное словосочетание не нуждается в трактовке, оно говорит само за себя.

Там находят отдушину не только авторы, давно пишущие и выпустившие в свет не один сборник со своими стихами, но и те, кто начал писать совсем недавно. А некоторые, вдохновившись поэзией участников, стали делать свои первые, пусть неуверенные, но многообещающие шаги в сочинительстве.

Среди дня или вечером после работы участники улучают свободную минутку, чтобы отправится на виртуальный островок поэзии и прозы. На вопрос «Что именно влечёт их туда?» однозначного ответа не существует. Но без сомнения - каждый из присутствующих находит там что-то интересное для себя.

Одним из первых положительных отзывов стали слова Веры Волковой из Магадана: «Как я благодарна случаю, который, пусть виртуально, но познакомил меня с талантливыми, замечательными людьми литературного сообщества. Вы особенные, в вас душа не спит. Вы - ИНЫЕ... Ваш талант и меня заставляет потихоньку царапать неумелые строки». Такие тёплые отклики и подобные им прямое доказательство тому, что решение создать группу было правильным.

Какой будет дальнейшая активность участников и как долго просуществует «Островок любви и света» - мне не известно. Но то, что он дал и ещё даст не одному человеку, для меня является лучшей наградой!

«Два ангела»

(Посвящается мамочке)

Мне выпала огромнейшая честь
Иметь два ангела при жизни.
Спасибо им за то, что они есть!
Ты милостив ко мне, Всевышний!

Один невидим, с крыльями, большой
Меня от бед оберегает,
Стоит всегда он за моей спиной
И никогда не покидает.

С другим знакома лично и давно.
На свет, как только появилась,
Он дал любовь мне, нежность и тепло.
В него я сразу же влюбилась.

Его обидеть, потерять боюсь,
Привязана к нему всем сердцем.
Я днём и ночью за него молюсь
С неописуемым усердием.

Объятия его дороже всех,
Теплее, ласковей, роднее.
От них я таю, как на солнце снег
И будто становлюсь сильнее.

Как повезло мне с ангелом земным,
Он удивительный и нежный,
С большой душой и сердцем золотым,
С прекрасным именем **Надежда**.

«Колымское лето»

Я ждала тебя, лето колымское,
Ты пришло к нам на север, ура!
Ни парижское лето, ни крымское
Не сравнится с тобой никогда.

Одуванчики жёлтые, яркие
Средь зелёной травы расцвели,
И срывать их не хочется, жалко мне,
Ведь на солнце похожи они.

Запах лета колымского - сказочный,
Он дурманит и сводит с ума.
Восхищает пейзаж вокруг красочный,
Не сравнится ни с чем Колыма.

Только лето короткое - быстрое,
Как течение колымской реки,
Уходя, оставляет лучистые
О себе, словно солнце, стихи.

«Тебя одного любить»

(посвящается мужу)

С ума по тебе сходить,
Стихи о тебе писать,
Тебя одного любить,
Твои губы целовать
Мне нравится. Верить мне?
Без этого - я не я.
В душе в самой глубине
Вселенная у меня.

Во взгляде твоём тону,
Сгораю с тобой дотла.
Я камнем иду ко дну,
Когда нахожусь одна.
Замёрзну без рук твоих,
С тобой ночью крепче сплю.
И этот короткий стих
Закончу словом - люблю!

«Я люблю тебя, дочка»

(Посвящается дочке Елизавете)

Будто тысяча ярких огней
Ярче солнца в душе засветились
В самый лучший из солнечных дней,
В этот день ты на свет появилась.

Одарили меня небеса
И я к небу душой прикоснулась.
Убедилась, что есть чудеса,
Когда ты в первый раз улыбнулась.

Всё тебе я готова отдать,
Моя дочка, моя ты отрада.
Ты пришла мне, наверно, сказать:
«Не грусти, моя мама, не надо».

Человек не живёт без воды,
Так и я без тебя, дорогая.
Ты прекрасней небесной звезды,
Я люблю тебя и обожаю.

Покорила меня ты навек
Своей милой улыбкой и взглядом.
Я счастливый с тобой человек,
Только будь со мной, доченька, рядом.

У тебя за спиной два крыла -
Это мама и папа родные.
Мы с тобой, где бы ты ни была,
Всегда рядом в часы не простые.

Нет сокровища в мире ценней,
Чем любимые добрые дети.
Я люблю тебя, дочка, сильнее,
Чем все мамы детей на планете!

«Папа, я тебя люблю»

Тобой гордиться я могу,
Таких, как ты на свете мало.
Свою благодарю судьбу,
Что в ней тебя, отец, узнала.

Спасибо Богу за тебя,
За то, что ты - родной мой папа
И этому, признаюсь я,
Всю жизнь безмерно буду рада.

В тебе хорошая душа
И сердце доброе, большое.
Живёшь ты тихо, не спеша
И ценишь самое простое.

Умеешь искренне любить,
Всем сердцем в чудо верить слепо,
Быть верным, преданным, ценить
Всё то, что подарило небо.

Не злишься на судьбу свою
И никогда не унываешь.
Я всей душой тебя люблю,
Ты это чувствуешь и знаешь.

С нелёгкой справимся судьбой,
Мы духом сильные от Бога.
Всё выдержим, отец, с тобой,
Какой бы ни была дорога!

Цветков Петр Николаевич

Родился в 1975 году в городе Магадане. С детства увлекается охотой и рыбалкой, свою жизнь неразрывно связывает с Колымой. По трём образованиям и призванию автотранспортник. В рамках общественной деятельности проводит много встреч с жителями города и области, активно участвует в решении их проблем.

Коралловый мир глазами фотоохотника.

Я увлечен подводным миром, удивительной красотой и его разнообразием. В отпуск стараюсь выехать зимой, сбежать от промозглых колымских морозов, от унылого пейзажа всех оттенков серого туда, где тепло и ярко даже в пасмурные дни. Поэтому и стараюсь максимум времени в поездках на море провести под водой. Вооружившись маской, трубкой и подводным фотоаппаратом, часами выискиваю лучший ракурс для нового героя моего фотоальбома. Туда попало уже немало интереснейших обитателей Карибского, Красного, Средиземного морей и вод Персидского залива. Нередко находят совсем не безопасные персонажи: ядовитые морские змеи, рыбы - камень и крылатка, зубастые мурены и барракуды, скаты разных видов, они безбоязненно позируют, зная свою неприкасаемость, но каждая их фотосессия может стать для фотоохотника последней. Окраска подводных обитателей и кораллов невероятно ярких цветов. Передать их цвета на изображении довольно трудно в силу значительных искажений цветопередачи под водой. Приходится выбирать места с наибольшим проникновением солнечного света или пользоваться дополнительным фонарём, которого рыбы чаще всего боятся.

Подводный мир Охотского моря не менее интересен. Заросли ламинарии разных цветов, шустрые креветки и крабы, даже вполне известные нам морские рыбы, такие как треска, камбала, зубатка, под водой имеют ярко окрашенные замысловатые узоры. Вся эта красота просто завораживает, но температура воды, даже в летние месяцы, не позволяет находиться в ней продолжительное время без специального снаряжения.

Рыб, прячущихся в укрытиях, я для хорошего кадра частенько выманиваю разными способами, иногда аккуратно спугиваю на открытое место, иногда приваживаю на прикорм. Мурены, например, сидят в норах коралловых рифов, в ожидании зазевавшихся или проплывающих мимо рыб и креветок, молниеносно выпрыгивая из норы за добычей на половину длины своего тела. Во время очередной фотоохоты в Красном море, я заметил в глубине отвесной стены рифа большую голову мурены необычно темного окраса. Вооружившись палкой, я стал её дразнить, чтобы сделать удачный кадр в броске хищника. В одно мгновение она сделала выпад в сторону моей палки и я, увидев ее размеры, застыл в изумлении - мурена выскочила из норы более чем на метр! До этого случая мне встречались мурены белого и кирпичного цвета, длиной не более шестидесяти сантиметров, делая броски менее полуметра, я их спокойно фотографировал. Эта же мурена показалась мне морским чудовищем, и запечатлеть её уже было делом чести. Взяв на берегу

палку подлиннее, я стал дразнить её, выбрав уже более безопасное расстояние; следующий выпад был сантиметров на восемьдесят, и я успел сделать один снимок, который оказался не очень удачным из-за плохого освещения на глубине. Я продолжил доставать хищника но она, вместо того чтобы сделать бросок, вылезла из своего убежища и поползла, как огромный питон, длиной от носа до хвоста более двух метров, по уступам рифа в другую нору устроив мне великолепную фотосессию.

Отличным объектом подводной съёмки являются морские черепахи. Их яркую окраску и большие размеры несложно рассмотреть в толще воды. Под водой они очень быстро передвигаются, и догнать их для удачного снимка без длинных ласт совсем не просто, как и гигантских скатов – мант. Но снимки в итоге получаются очень эффектными.

В водах теплых морей часто попадают в кадр замысловатые моллюски и морские ежи. Как-то в Красном море мне попала целая колония необычных ежей, иголки у них были красного цвета толщиной в шесть-восемь миллиметров. Я так был увлечен их съёмкой, что не заметил приближения стаи барракуд, их длинные прогонистые серебристые тела с зубастыми открытыми пастьми были повсюду. Справа и слева от меня я видел десятки метровых морских хищниц, и они не обращали на меня никакого внимания. Их взор был прикован к приближающейся из морских глубин стае ставрид, подобной грозовой туче. Я незамедлительно стал снимать этих прекрасных и невероятно опасных рыб, поймав мгновение, перед тем как они, со скоростью выпущенных стрел, разбились ставридную тучу.

В водах Красного и Карибского морей я часто встречал крылаток, рыб невероятно красивых, необычной формы с полосатой окраской, их ярко голубой глаз вертикально рассечен черной полос-

кой. Всем своим видом они говорят – мы опасны. Шипы на их теле ядовиты, и несут смертельную опасность для жизни человека. При встрече с ныряльщиком они чаще всего сами стараются ретироваться, но иногда небольшие экземпляры держатся в местах массового купания людей, охотясь на мальков, кормящихся в поднятой мути. Я не раз снимал крылаток, затаившихся в тени понтонов и лестниц для спуска в воду, где купальщик может случайно с ней соприкоснуться и погибнуть.

В азарте получить хороший кадр, почему-то об опасности думаешь в последнюю очередь, только дома, просматривая яркие изображения обитателей подводного мира, понимаешь, насколько это было рискованно, как незащищен человек перед ними, ведь, в отличие от обычной охоты, здесь добычей может стать человек. Несмотря на это, во все свои поездки всегда беру снаряжение, в надежде новых трофеев подводной фотоохоты. Как приятно потом холодными, длинными зимними магаданскими вечерами просмотреть яркие снимки, привезённые с тропических морей, они хранят в себе очень много теплых воспоминаний, и на душе становится теплее.

И когда из окна наблюдаешь окружающий зимний пейзаж с преобладанием всех оттенков белого и серого, вместе с чашечкой хорошего терпкого кубинского кофе с коньяком душу греет надежда на новую встречу с новыми персонажами в таком далеком, ярком и незабываемом коралловом мире.

Елена Хомка

Елена Хомка родилась в Приморском крае, в возрасте двух лет она вместе с родителями приехала в п.Синегорье. Печаталась в следующих изданиях: «Северная правда», «Магаданская правда». Сборники «Поэт года», «Дебют», «Наследие», «Русь моя». Публикует свои стихи на сайте стихи.ру (количество которых составляет на сегодняшний день уже 1564 стихотворения), в основном пишет о любви с уклоном исключительно на позитив. Автор не приемлет грусть и уныние, поэтому и в стихах настроен только на хорошее.

Прогулка по Магадану

Над Магаданом белой красотой
Небесное сияет покрывало.
Я не спеша иду к себе домой
Сквозь череду приветливых кварталов.
В руке держу, не раскрывая, зонт.
Немножечко срываются дождевики.
И кажется, из трепетных высот
Вселенная шлёт нежность без запинки.
Машины колятся туда-сюда.
По тротуарам ходят пешеходы,
Возможно, удивляясь иногда
Редчайшему безветрию погоды.
И видно то, что город не грустит,
На лицах нет фатальности усталой,
И чувствуется всюду колорит
Людских душевных солнечных порталов.

Без тепла твоих стихотворений...

Без тепла твоих стихотворений
Блекнут краски света наяву,
И в печальной прозе заблуждений
Наблюдаю новую главу...
Ведь без света заблудиться просто,
Сделать выбор в чём-нибудь не тот.
А надежд пленительные звезды
Россыпью укрыли небосвод.
Я, читая книгу жизни снова,
Думаю по-прежнему о том:
Если пишешь ты, то каждым словом
Попадаешь в сердце напрямиком.
А когда не пишешь, возвращаюсь
К ярким рифмам всех счастливых лет,
И тебе писать стихи стараюсь,
Ведь тебя дороже в мире нет.

Я не умею с кем-то спорить...

Я не умею с кем-то спорить,
Когда о личном разговор,
Ведь в массе жизненных историй
Неповторим любой узор,
И каждый взгляд имеет право
На то, чтоб в мире быть собой...
Вся наша жизнь - сплетенье нравов,
И не дано ей стать другой...

Колыма - край и силы, и стойкости...

Вдалеке от "Сапсановой" скорости,
От комфорта, в просторах тайги,
Колыма - край и силы, и стойкости,
И суровых историй Земли,
Стал невольным сплошным наказанием
Для попавших сюда "по статье"
Для того, чтоб пройти испытание
В непростой каторжанской судьбе.
Или нет, не пройти сквозь агонию,
На земле не оставив крестов,
Став по чьей-то безумной иронии
Мощью всех золотых рудников.
Эта мощь, словно код генетический,
Остаётся в сердцах северян.
Только нет уже страхов панических,
Когда рейсы летят в Магадан.
Он, конечно же, не Евпатория,
Но и в нём есть для счастья глоток:
Здесь людского тепла территория
И колымского братства исток.

От главных встреч по жизни не уйти...

От главных встреч по жизни не уйти,
В толпе людей Судьба находит пары,
И факел непридуманной любви
В себе хранит пленительные чары.
Он воедино души и тела
В красивый унисон соединяет,
Где от сердец взаимного тепла
Снега надежд неумолимо тают.

Где-то там далеко, а по сути, конечно же, рядом...

Где-то там далеко, а по сути, конечно же, рядом,
Ты со мною в пространстве взаимных признательных слов.
И всё время храня вдохновенные нежные взгляды,
Из таинственных грёз мы собрали, как пазл, любовь.
Мы вложили в неё совпадение каждых частичек
Увлечённых безмерно друг другом сердец,
Раскрывая себя, не тая совершенно привычек,
И желаний, идущих с печалью всюду вразрез.
И хоть мы далеко, но сблизает нас верности голос
С потрясающе дивной, родной интонацией чувств,
Превращая любви собирательный трепетный образ
В настоящий, совсем непридуманный кем-то союз.

Когда меня захлёстывает что-то...

“Но иногда на рассвете, когда я ещё лежу в постели, а на улицах Парижа слышен только шум машин, моя память вдруг подводит меня: передо мною встаёт лето и все связанные с ним воспоминания. Анна, Анна! Тихо-тихо и долго-долго я повторяю в темноте это имя! И тогда что-то захлёстывает меня, и, закрыв глаза, я окликаю это что-то по имени: «Здравствуй, грусть!»”

Франсуаза Саган, роман “Здравствуй, грусть”

Когда меня захлёстывает что-то,
Я это называю “Здравствуй, грусть!”,
И хочется душевного полёта
В рассветы самых нежных добрых чувств.

И я опять не знаю, что со мною,
Куда влекут мечты, в какой сюжет.
Природа вновь сияет белизною,
Храня в себе особенный секрет.

А память вдруг нечаянно подводит,
Я вспоминаю лето среди зимы,
И сердце вдохновение находит,
Не принимая снежной кутерьмы

В душевном состоянии надежды,
Где хочется мне главное понять...
Возможно, я уже не буду прежней,
А может быть, останусь ей, как знать...

Но это будет после, а сегодня
Шепчу с рассветом очень тихо я
То имя, от которого невольно
Наполнено пространство бытия...

Синегорье

*Посвящается посёлку Синегорье
Ягоднинского района Магаданской области*

Синегорье, Синегорье -
Часть прекрасной Колымы,
Песня Севера в мажоре,
Мир таёжной теплоты.

От неё легко согреться,
Не смотря на холода.
Здесь с тобою моё сердце,
Это будет навсегда.

Носят дивные просторы
Золотую россыпь дней
И бессмысленны все споры
О местах, что нет родней.

К Колыме любовь негленна,
Генетический в ней код,
И пусть будут перемены,
С ними мы идём вперёд.

Я тебе, посёлок милый,
Пожелаю всей душой
Атмосферы лишь счастливой,
Не затакнутой тоской.

Процветай, не угасая,
Ещё краше становись.
Ты - любовь моя без края,
Ты - надежда, вера, жизнь.

Колыма ты моя, Колыма!

Колыма ты моя, Колыма!
Край моей необъятной любви!
Ты такая на свете одна
Живописная Лири тайги!

На мосту я люблю постоять
И смотреть, красотой вдохновляясь.
Здесь такая вокруг благодать,
На неё я душой откликаюсь!

И бежит неустанно поток,
С ним мечта от рутины свободна.
Здесь, я чувствую, есть диалог
Между мной и прекрасной природой.

Над рекой тихо ивы стоят,
Доверяют ей будто секреты.
Берега неустанно хранят
И покой, и движение где-то.

Стланик лапами машет легко
На ветру, мне привет посылая.
Я зелёную нежность его
Всей душою своей принимаю.

Чистота светлых грёз без прикрас
Где-то бродит в берёзовых рощах,
И на многое в жизни не раз
Я смотрю и добрее, и проще

А под куполом чудных небес
Сопки вновь покоряют собою.
Красоту удивительных мест
Не заменит мне что-то другое

Видно, здесь акварель и гуашь
Бог-художник нанёс бесподобно.
Как прекрасен колымский пейзаж
В этой яркой картине природы!

К Вашему Солнцу тянусь всей душой...

Прекрасный Ваш голос... Таинственный тон...
С ним очень легко отчего-то согреться.
И я раскрываюсь, как будто бутон,
Слушая музыку Вашего сердца...

В ней не один инструмент, это факт,
Волшебный оркестр красиво играет.
Счастья гармония в Ваших словах
Так просто всегда теплотой окрыляет.

Вы созидаете ноты чудес
Без диссонанса и всяческой драмы...
Мне бы коснуться до Ваших небес
Каждой возвышенной гаммы.

Вы сотворяете что-то с мной,
И я откровенно признаюсь:
К Вашему Солнцу тянусь всей душой,
Свету добра покоряюсь..

Франциско Хавьер Мартинес Браво

Мексиканец, является выпускником Воронежского Государственного Университета, по специальности археолог. Начиная с 1997 года преподаёт русский язык, как иностранный, мексиканской молодёжи в университете города Гуанахуато в Мексике, где работает преподавателем-исследователем. Ведет семинары и курсы о социалистических революциях, преподаёт русский язык и культуру.

Сходство мексиканской души с русской он видит во многих явлениях повседневной жизни. Шестилетнее проживание в России оказало глубокое влияние на его деятельность. Старший сын родился в России, и с ним общается по-русски.

Фильм об истории, археологии и мифах Мексики «Мексика. Философия свободы» ТВ Золотое перо Руси, где главным действующим лицом и ведущим является профессиональный археолог Ф. Хавьер Мартинес Браво, обрел в 2019 году большую популярность.

МИФЫ МЕКСИКИ

Миф о Мексике, миф в Мексике

Мексика родилась, как материализация мифа, в XIV-ом веке. В самом деле, мы, мексиканцы XXI-го века, точно как и наши предки в древности, живем частично мифами, ведь они придают смысл памяти, дают единство народу, самосознание и самоназвание неоднородным группам. В определенном смысле миф направляет шаги народов сегодня в их борьбе за лучшее будущее. Вот почему в Мексике мы научились ценить наши многочисленные мифы, которые говорят об основании этноса, о господстве, о цивилизационных скачках, о приобретении отрицаемого кем-то человеческого достоинства, революционеров.

Миф об основании города Мехико

Королевский орел (*Aquila chrysaetos*) - это солнечный символ, стоящий на нопале (*Opuntia ficus-indica*) и пожирающий гремучую змею. Вот такой образ нашли Мехика (Мешика - это самоназвание ацтеков), кочевники, которые искали себе свою землю обетованную. Позже это стало центром крупнейшей империи Мезоамерики, но в то время, то есть в 1325 году, место было небольшим курганом-островком, окруженным болотами. Как случилось, что будущий воинственный и самодержавный народ ацтеки решил поселиться в таком сложном ландшафте и создать город Мешико-Теночтитлан? Согласно мифу, именно Уцилопочтли (Колибри-левша) им велел таким образом поступать. Уцилопочтли - это древне-мексиканский солнечный господин и бог войны.

Миротворческий миф

Когда-то в мексиканском штате Гуанахуато существовало общество, сформированное различными народами (отоми, тараски), создавшими протогорода с церемониальными центрами монументальной архитектуры. Несколько деревень, некоторые из них сельскохозяйственные и другие, посвященные собирательству или производству различных товаров, окружили и обеспечивали почти всем необходимым этим святилищам общего архитектурного стиля. Археологические раскопки и региональное исследование этой географической среды свидетельствуют о том, что, по крайней мере с VI-го по начало X-го веков, эти народы сосуществовали в мире, так как нет никаких находок либо данных, указывающих на проведение систематического насилия типа войны, вторжения или

внезапной эвакуации. Как специалисты объясняют мирное сосуществование различных народов в одном регионе на протяжении стольких веков? Ответ заключается в том, что общая мифология, ритуал (религиозный, политический, исторический), общий для всех, а также материальная культура, отражающая эту идеологию, были бы важной составной частью ценностей, которые дали им единство, внутреннюю идентичность и силу. Поэтому они сумели создать сети взаимодействия для обмена материальными благами, идеологическими представлениями и родственными отношениями. И в основе этой идеологии был, опять же, миф.

Миф о боге-войне

Уцилопочтли родился вооруженным (как Афина в греческой мифологии), чтобы спасти свою мать, Коатликуе (*Coatlicue* - это Мать-Земля), от нападения ее четырехсот сыновей (южных звезд) во главе с Койольшауки - сестрой, которая подстрекала убить их мать. Еще раньше, давным-давно, Койольшауки подметала пол в Коатепек (священная Гора Змеи), пошел дождь красивых перьев, одно из них упало между ее грудями, но, когда она хотела вытащить его, она от этого пера и забеременела. Это стало мотивом для нападения четырехсот сыновей и дочери. Будучи еще в материнской матке, бог Уцилопочтли осознал, что произойдет, и решил родиться. Таким чудесным образом он родился полностью вооруженным, один воевал с братьями и сестрой, и в итоге солнечный бог войны одержал победу над ними, в том числе их лидером, Койольшауки, которую он обезглавил, оставил голову на вершине горы (голова затем превратилась в Луну) и тело бросил, и оно скатилось под гору и осталось на базе, расчленено, как символ превосходства народа Мешика над южными народами.

Миф о цивилизации

Монтесума II в империи Мешика был лидером, или Тлатоани (тот, кто глаголит), встретил Эрнана Кортеса в ноябре 1519 года. Согласно испанскому летописцу, он признал завоевателя олицетворением мезоамериканского бога Кетцалькоатля (Пернатый Змей). По хроникам, Тлатоани якобы высказал посетителю, что ему воевать совсем не нужно было, потому-что вся огромная территория под контролем народа Мешика в самом деле уже принадлежала испанцу. Возникает вопрос - как это случилось, что лидер так называемой империи ацтеков отдал без слишком большого сопротивления свои земли и деревни захватчикам? Следуя рассказам мезоамериканской устной традиции, мы увидим, что Монтесума

руководствовался рядом мистических знаков для принятия решений. Одним из таких знаков был военный шлем, который Кортес попросил наполнить золотом. Тлатоани, согласно версии, заметил, что этот предмет был идентичен одному из признаков бога Кетцалькоатля, так что другие знаки, казалось, теперь имели смысл для него. Кто он был такой, чтобы поступить против воли богов? И так, в 1521 году центр города империи ацтеков пал, можно сказать, из-за мифа.

Миф о деве Гваделупе

Через десять лет после падения Мешико-Теночтитлан индеец по имени Хуан Диего, спускаясь по склону горы Тепейакак, услышал чудеснейшее пение самых замечательных птиц, в настолько цветочной среде, что он колебался, думая, пронулся он или спал, был ли он в земном мире или в раю. Нежный и уважительный способ, которым богиня Тонанцин-Коатликуе представилась ему в образе Девы Марии Гваделупской, заставил Хуана Диего чувствовать, что его достоинство восстановлено, потому что память о завоевании Мешико-Теночтитлана десять лет назад была свежей. Католические священники навязывали идеологическое господство, унижали индейцев, уничтожали сведения о древнейшей мезоамериканской религии. От этого подобное появление было необыкновенным. Но это было также необходимо. Хотя историографический рассказ уже давно объяснил миф об этом явлении, как механизм колониального господства, сегодня свободомыслящий народ, который на президентских выборах 2018 года занял большинство кресел в парламенте и даже выиграл президентство, этот народ интерпретирует иначе один и тот же миф. В оригинальном тексте шестнадцатого века Гваделупа просит простого индейца Хуана Диего, а не короля, великого Карла I, построить ей “маленький дом” (небольшой храм) на холме периферии (не в политическом и административном центре). Он, стоя, слышит, как Божья мать дает ему указания выполнить эту миссию. Хуан Диего бежит, чтобы поговорить с высокой католической иерархией, в частности со священником Зумаррагой в его дворце. Тот свысока слушал с недоверием петицию, в то время как индеец рассказывает, стоя на коленях, что он видел и слышал. Иерарх не поверил в слова этого бедного индейца, который после этой встречи несколько раз приходил, чтобы принести весть о своей божественной матери, но подвергался насилию снова и снова, по приказу Зумарраги люди Хуана Диего оскорбляли, презирали и избивали. Борясь даже с самим собой, индеец приходил к Гваделупе, и она настаивала и всегда разговаривала с ним с нежностью, уважением и достоинством - таким образом доверяла ему свою миссию.

Освобождающий характер этого мифа заключен в том факте, что он носит с собой критику испанского господства над коренными народами, также критицизм централизации политической силы и исключения большинства; критику классовую речь военных и религиозных конкистадоров; критику храма, в отличие от экологической среды как священное пространство. Наконец, это приглашение переосмыслить религиозную веру из оптики не тех, кто желает доминировать другого, а тех, кто желает положить конец всему человеческому господству.

Миф о том, что иной мир возможен

Наши коренные люди не рассматривают географическую среду, как объект отчуждения, вне человеческой природы, а, наоборот, как составную часть всех женщин и мужчин на свете. Наши коренные народы в течение пятисот лет были перемещены со своих родных земель, и эти земли были оккупированы сначала испанцами, затем мексиканскими землевладельцами, а теперь и капиталистическими компаниями. Индейцы сопротивляются и сражаются по-разному,

руководствуясь убежденностью в том, что землю не следует продавать, так, как яркость звезд не должна продаваться, или вода не должна быть куплена или продана. Так же, как мы не можем купить или продать пение чистой воды, протекающей через реки. Мы убеждены в том, что природа имеет такое же достоинство, как и люди, и такое убеждение мотивирует нас бороться за ее спасение, потому что спасение природы спасает жизнь.

Сапатистская Армия Национального Освобождения (EZLN) является общественным движением коренных групп происхождения майя в мексиканском штате Чьяпас. Они, сапатисты, восстали и открыто противостояли мексиканской армии в 1994 году. Однако еще с давних времен они сопротивляются господству мексиканского государства. Они сопротивляются неолиберализму основываясь на их устойчивую культуру и на основе их тысячелетних обычаев. Они заботятся о своих землях, водах, джунглях, общинах, как составной части человека. Коллективно избирают своих представителей; у них есть своя всеобъемлющая образовательная система, которая с таким же уважением наблюдает за историей, философией и науками. Они изучают свои мифы, используют свою природную медицину, учитывают мудрость старших, признают достоинство женщин, вместе участвуют в своих религиозных торжествах. Каждый взрослый человек, в свою очередь, является частью общинной полиции.

Это способ организации производства, выживания и обеспечения хорошего образа жизни своих народов. Сапатистас твердо убеждены в том, что такой образ жизни, этот другой мир, не только возможен, но и уже существует для всей Мексики и в первую очередь для коренных народов моей страны. Интеллигенция Мексики (не интеллигенция, которая хочет жить под властью Соединенных Штатов и глобального капитала), которая сегодня управляет этой страной и строит философию освобождения, смотрит на этот образ жизни, как конкретное выражение мифа, в котором человек не является доминатором природы, не использует ее, не эксплуатирует ни уничтожает ее, не продает ни покупает ее, а, наоборот, является частью ее, ее сыном, его частицей, его самым скромным гостем.

Мы считаем, что это принцип и основа жизни, хорошей жизни, и этот миф есть лекарство от глобальной болезни изменения климата. Он может вылечить нас и от неолиберализма, который потребляет человеческие тела, а затем он их выбрасывает, как выношенные и ненужные предметы потребления. Миф о том, что возможен другой мир, уходит корнями в древнюю Мексику, и мы добровольно решили в него поверить, потому что в него включена теория и практика хорошей жизни. Этот миф заменил в нашем духе еще один миф, который был важен в двадцатом веке - миф о марксистско-ленинском социализме, который был евроцентричным и некогда не воспринимал наши коренные индейские народы как историческое бытие для изменения мира в лучшую сторону. Вместо мифа о деньгах и войны, мы предпочитаем миф о том, что Землю-Мать надо уважать, беречь и защищать. Нам жить лучше с нашим коренным мифом, который любит природу, а также человеческое достоинство в коллективах, где практикуем непосредственную демократию.

В условиях глобального риска экологической катастрофы человеческий вид рискует также совершить коллективное самоубийство в результате исчезновения многих видов животных, а также в результате глобального потепления, в результате загрязнения пресной воды на планете мусором, который накапливается в океанах, и чрезмерной эксплуатацией невозобновляемых природных ресурсов. Перед лицом этого апокалиптического горизонта, тот “buen-vivir”, или доброе проживание коренных народов Мексики, которые любят и живут своими мифами, - это способ снова смотреть с любовью на соседа и на нашу Землю-Мать, нашу ацтекскую Coatlicue, заботиться о них, чтобы жить с ними вечно. Этот миф может спасти нас как вид.

Светлана Савицкая. Автопортрет. Холст, масло. 50х90
фрагмент

Светлана Савицкая

Журналист, сказочница, художник, мастер по изготовлению кукол, инициатор открытия новых музеев кукол не только в России, но и в других странах мира, председатель Международного национального литературного конкурса «Золотое перо Руси», главный редактор общероссийской независимой интернет-газеты «Молодежь Московии». Она легко шагает по жизни, одаривая окружающих оптимизмом, радостью, искренним теплом и позитивным взглядом на мир.

Член редакционного совета и постоянный автор изданий «Интеллигент».

ПРОСТОЙ ДИКТАНТ

(из книги рассказов для детей и юношества «Янтарное сердце моря»)

Всегда врываясь на занятия стремительно и вовремя, как Московское метро, Майя Павловна умудрялась мгновенно определить «летний состав» дня. Кружок «Крылатые» слыл вольнодумным, и в общем-то не противоречил направлениям школы, где еженедельно что-то устраивалось ею: то концерт художественной самодеятельности, то конкурс чтецов.

Директор Фаина Львовна в начале учебного года, можно сказать: «на берегу», поставила «девчонку» в неловкое положение, заявив, что не заплатит за дополнительные занятия ни копейки, если их будут посещать меньше 15 душ, при чем, под расписку родителей с заявлением и заверением...

Майя Павловна, вспыхнув, согласилась... впряглась... преуспела...

Но увидеть на самом «козырном» диктанте двоих корифеев и одного новенького... грозило настоящим ее личным провалом всего года!

Отменить?... Блистательный педагог от Бога профессионально спрятав в бесстрастной улыбке внутреннюю досаду, не смогла сдержать вопроса вместо приветствия:

- О чем думаем?... Конец апреля!

Риторический этот вопрос был направлен не к тем, кто явился, а к тем, кто подвёл, променяв знания на «свежий воздух».

Приняв за комплимент эдакое своеобразное приветствие учительницы, трое явившихся довольно раскраснелись.

- У апреля конца не бывает! – сверкнул улыбкой очаровашка Володя Вжик, завернувший впервые на литературный кружок, - ибо весна есть начало всех начал!

- Неплохо для физика. Но здесь собираются лирики для серьезной работы! Ты не перепутал двери?

- Литература - та же физика! – выдал себя Вжик, мельком стрельнув веселыми глазами в сторону Любы Кудрявцевой, привыкшей к заигрыванию балбесов-одноклассников, упорно не видевшей в них кавалеров и поэтому, не обратившей никакого видимого внимания на сей выразительный намек. – Построена исключительно на формулах и цифрах!

- О! Как! – развела руками педагог.

Тем временем, в незапертую дверь просочилась Анжела Заболоцкая, обладающая даром всегда попадать на занятия на последней секунде первой минуты!

- Я не опоздала! Мои показывают 14-00!

Учительница коротко кивнула, длинно растянув:

- Проходи, Желя, садись.

Итого: четыре ученика. Катастрофа!

Дилемма, проводить или не проводить весенний диктант, решила в пользу «да» исключительно из-за синеокого

взгляда Любочки, ни минуты не сомневающегося в результате. Отличница так тонко чувствовала стихи, так быстро запоминала большие отрывки прозы, что была незаменимой на всех школьных спектаклях! В ее взгляде тонуло полшколы. Вот и сегодня после уроков исключительно за нею прибежал Вжик, приплелся Игорек Томилин... а где же основной ее обожатель Андрон Батурлин?

- Можно? – вот и он...

- Проходи, больше не опаздывай.

Итого пять. Майя Павловна окончательно взяла себя в руки.

- Добро. Достали листочки. Пишем простой диктант. Как я и обещала, если оценки 4-5, вносим в журнал, если ниже - работаем над ошибками. Нас интересует главным образом пунктуация. Работа сегодня предстоит не простая. Творческая.

- А, если с первого раза не получится, сколько раз можно переписывать диктант? – запаниковала Заболотская.

- Пишем один раз, - отрезала учитель.

Желя всегда вызывала в ней некоторое недоумение. Ведь цифровое мышление свойственно мужской половине человечества. Женское мыслит образами. Единственное, что могло объяснить сей феномен – папа банкир.

Подростки по-своему устроились на отдельных партах, дабы не мешать друг другу. Шелестели не долго. Притихли. Не смотря на разные темпераменты, их объединяло стремление проверить, а чему же научился каждый за 10 лет в этой непростой области знаний?

Майя дала введение:

- Сначала прочту весь текст целиком. Ровно. Без выражения. Вам надо понять: что это. Прямая речь? Обращение? Мысль? Несколько мыслей? Вам следует определить жанр: повествование, эпистолярный, романтический, деловой...? Выявить – есть ли пропущенные слова, а, если таковые почувствуете: где и в каких местах следует ставить те или иные знаки вместо слов. Я буду диктовать медленно, без перерыва, не для остановок. Вы сами решаете: где ставить точку, где запятую, где другие знаки, как отделять простые предложения, сложные, причастия, деепричастия. Относится ли текст лично к вам или еще к кому-то, есть ли в нем имена собственные, есть ли нарицательные. Готовы?

- Естественно! – отреагировала уверенно Желя.

- Пожалуй, - кивнул Андрон.

Любочка улыбнулась. Вовка заерзал на стуле. Игорь глубоко вздохнул.

Майя Павловна прочла:

- Тебе...

- Мне? – переспросил Вжик.

- И тебе тоже! – улыбнулась, наконец, серьезная учительница. – Текст называется «ТЕБЕ». Слушаем, не перебивая. Пишем моча. Не мешаем думать другим. Ясно?

- Ясно, - снова отозвался Вовка Вжик.

- Я сказала «молча»!

На этот раз Вовка просто кинул.

- «Тебе», - еще раз начала Майя Павловна.

Ученики напряженно вслушивались в слова:

- «Хорошо ты не знаешь о своей красоте и люди не говорят тебе об этом а то пришлось бы с утра до вечера смотреть в зеркало и убеждаться в сей прекрасной истине хорошо ты не чувствуешь силы своего исключительного пытливого ума высокомерие сразило бы разум и отвратило от других людей хорошо никто на свете не убедил тебя в уникальности таланта и приходится ежедневно испытывать себя и доказывать всем что собственное внутреннее видение и последующее его выражение во всем что ты есть интересно это не интересно это гениально хорошо ежедневно восхищаться твоими чертами лица умиляться словами гордиться поступками хорошо знать что у тебя есть я а у меня есть ты не смотря на то что ты похоже не знаешь об этом хорошо ты не догадываешься и до конца не веришь как я люблю тебя ведь если бы была уверенность то обязательно бы возникла потребность разбить мое сердце бог».

- Текст понятен?

Молчание.

- Пишем!

Через десять минут с диктантом было покончено. Ученики покорно сдали контрольные листочки и вышли в коридор.

Майя Павловна прочла:

«Владимир Вжик.

ТЕБЕ!

Хорошо - Ты не знаешь о своей Красоте! И люди не говорят Тебе об этом! А то пришлось бы с утра до вечера смотреть в зеркало, убеждаясь в сей прекрасной Истине!

Хорошо - Ты не чувствуешь силы своего Исключительного пытливого Ума! Высокомерие сразило бы Разум! И отвратило от других людей!

Хорошо - никто на свете не убедил Тебя в уникальности Таланта! И приходится ежедневно испытывать себя и доказывать - что собственное внутреннее видение и последующее его выражение во всем! Что Ты есть - Интересно! Это - не интересно! Это - Гениально!

Хорошо - ежедневно восхищаться Твоими Чертами Лица! Умиляться Словами! Гордиться Поступками!

Хорошо – знать, что у Тебя - есть Я! А у меня - есть Ты! Не смотря на то, что Ты, похоже, не знаешь об этом!

Хорошо - Ты не догадываешься! И до конца не веришь! Как Я люблю Тебя! Ведь если бы была уверенность - то обязательно бы возникла потребность - разбить Мое сердце!

БОГ!»

Учительница улыбнулась, и уверенно поставила оценку холерику «5!»

Следующий был меланхолик по складу характера. Вот что он написал:

«Игорь Томилин.

Тебе?

Хорошо: ты не знаешь о своей красоте? И люди: не говорят тебе об этом? А то пришлось бы с утра до вечера смотреть в зеркало, убеждаясь в сей прекрасной истине?

Хорошо: ты не чувствуешь силы своего исключительного пытливого ума? Высокомерие сразило бы разум... и отвратило от других людей?

Хорошо: никто на свете не убедил тебя в уникальности таланта? И приходится ежедневно испытывать себя и доказывать, что собственное внутреннее видение и последующее его выражение во всем, что ты есть, интересно? Это не интересно? Это гениально?

Хорошо: ежедневно восхищаться твоими чертами лица? Умиляться словами? Гордиться поступками?

Хорошо: знать, что у тебя есть я? А у меня есть ты? Не смотря на то, что ты похоже не знаешь об этом?

Хорошо: ты не догадываешься и до конца не веришь, как я люблю тебя? Ведь если бы была уверенность, то обязательно бы возникла потребность разбить мое сердце?

Бог?»

Майя, задумавшись, вывела «5?»

Взяв в руки листочек Жели снова улыбнулась. Ничего кроме цифр она и не ожидала увидеть. Там было:

«Анжела Заболоцкая.

Тебе

1. Хорошо, ты не знаешь о своей красоте, и люди не говорят тебе об этом, а то пришлось бы с утра до вечера смотреть в зеркало, убеждаясь в сей прекрасной истине;

2. Хорошо, ты не чувствуешь силы своего исключительного пытливого ума, высокомерие сразило бы разум и отвратило от других людей;

3. Хорошо, никто на свете не убедил тебя в уникальности таланта, и приходится ежедневно испытывать себя и доказывать, что собственное внутреннее видение и последующее его выражение во всем, что ты есть, интересно, это не интересно, это гениально;

4. Хорошо ежедневно восхищаться твоими чертами лица, умиляться словами, гордиться поступками;

5. Хорошо знать, что у тебя есть я, а у меня есть ты, не смотря на то, что ты похоже не знаешь об этом;

6. Хорошо, ты не догадываешься и до конца не веришь, как я люблю тебя. Ведь если бы была уверенность, то обязательно бы возникла потребность разбить мое сердце.

©Бог»

Снова не найдя ни одной ошибки в пунктуации, Майя поставила просто «5».

Что же нам выдаст сегодня наш медлительный, наполненный до бровей флегмой, Антоша? Даже интересно!

Майя прочла:

«Антон Бутурлин.

...тебе...

...хорошо... ты не знаешь о своей красоте... и люди не говорят тебе об этом... а то пришлось бы с утра до вечера смотреть в зеркало, убеждаясь в сей прекрасной истине...

...хорошо... ты не чувствуешь силы своего исключительного пытливого ума... высокомерие сразило бы разум и отвратило от других людей...

...хорошо... никто на свете не убедил тебя в уникальности таланта, и приходится ежедневно испытывать себя и доказывать, что собственное внутреннее видение и последующее его выражение во всем, что ты есть, интересно... это не интересно... это гениально...

...хорошо... ежедневно восхищаться твоими чертами лица... умиляться словами... гордиться поступками...

...хорошо... знать, что у тебя есть я... а у меня есть ты, не смотря на то, что ты похоже не знаешь об этом...

...хорошо, ты не догадываешься и до конца не веришь, как я люблю тебя... ведь если бы была уверенность, то обязательно бы возникла потребность разбить мое сердце...

...бог...»

Пришлось вывести так: «...5...», чтобы ученику было понятно.

Надеждою собственной своей считала она сангвиника Любочку. И та не подвела. Майе даже показалось, что ученица скопировала знаки препинания с ее собственного текста!

«Любовь Кудрявцева.

ТЕБЕ

Хорошо, ты не знаешь о своей красоте, и люди не говорят тебе об этом, а то пришлось бы с утра до вечера смотреть в зеркало, убеждаясь в сей прекрасной истине.

Хорошо, ты не чувствуешь силы своего исключительного пытливого ума, высокомерие сразило бы разум и отвратило от других людей.

Хорошо, никто на свете не убедил тебя в уникальности таланта, и приходится ежедневно испытывать себя и доказывать, что собственное внутреннее видение и последующее его выражение во всем, что ты есть, интересно. Это - не интересно. Это - гениально!

Хорошо ежедневно восхищаться твоими чертами лица, умиляться словами, гордиться поступками.

Хорошо знать, что у тебя есть я, а у меня есть ты, не смотря на то, что ты похоже не знаешь об этом.

Хорошо, ты не догадываешься и до конца не веришь, как я люблю тебя. Ведь если бы была уверенность, то обязательно бы возникла потребность разбить мое сердце.

БОГ».

- Вы все написали правильно. Молодцы! Пять пятерок из пяти! – Возвращала Майя тетрадные листки.

Ученики, не отрывая взоров от работ, понимали, что вопрос с годовой оценкой тоже решен на отлично!

Класс моментально опустел. А Майя еще долго перечитывала в фотобанке мобильного телефона всю свою пятерку блистательных работ, полученную за год!

Анна Креславская

Преподаватель русского языка и литературы, родом с Украины, долго жила и преподавала в Великобритании. Ныне живет в Голландии. Призер пятого фестиваля “Эмигрантская лира” (2013), автор публикаций стихотворений в электронных и твердых изданиях.

Петербург. На мостах времен.

Вот солнце рождается, в талой воде раздвоясь. И царственной сказкой - в замесе болота и славы - Дворец возникает, решетки ажурная вязь и всадник на камне фасада разбитой державы.

И тайные клады свои подымая со дна, я ключиком сна отпираю прапамяти ящик. И прошлого рай воскрешаю в экране окна Рассеянной роскошью звуков и красок дразнящих. Во сне проплывает забытой лодкой весна. Открылся канал... То есть, по Утру вскрылась Канавка. И Летнего сада нагая стоит тишина... И в воздухе колокол музыкой медного сплава. Намокшею птицей нахохлилась Мойка моя. И в прорези веток скрипит по дороге телега. Следы от полозьев разлезлись остатками снега. И плачет зима закипающей стружкой ручья... Мой город распаренный солнечной баней весны, Я вновь осязаю глазами под куполом неба колонны твои и виденья пролетов сквозных, где былую становится вся моя здешняя небыль. Проржавлены ванны твоих коммунальных квартир. Задернуты шторками тайны дворовых колодцев. Здесь книги читали до пулей оплавленных дыр. И строчка литая державной стопой отдается...

Но вывернул залп на поверхность ущербное дно, где город мой стал революций убийственным Родей. Допросов ночных он цедил чумовое вино и взводом расстрельным командовал утром на взводе. Там разные борозды жизнью моих пролегали. И питерской строчкой прошили мне лич-

ное дело... Там сердца кораблик в залива промозглой дали непрошено реет над рябью тоски поределой. Тускнеет реальность на жизни разъемном мосту. Закутаюсь в шарф, разгляжу у гранитной скрижали заветного города гибельную красоту, чью славу подонки в кровавое зелье смешали.

Полозья саней погребальных по сердцу скребли. Ресничного инея ветры коснуться не смели. Всех лучших уже увезли с этой мерзлой земли: их время смертей укачало в летальной качели. Я шарфом своим подбородок тебе подвяжу. Здесь все наважденье. Здесь нет никакого просвета. Такую тоску и такую кромешную жуть не вспомнят, мой птенчик. И нет за зимой этой лета. И нас больше нет. Наши весны зима унесла. Цветочек мой нежный, мой лучший... На всем этом свете такая тоска. Ни рубашечки, ни волоска уже не поправить. И в стайке детей не заметить.

До полночи жгут чернокнижную память мою фонарные луны сквозь бисерно-черную морось. До полдня мне ангелы песню прощально поют и слово плывет, будто лебедь, рыдающий в голос. Там женщина плачет без слез. Ее очи сухи. Она только память и горя обугленный ветер. Она выпекает немислимой силы стихи. И в каждом из них воскресают умершие дети.

Закутанный шарфом, свой ранец подросток несет. И будочник мерзнет. И пушки...

еще не стреляли. Шарманка поет о разбитой любви и печали. Вплывает мой город в последний, тринадцатый год.

Главная рыба

сколько здесь рыбы! - Ханна, лови ее просто руками...
 света здесь море. сердце уловит его.
 если оно и камень - то драгоценный камень.
 свет только кажется сгинувшим за облаками.
 мы наполняем глазами его торжество...

счастлива Ханна, дела ее благословенны,
 рыба летает и свет в отражении сковороды...
 Ханна поет, и песнь достигает мгновенно
 мужа и рыб и ближайшей от кухни звезды.

Ханна смеется и, легкую сеть рассекая,
 рыбу ласкает. будто нездешних детей,
 большую часть женщина отпускает... -
 прочих же рыб хранит. и луч струится над ней.

скрылось от взглядов солнце - огромная рыба -
 главная рыба, что так непроглядна порой. -
 здесь оно, здесь - влажным хвостатым изгибом -
 вновь отразится песни сверкающей чешуей.

* * *

Февраль чернила высохли навек
 никто не плачет или я не слышу
 холодный день как старенькая ниша
 чего там нет но где же человек

хоть так сидишь а хоть гремишь по клавише
 в сомнения расклеенной оправе
 лишь самолетик тайны в облаках
 и воронье на ветках возбуждает
 и снег себе лежит подлец не тает
 у края суеты и на висках

пароль не нужен рамблер ту-ру-руи
 мой апельсин так пахнет поутру
 как будто роща где поэт расстрелян
 пришла сюда раз я к ней не могу
 ей холодно южанке на снегу
 тут жесткий север белым мягко стелет
 съешь йогурт с хлопьями а сервер сдай врагу

как пахнет кофе будто в первый раз
 и струйка хороша и пар так тонок
 и чашка долгожданна как ребенок
 полна чтоб долго пить сей миг сей час
 но в зеркале чужой холодный глаз
 гласит до боли колкой в подреберье
 что ты к судьбе утратила доверье
 вне гамлетова бить или не бить

и если не сумеешь растопить
 лед зимней лжи своей кофейной ложкой
 то может и тебя на свете нет
 а так зима простужена немножко
 в оконной раме сумеречный свет
 и по двору гуляющая кошка

Из родословной

Из родословной
 Когда отец женился на Лилит -
 Безмолвный небосвод прошло криком.
 То древний род из-под могильных плит
 В отчаянье зашелся безъязыком.
 Она была до горечи сладка...
 Как восковая белая лилея.
 И не дрожала девичья рука
 Младенцев полоснуть ножом по шее.
 Из теплых уст змеилась хищно речь:
 "Плодить не стану я тебе евреев,
 Которых немцы отправляют в печь,
 Дымком развея ветхую идею".
 Из польских глаз не капала слеза,
 Когда отец, собрав свои манатки,
 Ей слова на прощанье не сказал
 И на корабль ушел походкой шаткой.
 Потом он встретил Еву. И она -
 глазами неславянского покроя
 сердец не сотрясавшая до дна -
 мне стала мамой, а ему женою.

Старинный голландский пейзаж

Глаза легко скользят по нежной просини
 но понизу царят иные краски
 в калейдоскопе приближенья осени
 желанья исполняются как в сказке

янтарный луч над стынувшей землей
 и розан красный за оградой влажен
 качнутся будто сон любимый мой
 сбывается деталью каждой важен

как прошлому нужны пилотные очки
 чтоб не срывало с заданного круга
 плывем легки по морю лодочки
 под парусом влюбленности друг в друга

не разглядеть за облаком лица
 все заволакивают комья ватной влаги
 лишь край весла и дальше мельница
 кусты и травы плачутся в овраге

и клонит ветер падая с высот
 древесности немолкнущие споры
 и горечь словно вересковый мед
 над плоским и сверкающим простором

Бичий глаз

Аннигилятор

Явление Агнца

Мелодия Энтропии

Оратория весны

Терракотовые острова

Виридоновый пейзаж

Храм

Город 1000 огней

Лестница Иакова

Мадриго

Красная улица

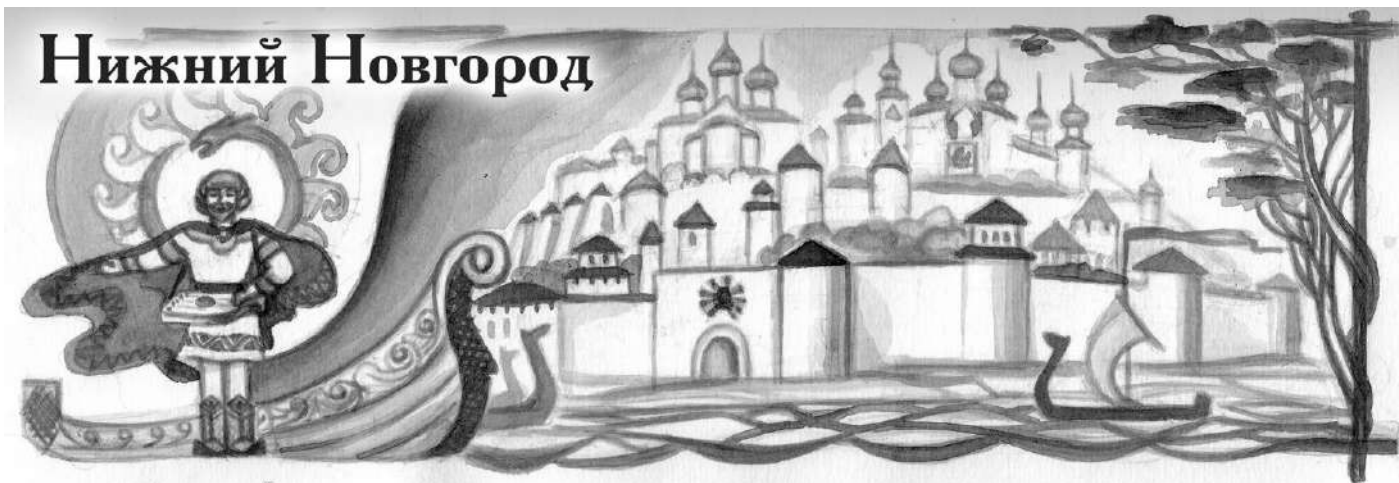
Крик

Чаша печали

Берег неродившихся людей

Владимир Безладнов

Режиссер, актер, художник, литератор. Член СП России. Публиковался в журналах "Юность", "Волга", "Сибирские огни", "Звезда Востока". Автор двух прозаических сборников - "Премьера" и "Из неизданного, четырех сборников стихов: "СЕВЕР", "Солнце сквозь сосны", "Маскарабозы" и "Боль", а также - нескольких книг для детей. Основной вид литературной деятельности - драматургия. Из восьми написанных пьес, четыре поставлены в ряде театров России и ближнего зарубежья. Пьеса "Майский жук в шляпной картонке" переведена на польский язык и поставлена в г. Лодзь.

Живет и работает в г. Саров (Федеральный Ядерный Центр).

СЛУШАЙ ТИШИНУ!..

*Моим аргентинским друзьям и коллегам -
Веронике Санчес и Раулю Косме Эстевесу,
убитым, в числе других противников режима
Рейнальдо Биньоне, в мае 1979 года на поле
поло-клуба "Коронел Суаррес".*

Полночь. Поле для игры в поло.
Лёжа навзничь, разбросав руки,
Ты вдыхаешь тишину, Косме.
Воздух - горькая полынь с перцем.
Не бывает тишина «полной» -
Тишина всегда полна звуков:
Даже если попадешь в космос -
Будешь слышать гулкой стук сердца.
Принесет, прошелестев, ветер
Запах скошенной травы прелой,
Да в конюшне, что в густой роще,
Беспокойная заржет лошадь.
Прошуршит в траве змея где-то,
Заведет сверчок свои трели... -
Тишина звенит в ушах громче,
Чем ревущая толпой площадь.
В черном небе - над тобой, Косме -
Безмятежность и покой... трезвость.
Волопас повел гулять свору,
Добродушных звездных псов гончих.
Вероника расплела косы,
Чтобы волосы опять срезать:

Птолемей вернется к ней... скоро...
Это твой последний день кончен.
Здесь - внизу - травили вас псами
После сыгранного днем матча.
Сняв мундиры - веселы, ражи -
Для потехи, натянув стринги,
Добивали тех, кто жив, сами
Перепившиеся, в хлам, «мачо»,
И насиловали жен ваших,
И машинкой для овец стригли.
Ах, как весело скакать голым,
По живым мячам лупя клюшкой!
А потом надеть мундир важно
И отбыть к своей семье - в город...
Слушай, Косме, тишины голос
(Скоро будут говорить пушки),
И вбирай в себя спиной влажной
Остывающей земли холод.
Этот холод, пополам с болью,
В небе звездные зажег свечи.
Неотпетую твою душу
Не услышат в городском шуме.
Ты не свидишься с женой больше -
Вероника будет ждать вечно.
Слушай, Косме, тишину!.. Слушай!
Ты еще не до конца умер.

КАЛИГУЛА

*«...Так давно это было, что черные вороны даже,
Сколько ни вспоминали - не вспомнили, в точности, дату...»*

Виктор Соснора.

Как давно это было! - почти невозможно представить...

Отложив «на потом» всю сегодняшнюю дребедень,
Я, из старости в юность минувшие годы листая,
Вспоминаю свой первый - счастливейший - творческий день.

Ленинград... Тишина в переполненном зрительном зале...
(Впрочем... «зал» - это громко... - всего лишь, холодный подвал)...

Мы играли Камю... Ах, как мы вдохновенно играли!..
Зритель плакал, смеялся, сочувствовал, негодовал...

И неважно нам было, что вместо портала и ramпы
Между «залом» и «сценой» протянут был шнур бельевой...
Что светили нам в лица лишь две самодельные лампы,
И что зрители стулья, в тот день, приносили с собой...-

Ведь под Брубeka с Монком, ревуших из магнитофона -
Под джазменов, в которых мы были тогда влюблены,
Да под собственный скрежет и лязг шумовых какофоний,
Мы творили Искусство!.. на фоне кирпичной стены.

И не важно, что не было «звезд» в нашем братстве студийном -
Каждый мог засиять, как начищенный медный пятак!
Потому что, в тот день, мы и зрители были едины,
Создавая, как радостный праздник, наш общий спектакль!

В нем был бунт!.. был протест, прорывающийся сквозь завесу;
Он был неосязаем... невнятен... незрим... невесом...
Мы играли Камю!.. и его запрещенная пьеса
Заставляла, в тот день, наши души звучать в унисон.

И на «сцене»... из ночи... рассветное солнце вставало!..
И мы жили на ней!.. ненавидя... страдая... любя...
И метался Калигула в тесном пространстве подвала,
Разрушая!.. вконец опостылевший мир... и себя!..

И кордон добровольцев - а их было множество, к счастью -
Плотной группой стоял у подъезда, мешая жильцам,
И в подвал не пускал представителей власти мордастых,
Чтобы дать нам возможность спектакль доиграть до конца.

Вот уж скоро полвека, со дня этой нашей премьеры.
Сколько было потом их - за длинную-длинную жизнь!.. -
Поражений... побед... компромиссов... халтуры, к примеру...
Признаюсь, очень трудно по полочкам всё разложить.

Меркантильность и пошлость растут и растут, год от года.
Жизнь, как прежде, груба. А актерская гордость - слаба...

Я сегодня тоскую по тем «временам несвободы»,
Когда «Творчество» было синонимом слова «Борьба».

ВСПОМИНАЕТСЯ...

(Юрию Мефодиевичу Соломину)

Ленинград... разрушенный дом...
Дом напротив прорезан трещиной...
Зимним пасмурным питерским днем
Копошатся в развалинах женщины...
Измождено-суровые лица...
Любопытные - за оградой...
Свет «юпитеров»... взвод милиции... -
Здесь снимается фильм «Блокада».

Полушубок сидит на мне ловко.
Залихватски ушанка заломлена.

Пусть завидует мне массовка:
Я сегодня - спина Соломина!

У большого артиста - спектакли.
Он - в Москве, и на съемках - застой.
Но, чтоб «сверху» в наш адрес не «такали»,
Выход найден, причем - простой.
Режиссер Михаил Ершов -
Фронтвик энергичный и строгий -
Говорит: «Ну, что ж... хорошо!..
Нам приказано выдержать сроки?... -
Значит, некогда нам, как кретинам,
От безделья, чесать яйцо.
Мы - без Юры - отснимем спину,
А когда он приедет - лицо».

Режиссерская воля безжалостна,
Сколь бы странной она ни была.
Вы уж, Юрий Мефодьич, пожалуйста,
На меня не держите зла.
Просто спинами (больше-то нечем)
Мы похожи с Вами зрительно...

Сыплет «снег» костюмер мне на плечи,
Чтоб смотрелась спина «попронзительней»,
Надвигает на лоб ушанку -
Чтоб поостроже... и по уставу;
Оператор ныряет в «санки»,
Чтоб снимать меня (сзади и справа);
Я в кармане, для пущей верности,
Пальцы в кукиш сложил, на удачу;
Режиссер - в сотый раз, наверное -
Объясняет мою задачу:

Он, мол, верит, что я - не осел...
Что ценю общий труд, и поэтому
Буду просто идти - и всё...
Ничего не играя, при этом...
Что меня не придется потом
Нехорошими крыть словами...
Отвечаю ему: «Все путем.

Не волнуйтесь! Да что это с вами?..
Я не первый год на Ленфильме
Состою, как актер, на учете.
Пусть хихикают простофили -
Быть дублером звезды почетно.
Заявляю, на всякий случай:
Я Ленфильму верен до гроба!
Если нужно - я текст озвучу,
Подыграю на кинопробах,
И в «групповках» готов днем и ночью,
По сто раз, до седьмого пота
Каждый дубль повторять... Короче -
Я готов на любую работу!..»...

Режиссер, меня не дослушав
Говорит: «Хорошо-хорошо!..
Дубль первый!.. Мотор!.. Хлопушка!..»...
Взмах рукою!.. - и я пошел.

В общем, Юрий Мефодьич... сейчас
Я вам честно скажу, без шуток:

Я горжусь до сих пор, что у нас
На двоих был один полушубок.
И не важно, что в вашей роли
Роль моя никому не видна.
Я-то помню... до слез... до боли:
В этих кадрах - моя спина!

Татьяна Злыгостева

Родилась 16 мая 1983 года в г. Новосибирске, закончила факультет журналистики НГУ.

Работаю журналистом, редактором, фотокорреспондентом. Печаталась в Новосибирских, центральных и зарубежных литературных журналах.

В 2009 году вышел сборник стихотворений.

Цветочным снегом асфальт задышал неровно -
С деревьев падает маленькое и белое.

Что я такого плохого сделала?
Что я такого плохого сделала?

Матушка-яблонька,
помоги мне,
Не дай пропасть мне,
не дай погибнуть.

Невозможный мой, мой хороший -
Помоги мне, всесильный Боже.

Дайте сил мне, корица, имбирь и медь.
Помоги мне, черника. Физалис, оникс -
Помогите мне. Солнечный мегаполис -
Научи меня лишнего не иметь.
Укрепи мою душу, фасадный камень,
Укрепи мое сердце, цветной пустырь,
Смех и окрик, огонь и пыль,
И трамвай с нежными голосами -
Помогите - меня любите.
Помогите - меня любите.

Невозможный мой, мой хороший -
Полюби меня тоже, Боже.

Настоящая драма всегда начинается с пустяка -
На какой-нибудь улице европейского городка
Потеряешь перчатку там, или в ирландском баре
Улыбнешься нетрезво - и дома еще по паре
Рюмок - виски и водка. И снег за окном растаял,
И меня, как всегда, разбудили колокола -
"Господи, лучше бы не пила,
Почему мне об этом заранее не сказали?" -

Настоящая драма всегда начинается с ерунды -
"Остановим машину и купим тебе цветы".
На игрушечной улице с кукольными домами -
Золотые огни и серебряный снег, и Бог,
И старинная церковь с тугими колоколами.

И рождественский (красный) горит на столе цветок,

Как в новогоднем, елочном бреду,
В температуре включенной гирлянды -
Огонь, ангина, полыхают гланды,
И конфетти разбросано на льду.
А в хвойный рай мой, в тайный теплый дом,
Вглубь веток, где приют надежный скрыт,
Где шар стеклянный спит, а сам блестит,
Пойдем со мною? А? Пойдем со мной.

Я так в тебе сегодня, так в тебе,
Что хочется еще теплее чтобы -
В зеленый мрак игрушечной чашобы
По узенькой петляющей тропе.

От корки мандариновой и до
Вчерашнего шампанского остатков -
Нам будет хоть и приторно, но сладко,
Хоть муторно, но празднично зато.

Мне холодно, подай мое пальто,
Скажи мне слово доброе хотя бы.
Ты видишь - поднимается по трапу
Уставший день. И елочный, густой
Плывет туман по комнате закатной.
Побудь со мной, побудь еще со мной.

В температуре включенной гирлянды
Белеет шар, свеченьем налитой.

И украшена елка игрушками и бантами.
Настоящее чудо - когда отопрешь замок,
И, невидимый, вместе со всеми Бог
Входит в комнату. Сколькими чудесами,
Отче, полон твой бедный земной чертог?

Настоящая драма растет из того куста,
На котором брусничные чудеса,
На котором заветные бусы слов,
На котором - любовь,
на котором - Бог,
из которого - ты:

"Я хотел бы помочь" -
не смог.

Василий Лабецкий

* * *

однажды время остановилось
 полярная звезда исчезла
 и созвездия застыли
 новостные ленты сняли посмертную маску
 исторической действительности
 полная луна
 встающая над горизонтом
 замерла медовым теплым кругом
 ветер погнал красно-желтые листья
 по пустым коридорам
 в небытие
 снежинка растаяла на рукаве
 по щеке слезой пробежала
 пришел теплый фронт
 явилось и светлое лето
 в сиреневых сумерках-дымках
 где в белых одеждах Иран
 где в легких цветах миндаля
 святой Самарканд
 останутся в памяти
 людей загорелых на солнце
 людей испещренных морщинами
 черноволосых и смуглых
 и многих других
 с голубыми зелеными серыми
 или черными глазами
 с рыжими волосами
 бледной кожей
 или черной красной желтой
 такие же пестрые
 воспоминания прожитых лет
 и между ними только теплые
 и холодные циклоны
 степные пожары и чувства
 слова языков
 а времени нет
 и память развеяна
 нет и пространства
 мы видим друг друга
 без формы
 и нет самих глаз
 для того
 чтоб смотреть
 секундная стрелка
 смещаясь
 на миллиметр
 поэт
 иерихонской трубой

* * *

все наши фантазии могут стать реальностью во сне
 и мы забудем о том, что спим
 все наши реальности пропадут как сон
 и мы не вспомним прожитых жизней
 смерть оживит каждый стих
 и каждый ненаписанный стих
 будет мучить серой тягучей пустотой

* * *

не оживляй мертвецов
 они стоят под дождем
 бледные, с зеленоватым огнем в глазах
 реки вздулись, разбухли водами
 весна заявляет свои права
 ломая ритм ломая
 лед под испуганными рыбаками
 раскрывая глаза-полыньи
 бьется кровь в кончики пальцев
 бьется в почках и вербах небо
 серебряными вспышками
 всемирного спинного хребта
 на деревьях проступая смолой
 на верху прожигая звездой
 черное лоно ночи
 кричи заглушая шум дождя
 кричи рождаясь раз за разом
 молчи когда умрешь
 сегодня пройдешь
 перелеском костяным звоном
 стороной пустых ветреных деревень
 заброшенных кочевий и мельниц
 покрытых мхами и пятнами лишайника
 рыжими и желтыми, пьяными
 как золото солнца
 проросшего птичьим криком
 хищным комом в горле
 застрявшим застывшим
 словно уйдешь в темноту
 ухххууууууххххууууухххууу
 силуэт филина на закате
 на краю великих лесов
 на краю степей
 на краю света от костра
 круга стоит девушка весна
 с водою-кровью в подоле
 пригоршней льда в кармане
 с мертвецами за спиной
 филин взмахнет крылом
 филин скажет огнем
 глазом сверкнет раздует
 костер из рукописных книг
 как тянет холодом из низин
 как тянет сумраком от тальника
 как рука истончается
 как превращаешься в призрака
 лунной ночью в великих лесах
 жарить мясо подбрасывать
 дрова в огонь слушать
 шорохи и крики шепоты
 с той стороны полыньи
 подводные течения
 водоросли в волосах
 паводок уносит лунные блики
 восточка с той стороны.

Оксана Васякина

Родилась в 1989 году в маленьком городке Иркутской Области, долгое время жила и работала в Новосибирске, теперь путешествую по стране и ближнему зарубежью, наблюдаю за людьми, принимаю участие в разношерстных авантюрах и ни о чем не жалею. Победительница Новосибирского поэтического слэма, участница слэма в Перми.

Рыба - кит

На мягких силуэтах домов,
Среди степи,
Воин пограничных цветов,
Чтобы не было так одиноко,
Играет на флейте ветров
И выдувает миры
Меж оптоволоконных скобок,
В центре своей игры,
Вернувшись к сердечным истокам.
В танце горит
И возрождается снова.
Пространственные лоскуты
Смыкаются за спиной,
На задний фон
Проецируются картинка,
На ней озеро подо льдом
И темень сосновых крон
Пускает на снег лучи.
- Слайд меняется: пригород,
Обширное водохранилище.
Песок, привезенный сюда
Лет сто назад
Податливый и ручной.
По периметру серых волн
Угольные круги,
И каждый из них обжить
И беречь, как родной дом,
В любую ночь
Вольным летом
Тени родных могли.
- Меняется картинка:
Четырнадцатый этаж,
Белые стены и запах,
Запах тлеющего фимиама.
Цвета дубовой коры
Ароматный китайский чай,
Прозрачная колба паром
Выталкивает панораму,
Покрытую шелковой дымкой,
Растянутую в горизонт -
Ее лепил великан
Из кирпично - стеклянных глыб
И, опрыснув водой из кувшина,
Враз оживил,
Из щелчка пальцев
Вырвалось солнце,
И свет поплыл над долиной
Автомобилей, воздушных мостов,
И рекламных картин.
За спиной самурая
Пограничных цветов
Двигается рыба - кит

И фильтрует картинки,
Заглатывая потоки
Времени и пространства,
Присваивает ландшафты,
Пергаментную кожу близких,
Точки конца, точки старта ,
Очертанья обжитых квартир,
Растворяет нитки,
Вязавшие все воедино ...
И по мере скольженья
Оставляет мерцающий шлейф -
Путь сквозного движенья
Воина, отдавшего всех
И все на съеденье киту,
Чтобы играть на флейте
В торговом порту
Среди барж, груженных песком
И черных птиц ,
Глоотающих в огненном небе
Благостную пустоту.

Гусь

И тогда я хотел нарисовать лебедя.
Такого изящного...
Прорисовать каждое перышко,
И чтоб блестели кристаллы
Воды на каждой прожилке
Пера белоснежного .
И чтоб хотелось гладить его с картинки,
Но замиралось в секунде от сближенья
В недостойности прикасаться
К божественной красоте...
А за стеной снова запел пьяный родственник.
И жирными сизыми
Похожими на растоптанные шлепки губами
Потянулся к хрустящему
В дребезгах хрусталою рюмки.
Дрогнула рука.
И со всей злостью на родственников
В бессилии от ненависти к ним, я
Намалевал безобразного гуся.
И совсем не хотелось оскорбить дворовую птицу.
Но так вышло , что гусь
Похромей
И задиристей лебедя.
К тому же я уже начал рисовать,
Лист бумаги оставался последний.
На обратной стороне его красовались
Золотые облака над сизой поверхностью гор.
Намного проще
Из наброска изображения лебедя вылепить гуся.
Свинья не вышла бы вовсе.

Дорогу белым потокам

Ты в России.

*Едешь по ней на поезде трое суток -

Она не кончается,

Она ворочается как большая серая личинка,

Что не может разродиться.

*Ты морщишься от кислоты лаима

После шестой теккилы в кабаке.

*Или ты заговариваешь зубы старику - рыбаку

На красных «жигулях»,

Которого ты застопил где - то недалеко

От казахстанской границы.

*Нет, ты ступаешь за порог гостиничного номера

В Перми,

И глаза режет от белизны биде.

Черт, теперь не можешь разродиться ты.

Ты даже не разворачиваешь халаты и не пользуешься одноразовыми тапочками:

Первое - тебе жалко труд горничных,

Потому что ты отгорбатил в сфере обслуживания пятую часть своей жизни.

Второе - нерешительность в отношении предметов роскоши,

Взрощенная в тебе провинцией.

И вовсе это не предмет роскоши, но ты еле дышишь, выбирая

Одно из представленных шести полотенец

Для себя и извлекаешь выбранное из стопки аккуратно, так, чтобы не потревожить царящий кругом порядок.

*Или смотри, ты едешь в московском метро из Домодедово на какой - то из

Несчетного количества вокзалов.

Пот течет со лба.

Горит вся центральная Россия.

Руки, вытянутые перед тобой першат из-за дыма.

*На площади трех вокзалов

Ты продолжаешь слушать тишину,

Наблюдая, как клюет асфальт уделанный какой - то пакостью парень .

*Давай так, следишь за сгорающим газом на кончике мизинчиковой трубы

В поселке Свободный на окраине Астрахани.

*Ты закончил Гимназию номер один Усть-Илимска Иркутской области.

Ты идешь навестить преподавателей

И слушаешь пустоту между их верхней и нижней челюстями. (Ах какое наслаждение слышать тишину!

Сегодня я размышлял о происхождении слова «сквозняк»,

Оно от слова «сквозь»

«Сквозь» рифмуется с «вскользь»

Да здравствуют тишина и полозья,

Режущие пространство вокруг,

Они должны быть очень острыми,

Должно быть они, правда, остры,

Не оставляя ни одного заусенца,

Ты выдуваешь личинок.)

*И глядишь , как птицы с соседней голубятни налету выхватывают у тебя изо рта

Насекомых,

И между зубов твоих остается лишь небо,

Оно глотает голубей.

Ты в велюровом зеленом кресле

Грешь свои кости на мартовском солнце,

И, сжимая чернозем , пропуская сквозь пальцы землю и оставляя ее под ногтями,

Бредишь одним из своих проявлений.

Оно на твоих глазах

Цедит в руках утренний свет, улыбается липам,

Ступает в твоё видение,

Забирается на огромную гору и, став достаточно тонким, чтобы походить на решето ,

Вдыхает выдуваемых тобой личинок

И на ветру рассыпается

Нежным журчаньем песка,

Чтобы долетев до крайней точки,

Раствориться в толпе тайландского рынка.

Анна Гречко

МОЛЕКУЛА НЕБА

небо состоит из парных молекул. ну, вот взять, к примеру, нас с тобой. не сейчас, а тогда - когда мы были молекулой неба. помнишь то ощущение, когда у тебя прорастают крылья? странное такое ощущение... как будто внутри что-то очень тёплое и родное начинает шевелиться, а тебе так щекотно, что ты всё время лыбишься, как дурак. а иногда и вообще ржать без видимого повода начинаешь. это пух у них (крыльев) такой щекотный. и вот когда они подрастут и окрепнут, ты вдруг видишь наш шарик сверху - маленький такой и... понятный что ли... и ясно становится, что и как там устроено. сейчас-то я и не помню уже, а тогда точно знала, что и как. это потому что мы были молекулой неба. а помнишь, как мы с тобой разлепиться не могли? знаешь почему? да потому, дурья башка, что крылья-то одни на двоих! и чтобы там (в небе) удержаться, надо чтобы всё было вместе - губы, руки, глаза и... ну ты знаешь, что ещё. вообще надо не размыкать. а мы разомкнули. вот хрена ты глаза тогда отвёл? да знаю я, что не мог в мои смотреть, потому что врал, знаю. я и сама хороша - не бросилась твой взгляд ускользающий догонять. обиделась потому что. и мы сверзились. или... как там... низверглись. на одном крыле не удержишься. и вот знаешь, что я подумала? что мы его (небо) маленечко разрушили, когда выпали... а прикинь, сколько ещё молекул выпадает? и небо падает! постоянно падает! плачет и падает, падает, падает! блин, ведь новые крылья хрен отрастишь - они через рубцы от прежних чертовски трудно пробиваются. а тут ещё спад рождаемости - молодняка, который легко первые крылья растит, меньше, чем нас, выпавших. вот и получается, что мы реально движемся к тому, что оно совсем упадёт! совсем, понимаешь? а если понимаешь, то очень тебя прошу, когда у тебя снова пушок под ложечкой зашевелится, не ври больше, хорошо? в смысле, всяким разным людям - это как знаешь. но той, с которой у тебя крылья общие, не ври. и я не буду.

ЛУННАЯ ДЕВОЧКА

запрокинет голову, гадая
по застывшей зеркалом луне.
бросятся от ветра-разгильдяя
врассыпную кудри по спине.

маленькая, рыжая, смешная...
восемнадцать? двадцать? двадцать два?
вот стоит, пока ещё не зная,
как опасны лунные слова,

лунный шёпот, впрыснувший под кожу
странную тоску и благодать.
я ведь тоже, девочка, я тоже
не смогла когда-то устоять.

что ж, прими от матери Селены
в кровь свою ионы серебра,
чтоб, достигнув края ойкумены,
танцевать на кончике пера.

НЕЧТО

«ты меня хоть изредка вспоминаешь?»
нет, конечно.

разве что...

иногда -

если вдруг коснутся печальных клавиш
чьи-то пальцы тонкие,

и вода

как-то неожиданно тронет веки.

толком ничего не успев понять,

проворчу под нос, осушая реки:

«что ещё за глупости, твою мать?»

или кто нечаянно плюнет в душу -

просто так. от боли и маяты.

можно бы, конечно, его не слушать,

только он потерян.

совсем как ты...

или если ветер из Приднестровья

мимолётно выдохнет дух степей...

или вдруг из строчек чужих любовью

засквозит...

тогда вот - хоть сутки пей! -

всколыхнётся Нечто в надёжной клетке,

заскребёт царапками, заскулит...

Нечту много ль надот пять грамм в пипетке,

каплю правды в сухость скупой земли...

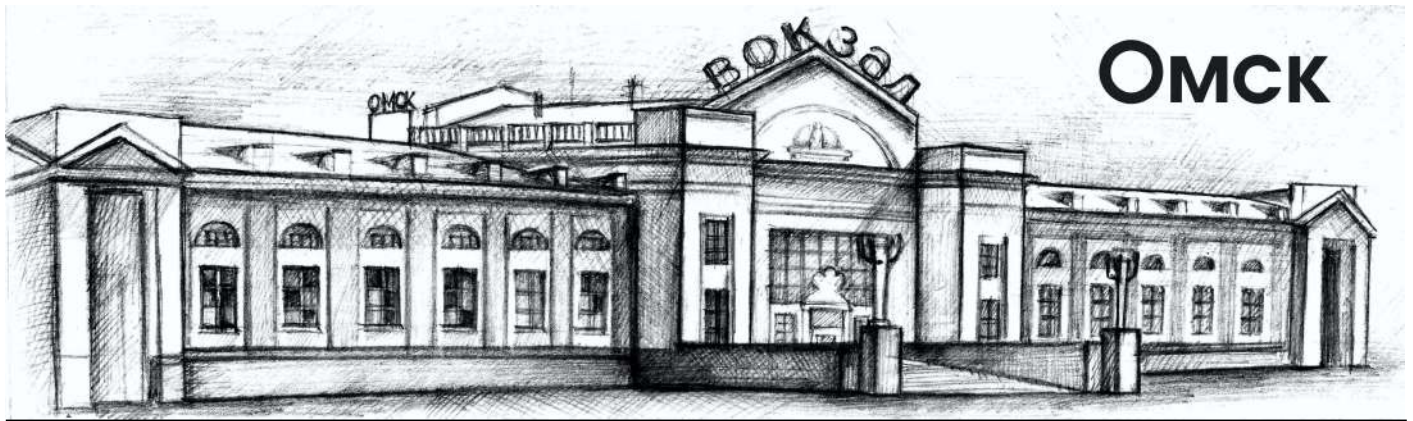
но когда зверёк этот неуёмный

мне грудину выскоблит до кости,

я скажу уверенно, что не помню.

слишком больно помнить тебя.

прости.

Вячеслав Омский

Барыбов Вячеслав Васильевич, родился в 1942 году. Образование высшее медицинское и высшее юридическое. Пишу стихи и рассказы. Печатался в районных и областных газетах, в журнале «Виктория» (Омск), в альманахе «Новый Енисейский литератор» (Красноярск), изданиях группы «Интеллигент»

Изданы книги: «Из века в век» (2007г.), «Поэт» (2008 г.), «Капли» (2010г.). В настоящее время - заместитель главного редактора Международной медийной группы «Интеллигент»

Как часто в жизни нам неясно,
как быть? Что делать? Где наш путь?
Чтоб сделать выбор не напрасно.
Чтоб не напрасно повернуть.

Чтоб жизнь была, чтоб кровь кипела
запомни ты один завет:
работа мысли, духа, тела,
на все вопросы даст ответ!..

Жаркое лето 2010 года

Как беззакония закон,
Неотвратимая громада,
Как огнедышащий дракон
На всех семи ступенях ада,
Катил, как смерч, девятый вал -
Дитя гигантского разбоя,
Огонь на город наступал,
Как чей-то гнев, ревя и воя...

Ряд Фибоначчи

От мысли гения счастливой,
От взгляда острого не скрылся,
Холодных чисел ряд унылый
Вдруг ясным светом озарился,
Из тайны сумрачной, бескрылой
В основу жизни превратился...

Любовь поэта

Хава нагила. Дни и ночи
Летят амуры с васильками.
Дороги длинные короче,
Где всё заполнено сердцами.

Резонов тьма у божьей твари.
Застал нас трепет в ясной сини.
Была ты скрипкой Страдивари,
А я - Никколо Паганини...

Мужество

Лицо твоё мужеством схвачено,
В глазах твоих гордость и смех,
Судьбою твоею назначено
Стоять одному против всех.

Совесь ищет отважного,
В доблести видит успех.
Родина есть у каждого,
Отечество - не у всех...

Из чего рождаются стихи?!

«Стихи мои, грехи мои святые...»
А. Кутилов

Из чего рождаются стихи?
Думаю, порой не знаем сами,
Но стихи, конечно, не грехи,
То, что свято, не зовут грехами!..

Из чего рождаются? Да вот,
Всё, что здесь лежит под сапогами,
Из земли. Из думы наперёд,
Что же завтра? Что же будет с нами?

Часто в теме ходят облака,
В теме часто милые улыбки,
Гонит ветер пыль издалека,
А в тетради школьные ошибки.

Жанна Д, Арк, и Цезарь, и Платон,
С ними тоже можем мы сдружиться.
Любопытны Кромвель и Атон,
И случайно могут пригодиться.

Из чего рождаются, вопрос?
Из забот, из глупости и лени,
Из того, что тащит жизнь в разнос,
И порою ставит на колени.

Из волнений, трепета и слёз,
Из простых душевных катаклизмов,
Из больших и малых летних гроз,
Из зачем-то выдуманных «измов».

Из забытых судеб и мечты,
Из звезды далёкого далёка,
Из того, что есть на свете ты,
Молода, красива, одинока.

Копит солнце пятна и штрихи,
И на сердце как-то вьюга злее,
А когда приходят в дом стихи,
Мир жестокий чуточку добрее...

Поэт и смерть

Лёгким ветерком и звуком нежным
Мир сузился до малой точки “я”.
Саваном накрыло белоснежным,
Я оставлял пространство бытия...

По краю искры пролетели где-то,
Сковал железо непомерный страх,
Я вспомнил вдруг, уже я видел это:
Так бунтари горели на кострах...

Мир не умрёт, пока живут поэты,
Века хранят счастливые сонеты.

“Очарованный” кварк

Господь поужинать решил на седмицу,
Замешкался, как кто его позвал,
Учёный муж в бульоне выловил частицу
И кварком “очарованным” назвал...

Поэт

«Я вижу звук и тишину...»
А. Кутилов

Ты жарких пушкинских кровей,
Хотя в тебе ни грамма барства.
Ты не потомок королей,
В иных краях имел бы царства...

Ты видел звук и тишину.
Отдал полжизни антимииру.
Над злом коварным в вышину,
Как крест святой, ты поднял лиру!

Афоризм

“Во славу стихотворческой науки
о чистоте родного языка
все наши помыслы и муки...”

«Не сотвори себе кумира,
не укради и не убей...»
Забыто всё, и только лира
Стоит на страже тех идей.

Течёт неслышно время в Лету,
Снимает спелые плоды.
Ярмо эпохи - дань поэту,
Рисует тяжкие труды...

Облака

Вы холодны и горделивы,
Я, вам признаться, сердцем рад,
Вы помрачительно красивы
В среде своих небесных стад.
Вы с равнодушным постоянством,
Свои меняете черты.
Несёт над бездной и пространством
Вас демон вечной красоты.

Вам непонятна боль земная,
Судьбы уколы вам не впрок,
Не брали вы уроки рая,
Любовь и счастье невдомёк.

Вас, покоряющих все дали,
Воздушных, томных, наконец,
Для созерцанья и печали,
Наверно, выдумал Творец!..

Санкт-Петербург

Ермошкина Марина

Живу в Петербурге. По профессии экскурсовод.

Окончила Высшие Литературные курсы.

Имею публикации во многих литературных альманахах и антологиях:

«Зелёная среда», «Невский альманах», «Синь апельсина», «Гармония», «Царское Село», «Окно», «Параллели судеб», «Встречи», «Дорога», «Голоса поэтов Петербурга», «Девятнадцать в одном», «Высокая поэзия Россия», «Медный всадник», «Поэтический форум», «Созвездие катренов», «Окно в мир поэзии», «Чувства без границ» и др.

Автор сборников поэзии : «Ожерелье любви», «Траектория притяжения», «Серебряная нежность», «Городская птица», « Качается фонарик, как звезда», «Прогулка», «Вышивая японским узором», «Солнца рассыпушки» (в соавторстве с Л. Егоровой и Н. Ораевской).

Побеждала на фестивалях «Православная Русь», «Елагин остров-цветок в петлице Петербурга», на конкурсах одного стихотворения и др.

Март. Предвестье

Март! Вышло солнце.
 Льды блестят фатовато.
 Праздник весенний.
 Всюду снег голубеет.
 Ветер мысли повывул.
 Небо просторно.
 Вольно плывут облака.
 Синь бесконечна.
 Сжал мне любимый ладонь,
 Голос струится родной.
 Зимняя птица,
 Снегирь - на ветке расцвёл
 Яблоком красным.
 Глупый, не понял ещё,
 Скоро грачи прилетят.
 Прыг! Воробей вдруг
 Чирикнул: "Эй, Петербург!"
 Люди на Невском
 Веселей побежали.
 Лица не так их бледны.
 Счастья предвестье.
 Нежна акварель весны.
 Сердце трепещет.

Апрель. Музыка весны

Свирелью Леля
 Звонко апрель зазвучал.
 Музыка неба.
 Пролилась птичьим гамом,
 Поплыла облаками.
 Ветви деревьев
 Вверх ладони подняли -
 Почками к солнцу.
 Птиц галдёж радостен вновь:
 - Дома мы, дома! Фьюить!
 Вспыхнул подснежник.
 Полон скворечник птенцов.
 Воды бормочут.
 Льдов рафинад подвижен
 Меж берегами реки.
 Вылезло солнце,
 К людям лояльно вполне -
 Грейся, народец!
 Светлеют лица у взрослых.
 Дети смеются чаще.
 Холод истаял.
 Скоро будем купаться.
 Нежен пух ветра.

Май. Преображенье

Благоуханье!
 Аромат с вишен плывёт -
 Чуден сад райский.
 Тайная сила земли
 В красках преображенья!
 Волны вздувая,
 Ветер пишет узоры
 Яркостью моря.
 Розовых скал тишина.
 Берег сиренев и дик.

- Пост нами занят! -
 Аисты прокричали.
 - Ждите детишек!
 Глаз твоих изумруды
 Озорно заблестели.
 Радость простая
 Плещется неба теплом,
 Солнца лучами.
 Старики греют лица,
 Шамкают смешно ртами.
 Дети гоняют
 Кораблики из мечты
 В лужах-озёрах.

Как во сне...

Было или не было?
 Как во сне...
 Может, и привиделось это мне.
 Улицы оттаяли, с крыш текло,
 Синих луж сияние, губ тепло.
 Я щекой касалась твоих ресниц,
 Ухали сосульки, как с горки, вниз...
 Ты шептал: "Влюбился я, нужен врач!"
 Прилетал приятелем важный грач.
 Плыли верблюжатами облака...
 На ладонях нежилась твоя рука...
 Было или не было?
 Как во сне!
 Может, снова свидимся по весне?

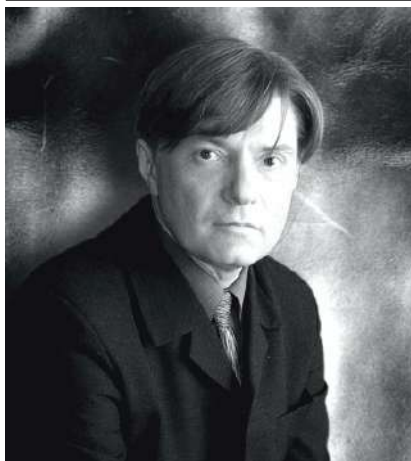
* * *

Природы благодатной пробужденье
 Не укротить,
 не обуздать,
 не устеречь...

Над сочной фиолетовой сиренью
 Каштаны зажигают сотни свеч.
 Тюльпаны раскрывают на заре
 Цветков упругих влажные бутоны,
 И пламенеют ярко на земле,
 Ещё вчера -
 стыдливо обнажённой

Ледоход

Весна платок зелёный
 Повесила на сук.
 Ах, ей определённо
 Сегодня недосуг.
 Ломает речку шумно
 Бродяга-ледоход,
 И ветреной плясунье
 Не до других забот.
 Осинový, рябиновый
 Волнуется народ,
 Шатёр аквамариновый
 Раскинул неба свод.
 Крошатся,
 мчатся
 льдины,
 И весел их полёт,
 И, кажется,
 по синему
 Рафинад плывёт.
 Ломает речку шумно
 Бродяга-ледоход,
 И ветреной плясунье
 Не до других забот.
 Она платок зелёный
 Повесила на сук,
 И ей определённо
 Сегодня недосуг.

Алексеев Павел

Алексеев Павел. Родился в 1959 г. в г. Баку в семье морского офицера-пограничника и матери-врача. Окончил в Ленинграде 239 школу с углублённым изучением физики и математики (школа несколько раз признавалась лучшей в мире). Затем в 1982 г. окончил ЛМИ (Военмех). Далее работал в НИИ, затем на кафедре в Военмехе. Одновременно закончил режиссёрские курсы при ЛДМСТ у проф. Кацмана А.И. Затем работал в различных ведущих компаниях на должности коммерческого директора. В 2007 году в издательстве «Геликон плюс» вышла его первая книга «В поисках чуда», а в 2011 «Непричастные» в «Издательстве Союза Писателей Санкт-Петербурга», сейчас выходит «Среди сломанных копий».

Печатается в журналах «Аврора», «КЛАУЗУРА», «Под небом единым», «Берег Питера», «Царскосельская лира». Альманахи: «Северное Измерение», «Петрадр», «Согласование времён» (Германия).

Член Союза Писателей Санкт-Петербурга и Литературного Фонда России.

Живу

Живу в бумажной комнате. На большее не хватает средств. Но ей нравится. Она порхает в дверь, улетает. Потом появляется вновь.

Моя муза.

Она смеётся. Ей не нужны мои деньги. Ей хорошо и так.

Иногда ухожу на работу. Но всегда возвращаюсь к ней.

А вчера я вернулся к пепелищу.

Говорят, что она забыла выключить утюг.

Сгорел весь мой бумажный мир.

Катастрофа.

Как я безо всего?

Оглядываюсь. Она стоит в сторонке и улыбается.

- Крохобор, - читаю по её смеющимся губам.

Опыты

Он неловко разделся. Остался в обвисших трусах. Потом залез неторопливо на невысокий стул. Раскинул руки в стороны. Уронил голову на чашлую грудь, прикрыл глаза, которые стали удивительно грустными и кроткими, и застыл.

Минут двадцать стоял он совершенно недвижно.

Потом слез и со словами:

- Надо всё узнать самому, - сел писать книгу про Иисуса Христа.

Орудие

Меня вырвали из круга таких же, как я. Камней. И кинули в грешницу.

Удар. Боль. Падение.

Мы лежим рядом. Я и Она.

Одинокие.

Вырванные.

Вырванные людьми

Дворник

Наступило нежное прозрачное утро. Казалось, что облака свалены в одну большую кучу и никак не могут разбежаться по миру. Светило солнце, спокойно и радостно.

Повидавший виды смотритель поправил свои редкие золотистые волосы по крупной лысоватой голове перед старым массивным зеркалом и, оставшись довольным произведённым осмотром, вышел на просторный двор, мурлыча какую-то бодрую песенку. И его благодушное настроение тут же испортилось.

- Ты посмотри на себя! - вскричал он в праведном гневе, - опять ты чумазый хватаешь грязными лапищами чудесный товар. Хотя бы вымылся сначала. Какую красоту ему доверяют, а он?

Огромный детина сидел на земле под прожигающим взором, сторбившись, и валял что-то белоснежное своими узловатыми руками.

- За твои деяния тебя бы в ад отправить надо, а ты здесь прохлаждаешься! Непыльную работёнку себе отхватил. И за что тебя только хозяин и любит?!

По лицу дворового человека текла одинокая слеза. Он шмыгнул носом и вытер её тыльной стороной руки, продолжая упорно трудиться.

- Ну что? Не слышишь? Я к тебе обращаюсь! - начал по новой заслуженный старец, глядя в массивную согбенную спину. - В негомо играешь?

Герасим выпустил небольшое облако из рук. И оно неторопливо поплыло по своду небес. А он стал провожать его пристальным взглядом.

- Смотри! - вскричал мальчик, указывая в небо. - Вот то облачко похоже на собачку. Ну ту, что дядя Герасим утопил. Гляди, ещё одна...

В небе плыли облака одно за другим, похожие на шустрых дворняжек или спаниелей. Они, казалось, играли друг с другом, резвились...

Герасим опять вспоминал Муму.

Алексей Веселов

Родился в 1983 году в г. Ленинграде, в настоящее время проживает в г. Санкт-Петербурге. Занимается живописью, работает в области дизайна. Статьи об интерьере и архитектуре публиковались в газете Московского района, журналах «Адреса Петербурга», «Загородное обозрение», «Мир и дом», на интернет-портале «Про Недвижимость». Стихи пишет с 1994 года.

Стихи опубликованы в альманахе «Дирижабль», журнале «Зинзивер»; сборнике «Петербургская поэтическая формация»; в антологии одного стихотворения «В поисках утраченного я»; в третьем томе антологии «Собрание сочинений»; в интернет-изданиях «45-я параллель», «Артбухта», «Красный Серафим», «Лампа и дымоход», «Ликбез», «Новая литература», «Окно», «Подлинник», «Пролог». Участник XIX Фестиваля свободного стиха. Был участником клуба поэтического перевода с немецкого языка (при Центре русско-немецких встреч), переводил произведения Кристиана Моргенштерна. Регулярно принимает участие в крупных литературных конкурсах, таких как «Акупунктура миниатюры», «Согласование времён» и других.

Из пещеры дождя
В солнечные лапы
Плывёт
Летний день.

Жаркий день.
В памяти перебираю
Имена растений.
Что делать ещё?

Ответ
На незаданный вопрос
В поле
Чибиса крик.

НА ОЗЕРЕ

Тень жёлтого листа
Утонула
В чёрной воде.

Слушает осень.
Яблоня
Припала к земле.

МОЙ СТАРЫЙ ДОМ РАЗРУШЕН, А
НА ЕГО МЕСТЕ НОВЫЕ ХОЗЯЕВА
ПОСТРОИЛИ ДРУГОЙ. ВЫРУБИЛИ
ОГРОМНЫЙ СТАРЫЙ КЛЁН И
ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ КУСТ СИРЕНИ.

Без дома старого
Пригорка новый вид
Лет десять не могу
Пристроить в сердце.

В жаркий полдень.
Скользнёт за окном
Тень большой птицы.
Вновь всё тихо.

В сумерках
Бочка с водой
Ждёт луну.

Лето
В кармане чьего-то пальто:
В августе серая туча -
.....
До сентября.

Зазвенел и затих
Кузнечик в августе.

КОНЕЦ ЛЕТА

Хоть день ушёл
Остался вопрос
К серой туче:
«Почему так скоро?»

Сама себе снится
Старая липа
Посреди поля.

АВГУСТ

Утренний туман.
В холодную даль
Яблони бредут
С костылями.

Прячутся
Белые грибы
В колее дороги.

Утром
Стучат и стучат
Птицы в стекло.

Юлия Рудомазина

Родилась и почти всю жизнь живёт в Ленинграде/Санкт-Петербурге. Неоднократно публиковалась в изданиях «Интеллигента» и дружественных изданиях.

Основное направление в творчестве - верлибр, как вид поэзии, относительно свободный от давления формы.

Бессменный вебмастер сайтов (а их сменилось уже три) проекта «Интеллигент». Главный редактор Международной медийной группы «Интеллигент».

Поэма о девочке Джинни

Часть I «Море, Солнце, Песок и Дождь»

1. Калейдоскоп

Девочка Джинни смотрит на мир
 Во все свои пока ещё детские глаза
 Картинки мелькают
 От одной к другой
 Как психоделический
 Калейдоскоп
 От нелепо больших
 Кем-то оставленных
 Туфель.
 Игрушек
 Чьих-то ног
 Взрослых
 Родительских рук
 От первых замеченных
 Переключений
 Света и тени
 Дней и ночей
 Зимы
 И такого
 Долгого-долгого лета
 От первых слёз
 Вселенской обиды
 Несправедливости
 Злого мира
 И все злые
 Злые
 Злые!
 От первых радостей
 Праздников
 Блестящих шариков
 (Смотри, не разбей!)
 Запаха ёлки
 Мандариновых снов
 Ожидания чуда
 Подарков
 И таких особенных
 Дней Рождения.
 К нам придут гости!
 Мимо сотен и тысяч
 Таких разных
 Одинаковых дней
 Картинки бегут
 От одной к другой
 К первым правилам
 Первой ответственности
 (Завтра будет контрольная!)
 К таким одинаковым разным дням:
 Рано вставать
 Первый урок
 Второй урок
 Физкультура по расписанию
 К первым слезам
 Вселенской обиде
 Несправедливости:

Венди не пригласила
 Меня на вечеринку,
 А Томми вообще не хочет
 Туда идти,
 Но родители меня туда не пускают!
 Мир жесток
 Вы все злые!
 Я вас всех ненавижу!
 Папа, дай денег
 Мы с Томми и Венди пойдём в кино.
 К первым радостям
 Нетерпению
 Предвкушению чуда
 (Другого)
 В полумраке школьной столовой,
 Что на один вечер стала
 Средоточием
 Мировых новостей
 Интриг
 И неокрепших гормонов
 К первым неловким
 Попыткам поймать
 Ритм музыки,
 Оттоптанном ногам
 К прикосновениям
 Ещё, вроде, не взрослых,
 Но совсем не родительских рук
 К первым ночам
 К бессонным ночам
 Надеждам, обидам,
 Ошибкам и страхам,
 И снова надеждам.
 Которые теперь не исчезнут
 Не сотрутся
 Останутся
 Ещё одной
 Зарубкой в сознании.
 К первым...
 Вторым, третьим, сто пятым...
 Причудным картинам
 В калейдоскопе,
 Меняющимся всё быстрее и быстрее
 От одной
 К другой.
 Девочка Джинни смотрит на мир
 На размытые пятна,
 Затертые временем,
 На цветные картинки,
 Запахи, звуки,
 Ставшие памятью.
 Навсегда.
 Калейдоскоп крутится
 Джинни делает шаг
 Джинни идёт жить.

2. Мама и Папы

Вы когда-нибудь видели море?
 Летнее, детское море.
 Изгибистый
 Теплый
 Чистый
 Искристый
 Залив.
 На его берегу живут добрые Мама и Папы
 В просторных и светлых домах,
 Где всегда так вкусно пахнет
 Блинчиками и клубничным вареньем.
 На его берегу лежит песок, прогретый
 Каждодневным неисчерпаемым солнцем.
 А море выносит красивые ракушки,
 Шлифует красивые камушки.
 На его берегу растёт настоящий
 Океан дремучих трав,
 Где живут жучки, стрекозки и гусенички,
 Юркие мышки и паучки, весёлые птички,
 Любимая музыка - стрекот кузнечиков.
 На этом берегу так приятно быть маленьким
 С большими-большими маленькими заботами:
 Песок забился в сандалик,
 Потерялся самый красивый камушек
 (Такой гладенький, а, если намочить, - почти
 прозрачный),
 Приятель-мальчишка наступил на песочный замок
 (Или то, что по замыслу должно было быть таковым).
 Заботами, с которыми так легко справиться
 Сильные Мама и Папы:
 Нет ничего, что невозможно решить
 Чашкой какао и пирогом,
 Мороженым и лимонадом,
 Обещанием взять с собой далеко-далеко на карусели.
 А дурного мальчишку не брать никуда-никогда.
 На том берегу любые невзгоды по плечу
 Заботливым Мамам и Папам -
 Можно вернуться к своим
 Пока ещё детским
 Пока ещё играм
 Пока ещё лето
 Пока ещё солнце
 И всё это весело.

3. Детские игры (всё ещё)

Дети собрались в круг
Шепчутся
Чертят на земле квадратики
Раскладывают камушки
Бросают шарики
Дерутся на палочках
Тыкают друг в друга пальчиками
Закрывают ладонями лицо
И, считая до десяти,
Смотрят на то, как крутится мир
Во все свои детские глаза.
Видят себя,
Какими они когда-нибудь будут...

(Девять, десять)
Глаза раскрыты:
Надежда
Любовь
Ладан, мята
Блюдце, полное секретов
И прочая бессмыслица
Ждут их
Впереди...

Пока на земляничном поле
Не прозвонит будильник -
Тогда наступит вечер
Вечер длинного дня

Дети шумят,
Дети торопятся
Спешат
В следующий
День

Вечер - время заканчивать игры
Время идти домой.

Игрушки все собраны
Пустеют песочницы и качели.
Завтра здесь снова
Будут
Играть
А сейчас
Дети уходят...

Уходят малыши
С совочками-куличиками.
Уходят ковбой и мушкетеры
С палками-шпагами-и-пистолетами.
Уходят серьёзные большие:
У них из игр есть (они так говорят) «бутылочка»,
И есть (мы им верим) бутылка.
Уходят девочки, которым рано
Уходят мальчики, которые не решились...

Дети ушли, до того, как стемнело,
И берег почти опустел.
Остались редкие голоса и звуки гитары.
Остались...

Здесь детей больше нет

4. На закате

На закате
Так тихо,
Что слышно
Каждый смешок
Неуместную реплику
Скабрзную шутку...

Хорошо, что быстро темнеет:
В алых лучах,
Заходящих за Землю
Не видно
Краснеющих
Щёк и ушей
Стыд уже не заботит

На закате
Пальцы плетутся
По струнам.

Звук
Разлетается
По-над затухшим заливом

Неспешная
Мелодия
Почти забытой песни
Сплетается
С шумом прибора
С тёмной водой,
В которую
Так хочется
Прыгнуть...

Сумерки
Свет иссякает

Мягко
Звучит гитара
Неярко
Потрескивает костер

Уже не видно,
Не будет никто замечать,
Смелеющих взглядов
Чуть нервных улыбок...
Ладони в ладони...
И, пока неокрепший,
Немного неловкий,
Вполне, впрочем, страстный
Да, поцелуй...

Песня кончается
Кто помнит слова,
Знают
Да и те, кто не помнит,
Поняли,
Что она о любви,
О конце лета,
Об обещаниях,
Обречённых не сбыться.

Но сумерки -
Время фантазий
В сумерках
Очень просто мечтать...

Помечтай немного
Со мной

Помечтай обо мне.

4. Джинни мечтает

Джинни мечтает
 Каждый вечер
 А ночью
 В каждом сне она видит
 Что-то из известных ей с детства сказок
 О прекрасных принцах и дамах
 Благородных юношах
 На кораблях под парусами
 Из ниоткуда
 Взвзвизывая
 Больших и смешных любовях.
 Кое-что из прочитанных книг,
 Где автор-мужчина
 Ничуть не стесняясь, пишет
 О чувствах
 О чувственности
 Женщин тоже
 Щедро сыплет словами «любовники»,
 «лоно», «соитие»,
 Так обыденно...
 Разные образы,
 Подсмотренные
 Почти украдкой
 В полузапретных журналах и фильмах
 Где можно взглянуть
 На так тщательно оберегаемое
 От всех «приличных» и «невинных»
 Глаз.
 Подсознание всё изрежет
 Раздробит
 Перемелет
 Разотрёт
 Перемешает
 И соберет
 В яркую
 Причудливую конструкцию
 Жгучего сновидения,
 После которого
 Пробуждение мучительно
 И тягучее тянущее ощущение
 Пронзает, кажется, само мироздание.
 Сознание, так и не отдохнувшее,
 Утомлённое даже,
 Пытается включить пережитое за ночь
 В реальность
 Понять, как это сможет быть на самом деле,
 В этой действительности, куда теперь надо идти,
 Где за пределами
 Уютного мира
 Из одеяла, подушек и темноты
 Непременно, всегда ходит он,
 Кого так просто
 И страшно
 И жизненно необходимо
 Поместить на почти безликое место
 В вечерних мыслях
 В ночных фантазиях.

6. One Night
In White Satin

Ночь ляжет белым
 Сатиновым покрывалом
 Накроет их
 Разоблачённые тела
 В каплях
 Грейпфрутового
 Пота
 Отражается луна
 Или фонари -
 Не имеет значения
 Для красоты
 Моменты
 Воздух атласный
 Густой и горячий
 Не успеет остыть
 До того
 Как далеко над водой
 Появятся первые
 Блики рассвета

7. Ящик Пандоры

Рассвет бликами
 Растекается над морем
 Заливается в окна
 Танцует на потолке
 Тревожит примятые простыни.
 До утра ещё далеко, но
 Джинни не спит
 Её сны остались
 Где-то
 В прошедшем
 Вечере.
 Тот, кто был в них,
 Сейчас дремлет вот тут
 На соседней подушке
 И всё, что в них было,
 Теперь - в тёплом воздухе
 Этой ночи,
 В белых складках
 Этой постели.
 И всё, что вырвалось,
 Что было выпущено
 Из вожделенного
 Ящика
 Коварной Пандоры,
 Уже не спрятать обратно
 Не запечатать
 Как джинна в бутылку
 Никогда теперь не избавиться
 От нестерпимого
 От непреодолимого
 Неистребимого
 Как назойливое жужжание...

8. Солнце

Отважный Гелиос разбудил коней
И вывел колесницу,
Вновь принося в мир цвет,
Убирая холодный морок ночи,
И всё то, что для нас - лишь иллюзия
Сон,
Унося ту частичку волшебства,
Отвергаемую нами с приходом дня
И Солнца.

Солнце -
Беспощадное
Дитя
Божественной Астрономии,
Создающей беспристрастное
Движение планет
Законы Дня и Ночи
И бега времени.

Солнце
Раскроет объятия
Принесёт
Такое нужное всем
Тепло.
Цветы
Повернутся к нему
Жадно
Хватая
Лучи.
Листья
Зальются
Зеленью,
Глотая свет,
Что ласково
Дарит нам
Солнце.

Раскалённое
Жгучее
Солнце
Испарит
Остатки капель
Нежной
Утренней росы
Превратит
Постель -
В горячий песок
Любовь - в пот
Поэтику тел -
В некрасивый
Прозаический акт.

Коварное Солнце
Не знает усталости
И те, кто ещё утром
Просил
О тепле
И о свете,
Теперь ищут укрытия
И утоления
Жажды.
Хоть глотка
Влаги,
Хоть призрачной
Тени.
Ждут
С нетерпением
Смены
Марева дня,
Прохладной
Магией
Ночи.

9. И дождь пойдёт

Неутомимое солнце
Слепит
Отражаясь в воде
Прибрежный песок
Горячо и приятно
Обжигает
Босые ноги

Простор
Летит
Над водной гладью
До бесконечно
Далёкого
Горизонта

Полный
Понятного символизма

* * *

Тихо
Ветер не шелохнёт
Ни листа
Ни цветка
Ни травинки

Девушка
Совсем молодая
Сплела их в венок
Надела на голову

Танцует
На берегу
В свободном платье
Босиком

Переставляет ноги
Переплетает руки
Раскачивает бёдра
Всё тело
Как под дудочку факира
Крутит невидимый
Хула-хуп

Под только ей известную
Мелодию
Под песню
Только ей слышимую

* * *

Так любите ж друг друга
Любите всех

Люби людей
Люби животных и птиц
Люби всю Землю
Люби до последней
былинки
Люби до последней
букашки
Люби весь мир
Люби до последнего...

Люби мужчину
Люби другого
Люби женщину
Любви не бывает много

Любовь
Как её не понимай
Лучше войны
Цветы - лучше ружей

Люби, Дитя
Люби любовь
Не ведай зла

Люби это солнце
Люби это море
Люби песок под своими
Босыми
Ногами...

* * *

Говорят
Перед бурей
Бывает затишье
Когда замирает всё
Ожидая...

Первой капли
Которая всё изменит

И дождь пойдёт...

10. Have You Ever Seen The Rain?

Вы же видели, как дождь
Ломает солнечный день?

От чего зависит
Принесёт он
Долгожданную свежесть
Воздух
Обновление
Новые чаяния
Или
Холод
Фрустрацию
Крах иллюзий
Библейское осуждение?

Когда хлынет дождь
Ты продолжишь
Танец
Будешь ловить
Руками
Капли воды
В промокшем насквозь
Прилипшем
К телу
Платье
Влюблённая
Во всех и всё
И в дождь и в море
И в мокрый песок
Под босыми ногами

Когда хлынет дождь
Ты будешь бежать
В промокшем насквозь
Прилипшем
К телу...
Будешь искать
Укрытие
От холодных капель
От тяжёлого песка
Налипшего
На ноги

* * *

Джинни
С её волос стекает вода
Джинни смотрит на море

Берег пустеет -
Все разбежались
Прочь от дождя
Только одна фигура

Танцует
И чем ливень сильнее,
Тем больше страсти в движениях

Воздух свеж так
Что не надыхаться
И в воздухе слышен
Звонкий
Ситар

Звук нарастает
Ситар
Гитара
Музыка...
Из неспешной
Едва различимой
Берёт верх.
Аккорд за аккордом
Струна за струною
Пляж наполняет музыка
Мир наполняет
Музыка
Музыка!

И вот уже две
Фигуры танцуют
Три
Десять
Много
Танцующих пар
В мокрой одежде
Одежда - помеха
Чистому танцу
Вселенской Любви

Берег ей будет ложем
Дождь - покрывалом
Музыка - Музыкой
Богом - этот момент

* * *

Джинни
Смотрит на пляж
Она понимает
Что любовь
Не спасёт от дождя
Цветок - не спасёт
От войны
Музыка - всегда будет музыкой

Калейдоскоп крутится
Шар вертится

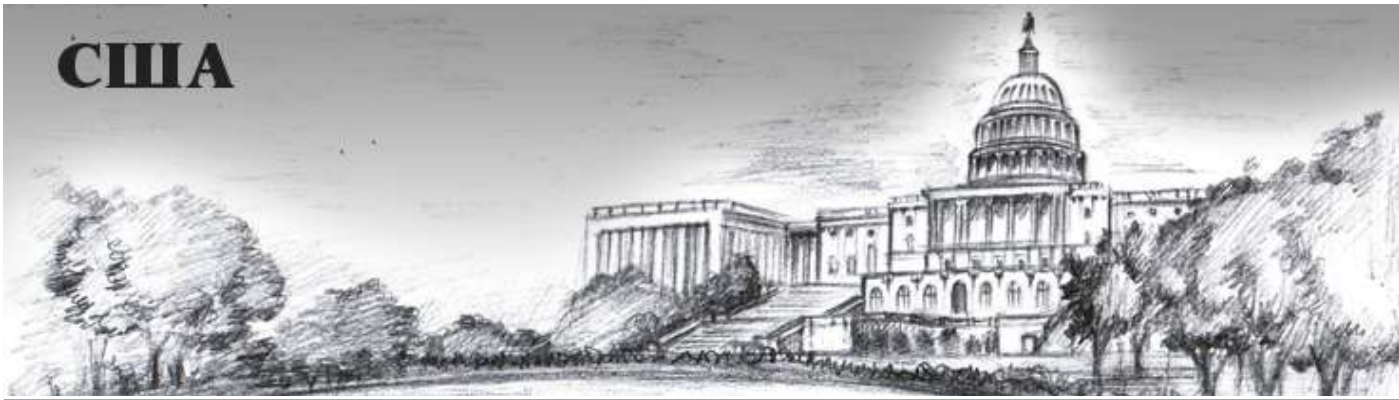
Джинни делает шаг
Джинни идёт жить

Позади остаётся
Залив, берег, пляж
Ситар
Гитара
Вселенская
Всех-и-ко-всем
Большая Любовь
Цветы и Дети

Только след
На размокшем песке
Здесь помнит о Джинни

У неё
Ещё много следов
Ещё много дождей
Впереди...

США

Три сестрицы под моим окном

Никому не верьте, ни единому слову. Почему-то лето во Флориде считается самым паршивым сезоном в году. По кочану, да по капусте! Жара!

Сезон дождей! Нет денег! У соседа жена моложе? Нет, нет, нет! Никто не знает! Так называемые “Белые птицы” – люди, которые обычно живут в штате, но на это время подаются на север, кому есть куда податься, и кто знает, где это. Мне некуда! На их место налетают дожди, шторма, птицы, другие люди, такие, как я, или еще хуже, плюс сумасшедшая жара. Ха! В этом году мне деваться абсолютно некуда, дома надоело даже в ванне, а я еще пригласил сына из Калифорнии, которого 16 лет воспитывала его Мать, а в свободное время пилила на скрипке!!! Представляете, как он любит меня и мою партию? Нет! Не представляете, и я тоже. И никто не может. Слава Богу, он – молчун.

Чем больше поднималась температура в телевизоре, тем чаще я включал кондиционер, и уже так замерзал в новой квартире, что мечтал о теплом юге. Жаловался жене. Она, по старой памяти, дотронулась до моей пятки и подумала, что я мертвый, и нарочно молчу? Что я ей мог сказать, что я кричал, что замерзаю еще с прошлого месяца, заболел в первых числах, а в эту пятницу умер. В субботу евреи не хоронят, а местные и в понедельник не собираются, тем более я не из их кооператива. Жена хоронить наотрез отказалась, и с вопросом: «А кто меня кормить будет?» – Сама же ответила! Никто, - и как ни в чем не бывало, поплыла на другую сторону бассейна.

Вокруг неё плавали французские канадцы из Квебека. Говорили на черте каком языке. Сказать, что это французский, так же как назвать идиш – немецким. Жуть. Вплоть до расстрела. По-английски: они говорят: – Элитоль бит! – и врут, что живут в моем доме всё время. На самом деле ненавидят английский, как снег – солнцу, вода – огню. Даже и не знаю. Может, вовсе и не так. Одним словом, цыгане, да еще и плясать не умеют. Как говорят в таких случаях евреи: – О, вей! Нанэнанэ...чавэла! – Постепенно пересташь их замечать, как ящериц под ногами. Можно оторвать им хвост и смотреть, когда вырастет другой, но нет смысла, не песцы или лисицы. У тех не оторвешь, но что-то я опять не о том.

Когда я вернулся на лето во Флориду, друг из Нью-Йорка так и сказал: «Героическая ты личность – козья морда. Это я. Все оттуда, а ты туда!» – Я так и не понял, он меня похвалил и гордится мною или наоборот. Скорее всего, гордится. Но это я опять не о том. Все о друзьях, да о друзьях.

А погода здесь – чудо. Иногда, раз в день или через день, пройдет пятиминутный ливень, и опять радостное солнышко, чистый асфальт и зелень в цвету. По телеку – торнадо здесь, землетрясение – там. “Ураган идет!!!” – кричат дикторы, пугают по всем каналам. Прошел везде, но не у нас, где я – в Помпано Бич – ничего. Райское место! Если оно есть.

В каждом храме Израиля молятся что бы Христос услышал их молитвы и пришел к ним, потому что у них молятся искреннее и климат лучше. Чтоб Джизусу было не обидно и хорошо после всех страданий, которые он из-за вас перенес. Если я правильно их понял. А мне кажется, что он придет к нам в Помпано Бич. Флоида. Тут не только ему, а дураку ясно, что у нас лучше всех. Катрина, Вильма и Эмели – просто злые девушки, распутницы, ураганщицы несчастные, разлучительницы семей и погромщицы реалистайта. Обещают заскочить на огонек,..а сами – трепяты. Набезобразничают гденибудь в других местах, а к нам в Пампано спать ходят. Отдыхают. Паиньки этакие. Но мы-то их насквозь видим, не таких видали.

Скоро кончится лучшее лето, какое я когда-либо имел, а имел я их много, очень много. Наступит необычная для меня осень, без желтых облетающих листьев и голых веток, когда сочные деревья превратятся за меня в другой в дряблых старух. И не будет дуть холодный безнадежный канадский ветер и не “элитль бит”, а три месяца с гриппом, воспалением легких, температурами, слабостью и жаром и еще Бог знает, с какими стрептококками и венерическими заболеваниями. Я еще не такие слова знаю, но редакция научные статьи не пропускает. Мол, обижаю читателя. Не всем удалось получить образование. От этого и статья не столь научная, а чуть-чуть. Как-нибудь редактор уйдет в отпуск, и тогда уж я развернусь. А пока, ждем перелетных Белых птиц с севера и готовим удочки к Новому году.

Михаил НЕРЖИН

Зиновий Коровин

Родился и провёл молодые годы в Киеве. В США с 1979 г. По профессии инженер-строитель. Стихи писал с детства, но серьёзно отношусь к этому занятию последние 10 лет. Постоянный автор 3-х американских периодических журналов на русском языке и одного - на английском. Перевожу стихи как с английского на русский, так и с русского на английский. Лауреат, в том числе победитель, различных поэтических конкурсов Член международного ПЕН-клуба и Американской Академии поэзии. Президент Клуба поэтов Нью-Йорка.

ПРОКЛЯТЫЕ ДЕНЬГИ

Деньги, проклятые деньги,
как изменили вы мир!
Были когда-то тверденьки
в городе и в деревеньке,
ныне – жестокий вампир.

Были задуманы мерой
мены овец, лошадей.
Стали вы богом и верой,
сферой, аферой, карьерой
сонма бесчестных людей.

Стали вы мерой обмана,
целенаправленной лжи,
сутью большого кармана,
прибылью телеэкрана,
вами живут грабежи.

С вами жиреют откаты,
правят людьми брехуны.
Вами грохочут раскаты,
рвутся ракеты, гранаты
непреходящей войны.

Люди найдут вам замену
в мире неразберих,
вас пригвоздят за измену,
раньше подвергнут вас тлену,
чем похороните их.

ОСЕННИЕ ДУМЫ

Осень. Киев. Тихий переулок.
Старый дом в четыре этажа.
Лифта нет. Колодец эхом гулок.
Поднимайся, маршами кружа.
Наверху балкон. С него отличный
открывался внутренний обзор:
за замшелой стенкою кирпичной –
божий град – Софиевский собор.
А с подворья – старые каштаны,
свесив перезрелые плоды,
их в проезд роняли неустанно,
целясь прямо в лужицы воды...
Мог бы эту живопись не знать я,
если б не был коротко знаком
с девушкой в ворсистом сером платье
с белым отложным воротником.

Не умея с нею объясниться,
проносил её я ночью в дом
после фильма ужасов «Крик птицы»
через лужи с неокрепшим льдом.
Увезя в даль киевских задворок,
был на ней двенадцать лет женат...
Отчего двенадцать, а не сорок? –
Разбери, кто в этом виноват.

Время шло, и стало нам прохладно.
Скарб делил Всевышний, а не торг...
Привела судьба её в Орландо,
а меня – в Чикаго и Нью-Йорк.
Но осели в памяти-шкатулке,
больше дележу не подлежа:
Осень. Киев. В тихом переулке
старый дом в четыре этажа.

Этот дом стоит ещё, быть может,
и близки теперь материка,
но не еду в Киев – растревожат
от моей шкатулки черепки.
И потомкам адрес знать не надо как
на Мойке – «нашего всего».
Богу он известен, вот и ладно,
мне не нужно больше ничего.

Русские литературные чтения в Вернем Манхэттене

Все произошло совершенно случайно, но в определенную дату – 3 сентября 2011 года. Я шла домой с работы и недалеко от выхода из метро, на углу Бродвея и 176-ой улицы вдруг обнаружила книжный магазин. Раньше в этом помещении была аптека, а теперь вдруг книги в окнах и на тротуаре в этажерке. Я, конечно, зашла посмотреть, что это за чудо такое. В нашем районе Вашингтон Хайтс чего только нет, но вот чтобы книжный магазин... Оказалось, это волонтерский книжный магазин/ арт-клуб «Word Up», В магазине все от благотворителей: и помещение, и оборудование. Продавцы и организаторы – все волонтеры, работают бесплатно. Они, возможно, скоро закроются из-за недостатка средств, но пока что существуют, и даже проводят свободные литературные чтения - открытый микрофон каждую среду и музыкальные вечера каждую пятницу. Они мне предложили провести русский литературный вечер, совершенно бесплатно, в их помещении.

«Word Up» является результатом сотрудничества между арендодателем, компанией «Vantage Residential», Союзом Искусств Северного Манхэттана Arts Alliance, и Вероники Лю (Veronica Liu), главного редактора небольшого издательства «Seven Stories Press». Именно Веронике пришла в голову мысль открыть подобный магазин после литературных чтений в Гарлеме.

В «Нью Йорк Таймс» написали 6 июня: «Расположенный между магазином мобильной связи и вакантным магазином, напротив, через Бродвей, Дворец Объединенного театра, книжный магазин «Word Up», на первый взгляд, лишь невзрачное дополнение к стрип-молу в этом сегменте Бродвея. Но в витринах магазина - документальная литература Говарда Зинна, труды Subcommandante Маркос (на испанском языке, конечно), и современные городские романы; все это выглядит вполне уместным и даже необходимым дополнением к культурному облику микрорайона. А внутри, среди арт-объектов из дерева, жести, фольги и граффити, читатели могут найти книги на английском, русском и испанском языках («Nuestros Cuerpos, Nuestras Видас»), и журналы, chapbooks и «Книга длины предложения», написанные и изданные жителями нашего района Washington Heights («Руководство г-н Манеры к электронным Этикет», «Блондинка, голубоглазая и красивый» и др.).»

Все книги в магазине - на комиссии, и многие изданы малыми издательствами. Чтобы заказать недостающие книги, покупатели могут заполнить специальную форму заказа.

Идея открытия «Word Up» появилась у Вероники (кстати, американки китайского происхождения) из наблюдения, что выше сто пятьдесят пятой улицы в районе Вашингтон Хайтс на Манхэттене нет книжных магазинов, нет места, где могли бы собираться окрестные писатели и любители чтения.

Когда я впервые зашла в магазин, Вероника ко мне подошла, познакомилась, мы разговорились, и она мне сказала, что хотела бы провести в магазине русский литературный вечер, чтобы привлечь русскоязычное население района к магазину. Я сказала, что могу попробовать это организовать, и в тот же вечер написала знакомым русским литераторам: появилась новая площадка, если есть желание, интерес собраться, почитать, что написали за лето, обменяться новостями, напишите мне ASAP, я попробую это организовать.

Немногие откликнулись, но для проведения вечера набиралось вполне достаточное количество выступающих. Тогда я написала Веронике, что вроде как все получается, давай назначим день, и она откликнулась с радостным удивлением. Оказывается, до этого многие русские предлагали ей провести русский вечер в магазине, но после этого исчезали, и она их больше не видела. Назначили день – 19 сентября, с 7 до 9 вечера. Я со всеми еще раз (и неоднократно) списалась, кто-то отселялся, кто-то добавился, и вот он – вечер.

В этот день в центре нашего острова прорвало огромную подземную трубу и затопило множество станций метро, по самые платформы. На другой день воду откачали и движение восстановили, но в этот день я добиралась до дома полтора часа, еле-еле успела до начала вечера. Народу, по этой ли причине или по какойто другой, собралось немного, но люди были, человек 22-25. В задней части магазина организаторы установили небольшую сцену, хороший микрофон, светильники, перед сценой поставили три ряда стульев, скамейки. Там мы и разместились. Патриша от волонтерского комитета сказала прочтывавшую речь.

Чтения начала я сама, чтобы дать остальным возможность оглядеться; прочла рассказ «Переход», он короткий, и в нем есть некая интрига вокруг стиха, написанного на потолочных балках перехода на 42-й улице:

Overslept.	Проспала
So tired.	Так устала
If late,	Если опоздаю
Get fired.	Меня уволят
Why bother?	Чего волноваться?
Why the pain?	Чего страдать?
Go home.	Иди домой
Do it again.	Начни все с начала

Потом выступил Марк Белицкий, поэт и бард. Моя любимая песня «Радио Люксембург». Марк родился в Ленинграде, во время «железного занавеса» настоящим окном в Европу было иностранное радио, «голоса». Лучшее всего в Питере было слышно почему-то именно радио маленького государства Люксембург:

*Я слушаю радио в темной квартире,
Мокрый снег ударяет в окно.
Несмотря на заглушку и помехи в эфире,
Я слушаю, мне все равно.
Мерцает загадкой шкала радиолы,
Оттава, Варшава, Берлин.
Я знаю, что я не проснусь завтра в школу,
Останусь дома один.
Радио, Радио Люксембург
Радио, Радио Люксембург
Имена городов на зеленом экране,*

*Я глядявваюсь в эту шкалу,
Мне чудятся там европейские страны,
Непохожие на нашу страну...*

Итак, Марк родился в Ленинграде, эмигрировал в Америку в 1975-м году. Начал писать стихи и песни уже в зрелом возрасте. Член Клуба Русских писателей в Нью-Йорке. Летом 2004-го года вышла на радио передача о творчестве Марка, где так же прозвучали его песни. Он выступал в знаменитом Русском Самоваре, а так же дает сольные концерты в районе Большого Нью-Йорка и в Бостоне. Фрагменты его песен прозвучали в короткометражном фильме о «WBA Heavy-weight Champion» о боксере Николае Валуеве.

Следующий участник чтений - Юрий Нес-теренко, писатель, поэт, независимый публицист. Родился в 1972 г. в Москве, окончил с красным дипломом факультет кибернетики МИФИ. В 2010 г. эмигрировал в США, где в 2011 получил политическое убежище. Я с Юрой познакомилась через его сайт "Ivory Tower", прочла его страстную статью «Исход». Фраза из статьи «...Меня в России больше нет» показалась мне несколько забавной. Согласитесь, среди эмигрантов, которых в России тоже нет и довольно давно (а некоторых очень давно) эта фраза воспринимается без ожидаемого драматизма. Я написала Юре по контактному эмейлу на сайте, пригласила на презентацию «Интеллигента», и он пришел, очень интересно выступил. Юра прекрасно читает свои стихи. Вот и на чтениях в «Word Up» он читал свою поэму «Волки» и все слушали, затаив дыхание. Он пишет много публицистики разного рода, а мне по душе его лирика:

*Над Бруклином туман.
С Атлантики всю ночь
Доносятся гудки, протяжны и тоскливы,
Как жалобы морских чудовищ, коих прочь
В открытый океан уносит из залива
Та сила, что они не могут превазможь.
Я представляю их, тяжелье суда:
Последние огни угасти за кормою,
Сжимают их бока холодная вода,
А дальше - только тьма, туман, и скрыто тьмою
Бескрайнее ничто.
И их влечет туда.
И вот они кричат от страха и тоски,
Могучие винты остановить не в силах,
Взывая к берегам, что все еще близки,
Но внемлют отголоскам их басов унылых
Лишь высохший тростник да мертвые пески.*

Следующий участник чтений, Рита Бальмина, как она сама о себе сообщает, «родилась в Одессе в прошлом веке. По профессии художник-дизайнер.

Часто публиковала нетленку в периодических изданиях и толстых журналах России, Украины, Европы, США и Израйля, в многочисленных альманахах и антологиях.

Член Союза писателей Израйля. Член Международного ПЭН-клуба.

Лауреат литературной премии имени Д. Кнута за 1995 год. Номинант Бунинской премии за 2007 год.

Автор книг: «Закрытие Америки», «Флорентин, или Послесловие к оргазму», «Стань Раком», «Из бранного»,

“Лишняя жизнь”, “Недоуменье жить”, “Бал мин”.

Обитает в Нью-Йорке.»

Рита пишет прозу тоже, но я хочу сегодня сказать о ее стихах. Хороших поэтов женщин немного, а Рита одна из настоящих. В ее стихах, очень женских, страстных, есть запах, и цвет, и ветер, и радость, и печаль. Мне думается, все, что Рита пишет, действительно талантливо:

Кафе на Бреннер

*Своя компания опять навеселе:
Дым, теснота, гитара, много водки,
Бальзаковского возраста красотки,
Остатки изобилья на столе -
И в стельку пьян вчерашний имениник,
Которому всего полтинник.*

*Своя компания: имеешь право
Неверность не вменять в измену,
Мечтая о груди соседки справа -
Соседку слева гладить по колену,
И слушать споры о верлибрах Рильке,
Или о ценах на жильё в Сдероте,
Вколов воображаемые вилки
В глаза длинноволосому напротив.*

*Своя компания. Сложенье судеб,
Их возведение в квадрат тоски,
Где каждый треугольник неподсуден,
И узок круг, и страшно далеки...
Виски колотит ритуальный бубен,
Очередной «Кеглевич» уничтожен
О, Господи, как мы друг друга любим -
Мы друг без друга дня прожить не можем.*

Следующий участник чтений Виктор Райкин (Нью-Йорк) — поэт, переводчик. Родился в Чите, но родиной считает Ялту, где прошло детство прямо на набережной, рядом с пальмами. Жил в Волгограде, потом учился на физфаке в Ростовском университете. До 1992 года жил в Ростове, с 1992 — в Нью-Йорке. Витя пишет очень интересную прозу и стихи, которые как бы на грани прозы. Я конечно же знаю термин «белые стихи», но это нечто другое, новое, непохожее:

В ПЕРЕХОДЕ

*Умирающий хрипит от удушья,
он видит, как я страдаю
оттого, что он умирает
и протягивает мне руку,
чтобы помочь.*

* * *

*Я не был греческим рабом,
прикованным к галере,
мне не приходилось день и ночь
вертеть тяжелые жернова,
чтобы выкупить из неволи мать,
никто не купил мои мысли,
не угрожает расправой.
Почему же я делаю не свое дело
и не могу остановиться?*

Саша Коган. Родился в 1968 году в Пятигорске. Два курса мед. института, два года Армии. В 1991 эмигрировал в США. Сейчас живет в Нью-Йорке. Сашу на чтения пригласил Виктор Райкин, я же впервые прочла его стихи за день до чтений, до этого и не знала, что есть такой талантливый поэт Александр Коган.

Не то чтобы я такой уж окончательный ценитель, но мне его стихи очень нравятся. Внутренней свободой, отсутствием позы, легким дыханием, умной печалью, чистотой слова. Судите сами:

*В доме дышит сонное тепло,
снег летит в оконное стекло.
Ты один, твой город замело,
их добро и зло тебе мало.
Лучшее, что сотворил Творец —
самоё себя. Он сам истец,
сам ответчик, он рискует всем.
Та звезда, что грела Вифлеем,
ветит над Голгофой. Ночь темна.
Бог есть свет плюс-минус тишина.*

* * *

*Впотьмах, почти не существуя,
очнувшись в бруклинской ночи,
какой-то отблеск, алилуйя
на латах звёздной саранчи —
ни звук, ни свет, но запах слова
сочится через кирпичи,
и полнолуния обнова
сама выходит от портного,
не погасив свечи,
лишь мысль в больничной тоге, в Торе,
торчит соседом в коридоре,
перебирая вслух ключи,
и мир в себя приходит снова
за неимением иного...*

Итак, чтения состоялись. Мне, и, я думаю, всем присутствующим, было очень интересно услышать стихи и прозу в авторском исполнении. Как автор слышит сам себя, как он «дышит» в своем пространстве слова, все это открывает мир совершенно по-новому, по-другому. А что и есть творчество, как не попытка выйти в неизвестное, сияющее, обещающее завтра. Так что мы еще соберемся, неоднократно. А чтобы не быть такими уж серьезными «литературоведами», закончим «плодово-выгодными» гекзаметрами Когана:

ГЕОРГИЕВСКАЯ КРЕПОСТЬ красное полусладкое

I

*На ночь надеясь с тобой,
вьмысл и ноги, и прочие части,
ты же к младенцу сбежала спать;
я и этому рад:
древние греки здесь,
латиняне («Всемирная Литература»),
соль, молодая картошка, чеснок,
полстакана вина.*

II

*Филька-котёнок, утром, битюг,
потерялся.
Слышу, пищит где-то в ванной,
понять не могу —
где; сверху и сбоку, и всюду
жалобный писк окружает!
Всё я обшарил и, с ужасом,
писка не слышу...
Дверь открываю на двор: вот он,
на крыше орёт!
Те полстакана, что ты недопила,
пью за спасенье.
А на коленях дремлет-урчит
кот Филимон.*

Нина БОЛЬШАКОВА

Мы знакомим вас с разнообразной и очень интересной литературой современного Узбекистана.

В этом номере мы познакомим наших читателей с творчеством нескольких замечательных авторов из Узбекистана: рассказом Исажона Султона, стихами Вадима Муратханова, Николая Ильина, Рифата Гумерова, Вики Осадченко, и Алины Дадаевой. Интересных авторов, связанных с Узбекистаном, гораздо больше – к сожалению, рамки нашего издания не позволяют пока представить всех. Но желающим продолжить знакомство с современной русскоязычной поэзией Узбекистана мы советуем посетить сайт «Два берега» (www.izbereg.ru), где вы найдёте и стихи, представленные здесь – и стихи многих других интересных авторов, живущих или живших в Узбекистане.

Наталья Крофтс

Исажон Султон

Родился в 1967г. в селе Авазбой Риштанского района Ферганской области (Узбекистан), окончил факультет журналистики Ташкентского государственного университета. Публиковался в различных литературно-художественных изданиях, в том числе - в журналах «Дружба народов», «Звезда Востока», в «Антологии узбекского рассказа XX века». Автор повести «Мольба» и сборника «Лунный родник».

НЕБЕСНЫЙ САД

В знойный день мелодично жужжали пчелы, слетевшиеся на клеверное поле за нашим домом. В конце поля протекал арык с прозрачной водой. Мы с другом, прихватив из дома свежее испеченную лепешку, собирались сплавлять ее по воде. Глиняный дувал¹, ограждавший наш приусадебный участок, обвалился, и через образовавшийся большой проем была видна улица, тонувшая в пыли. По краю дороги, опираясь на посох, брел седобородый старик в белой полотняной рубашке.

Он медленно двигался в нашу сторону.

Если не ошибаюсь, мне тогда было лет восемь или девять. А может, семь... словом, не помню. А вот старика я запомнил на всю жизнь - его звали Холмухаммад-ота, он постоянно сидел возле оштукатуренного дома в начале улицы и грелся на солнце. Увлеченные игрой, мы не заметили его

приближения. Подойдя, он какое-то время наблюдал за нами, а потом вдруг прослезился.

- Почему плачете, дедушка? - спросил я.

У деда тряслась борода:

- Было время, когда и я сплавлял по воде испеченную мамой лепешку, а потом ел, теперь вот вспомнил и плачу, сынок. Моя жизнь тоже, как лепешка, была да сплыла...

- Он, наверное, есть хочет, - видимо, решил я, потому что точно помню, что протянул ему свой, разбухший в воде ломоть лепешки. Старик взял хлеб и, нисколько не стесняясь нас, разрыдался.

Мы застыли в растерянности.

Старик, плача, с ломтем лепешки в руке медленно поковылял дальше.

Желая еще раз глянуть ему вослед, я перепрыг-

¹ Дувал - глиняная стена, огораживающая участок.

нул через арык и, забыв обо всем на свете, застыл с широко раскрытыми глазами. Вы спросите, что я увидел? Себя, стоящего возле дивного сада с золотыми воротами и хрустальными ручками на них. Возле ворот, держа в руке хрустальное кольцо, смеялся и зазывал меня в сад мальчишка-ровесник.

Сделав два шага, я заглянул в сад. Не беру на себя смелость рассказать, что я там увидел, ибо это значило бы упростить все до земных понятий. Деревья, хотя и были внешне похожи на привычные для нас, на самом деле были совершенно другими. Тамошние птицы, воды... Это был небесный сад! Удивительный по своей красоте! Я страдаю от того, что не могу найти слов, способных передать его великолепие.

Сад был настолько завораживающим, что я невольно сделал еще шаг.

Если бы позволил себе еще один шаг, то ока-зался бы внутри. И тогда мог бы легко поймать золотых стрекоз, грациозно порхающих в саду, или побеседовать вон с той златокрылой птицей Семург²...

Возле ворот росло огромное могучее дерево. Его ветви скрывались за облаками. Время от времени с них срывались листья. Вот, прямо мне под ноги, слетел пожелтевший лист. Нагнувшись, я увидел на нем надпись. С тыльной стороны, где проступали его желтоватые прожилки, было написано: «Холмухаммад, сын Зиё».

- Ой! - воскликнул я удивленно. Мальчик-привратник улыбнулся и покачал головой. Только было собрался я о чем-то его спросить, как позади себя услышал далекий взволнованный мамин голос, окликающий меня, и я как будто очнулся от сна. Когда открыл глаза, увидел, что лежу на коленях у матери, побледневшей от страха. Рядом хныкал мой друг. Мама разрыдалась и прижала меня к груди:

- Ой, сыночек, что с тобой случилось? Ты до смерти напугал меня, дорогой?!

- Видели? Вы тоже видели? - волнуясь, еле ворочая языком, спрашивал я, - Вы видели сад?

- Какой сад? - спросила мама, опять изменившись в лице, - Что за сад, сыночек?

Я рассказал маме все, что видел. Мама промолчала, но ближе к вечеру к нам домой пришел седобородый старик и стал читать надо мной молитвы.

Удивительно, стоило мне завести разговор о дивном саде и дереве-великане, не только мои родители, но и люди старше их по возрасту, пугались, восклицали боязливо «О, Боже», некоторые плакали. И мама стала очень пугливой, без конца спрашивала: «Тебя никто не звал в тот сад? Когда ты увидел сад, ты заходил в него или нет?»

Как я позже узнал, оказывается, тогда, перепрыгнув через арык, я застыл как вкопанный. Даже

когда друг стал звать, а потом тормозить меня, я не сдвинулся с места. Тогда он, страшно напуганный, привел маму. Но я, как стоял, так и продолжал стоять... Следом за мамой пришел отец, они подняли меня и перенесли на террасу. Некоторое время спустя я пришел в себя...

* * *

Прошли годы, я возмужал. Слава Аллаху, стал отцом. Слушая, как лопочет наш сыночек, видя, как он делает первые шаги, я был на седьмом небе от счастья. Мне кажется, что на свете нет счастливее отца, чем я. Но сильнее меня ребенка обожает моя мать. Когда он щебечет, словно ласточка, мама молodeет на глазах.

Позади дома все то же клеверное поле. Только оно стало меньше. Арык по краю поля почти зарос.

Весна была в разгаре, и черешневые деревья были усыпаны темно-бордовыми ягодами. Сын еще не научился говорить, но уже успел стать любителем черешни. На западной стороне кишлака раскинулся большой черешневый сад. Усадив сына на плечи, я отправился туда. Нагнув ветку, наполнил тубетейку сына ягодами. На ветке повыше ягоды показались более спелыми. Помню, что я дотянулся-таки до нее...

И сквозь ветви дерева я вновь увидел тот таинственный сад. Тот самый! Золотые ворота, ручки из жемчуга... Черноусый и чернобородый молодой привратник смотрел на меня и улыбался. Он узнал меня, и я его узнал!

Знаками он приглашал войти в сад.

Створки ворот были распахнуты настежь! Виденные мною когда-то картины предстали во всем великолепии. Прямо перед глазами на стеблях появлялись бутоны и тут же распускались дивные цветы, и невозможно было отличить, они настоящие, или золотые. Дерево-великан возле ворот попрежнему простиралось ветвями до небес, с легким шорохом с него срывались листья, один за другим. Какой-то голос в глубине души прошептал: «Может, это и есть дерево Тубо?». Вдалеке что-то сверкало и переливалось, радуя глаз. Переливы были так прекрасны и нежны, что, однажды увидев, человек был готов смотреть на них всю жизнь.

Я проследил взглядом за слетевшим с дерева к моим ногам листом... и увидел, что на его тыльной стороне написано имя моего родителя!

В это мгновение до моего слуха донесся пронзительный плач сына.

Я сразу пришел в себя. В отчаянии оглянулся и увидел, что сын, ступая шаг за шагом, дошел до небольшого арыка, свалился в его ледяную воду и разрыдался. Я взял сына на руки и крепко прижал к себе.

² Смург - дословно: «вершинник», «птица с вершины» - фантастическое существо, царь всех птиц.

Как я и предполагал, когда оглянулся, видение уже исчезло. Сын, вытянув руку в ту сторону, где исчез сад, пытался что-то мне сказать.

(«Неужто и ты унаследовал эти видения, сыночек?»)

Потом мне вспомнилось то дерево возле ворот и сорвавшийся с его ветвей лист. Я побежал домой. Сердце, предчувствуя что-то, билось часто-часто. За углом я свернул на нашу улицу и ноги подкосились. Возле наших ворот собрались мужчины со всего кишлака.

Отец... Отдавший все силы и молодость нам, бросившийся из огня да в полымя ради того, чтобы мы росли здоровыми и счастливыми... отец ушел из жизни!

После этого я стал бояться того сада.

Он являлся в моих снах, этот таинственный сад! Привратник, любезно глядя на меня, стоял молча. «Что еще нужно тебе? - кричал я ему во сне, - Что ты от меня хочешь? Оставь меня в покое, я не хочу заходить в твой сад!» Я метался в бреду, но, просыпаясь, помнил все, что привиделось мне, оно стояло перед глазами, навсегда оставалось в памяти.

Жизнь шла своим чередом, постепенно страх видений исчез.

* * *

Когда сад привиделся в третий раз, я был уже седовласым, седобородым пожилым человеком. Нынешний вид сада свидетельствовал о некоей странной закономерности, глубину которой я все еще не мог постичь.

Ведь жизнь... жизнь уходит...

Когда на небе появляются тучи - ноют кости. Слезятся глаза. Чаще всего я сижу на топчане возле своего дома и греюсь на солнце. Все мое существо радуется солнечным дням золотой осени. Подобно осенней реке, душа прозрачна и спокойна.

Поднимаясь в очередной раз на свой топчан, я невольно бросил взгляд поверх невысокого забора на приусадебный участок соседа. В этот год сосед засеял его клевером.

А в конце клеверного поля вновь та же картина.

Теперь и у привратника волосы были тронуты сединой. В саду царилась осень, ранняя осень. Мне еще не доводилось видеть такой красоты. С дерева-великана возле ворот с печальным шелестом, плавно кружа в воздухе, опускались на землю золотые листья. Опавших листьев было великое множество. Вся земля была усыпана листвой.

А разве на каждом листе не было написано имени?

На этот раз на листе, слетевшем под ноги, я прочел имя близкого друга. Мы были ровесники, вместе

играли и росли. Мы и женились в одно время, во многом наши судьбы были схожи.

* * *

И, наконец, четвертое видение этого сада счастья...

Клеверное поле. Чуть поодаль два мальчугана сплавляют по воде лепешку.

Я смотрю на ребяташек, а перед глазами чередой проходят детство, отец, мать, свежее испеченные лепешки... Из глаз все текут и текут слезы. Какие горячие, с пылу с жару, были те лепешки. Они были подстать жару сердца моей матушки... О, каким я был... Какими же мы были, друзья!

Стою, смотрю и никак не могу сдвинуться с места. Один из мальчуганов заметил меня. Вид плачущего старика, видимо, встревожил его, он смотрел на меня широко раскрытыми глазами.

- Почему вы плачете, дедушка? - спросил он.

Ах, сыночек, ах! Как же мне не плакать, как же не высказать то, что я чувствую сейчас. Ведь было время, когда я так же, как и вы сейчас, сплавлял по воде испеченные мамой лепешки... Эх, да и сам я, как этот хлеб в арыке, был да сплыл!

В моем сознании все то же самое - детство, облик деда Холмухаммада, плачущего, глядя на нас... а на языке те же слова... а в душе - неведомый страх и преклонение перед этим необратимым круговоротом жизни.

Взяв лопоту лепешки, протянутый мне мальчиком, я так и не смог прийти в себя. Безостановочно лились слезы, а перед глазами возникали самые светлые мгновения жизни и несбывшиеся мечты.

И вот тогда...

И вот тогда... я вновь увидел тот сад.

Привратник, как и я, постарел. Опираясь на посох, он выглядел усталым. Ворота сада распахнуты настежь. Внутри же оно - величественное дерево, крона которого теряется в облаке. С ветвей попрежнему срываются и падают листья.

Интересно, чье имя на этот раз написано на падающем с дерева листе?

Мы с привратником долго в упор смотрели в глаза друг другу.

Наконец, он, всё также опираясь на посох, усталым голосом изрек:

- Заходи уж, довольно...

Я оглянулся назад. Но ничего не увидел... Пелена слез окутала глаза. Сделал шаг, почувствовал, что держу в ладони что-то теплое.

Взглянул - это был лопоту лепешки, которым только что на клеверном поле угостил меня чуткий мальчуган. Хлеб намок, но все еще хранил своё тепло...

Вадим Муратханов

Поэт, прозаик, создатель сайта современной русскоязычной поэзии Узбекистана «Два берега» (www.uzbereg.ru). Родился в 1974 году во Фрунзе (ныне Бишкек). В 1996 году окончил факультет зарубежной филологии Ташкентского государственного университета. Автор семи книг и публикаций в журналах «Дружба народов», «Арион», «Новый мир», «Октябрь» и др. С 2006 года живет в Подмосковье.

Памяти Шишкина

1.
В разлуке все равны издалека,
на расстоянии вытянутой мысли.
Под Рождество колеблется рука
к невозвращенцам тень твою причислить.
Что изменилось, если не забыт
твой голос, если Интернет хранит
твои составленные неумело
по-детски однострочные имейлы?
2.
Осталась мелочь. Минут сорок дней -
не затворяя за собою двери,
войдет в квартиру пыльную Андрей,
найдет в шкафу рецепт «Кровавой Мэри»,
записки, снимки. Факультетский хлам,
оцифровав, добавит он к стихам,
чтоб стал объемней образ твой и гуще
в том времени, куда ты не был впущен.
3.
Ты был Ташкентом каждому из нас.
Тебя в воспоминания как камень
краеугольный клали. В этот час
мемориальный город твой меж нами
распределен, безоблачен и тих
и не проснется от шагов твоих,
когда на свет выходишь ты, бесплотен,
из сумрака сутулых подворотен.
4.
Кто много пьет, тот слаб и бескорыстен.
Не потому ли с легкостью такой
ташкентский дембель Ваня Охлобыстин
чертил татуированной рукой
в грядущую коллекцию автограф?
Не потому ли Файнберг, не отвергнув
вниманья твоего, тебе читал
во весь свой хриплый раненый вокал?
5.
В твоём раю начала девяностых
сухой Уотерс шепчет и кричит.
Твой дом кирпичный обратился в остров,
над зеленью плывет, многоочит.
Ты всех собрал - и Виктора, и Марка.
На крышу, загорать, пока не жарко!
Кого страшит, что сразу за углом -
небытия крошечного разлом?
Уходит солнце в тень в твоём раю.
Пока гудрон хранит нас, остывая,
мы посидим немного на краю,
корнями до земли не доставая.

Автопробег

Те дамы и мужчины,
кто ловок и богат,
шикарные машины
получат напрокат.
А нам с тобой, неброским
и подошедшим после,
достанется повозка
и низкорослый ослик.
Он двигателем хлопать
хотя и не умеет,
зато о горных тропах
понятие имеет.
Зато, услышав «трогай»,
без гаек и моста
он тронется в дорогу
в заветные места.
И в час, когда усталый
кортеж назад вернется,
наш путь к далеким скалам
едва-едва начнется.

* * *

Вдали от капель, что наперебой
подробно разлетаются на жести,
ты где-нибудь становишься другой,
все дальше, непонятней в каждом жесте.
Но слушать дождь мне хочется с тобой.
И значит, мы наполовину вместе.

Город

В кабинке шаткой чужака
напрасно к небу поднимают -
необозримые века
лукавой сказкой подменяет
обманщик-город. В свой черед
и я бродил по теплой пыли.
И разум спал. И ничего
глаза в пыли не находили.
Состарившись, приду опять
в чинар высокое собранье
босыми пятками читать
развернутую книгу Брайля.

Лес

В заброшенном корпусе ржавчина, сырость,
разбитые стекла и грязь.
Но прямо на крыше загадочный вырост
росток, никого не спросясь.
Он будет тянуться еще много лет,
рассеивая семена, -
и значит, там скоро появится лес
на будущие времена.
Когда на земле воцарится раздор,
и скроются рыба и зверь,
и Красную книгу за черным дроздом
захлопнут, как тяжкую дверь,
когда наши детские игры остудит
последний и праведный суд -
родятся в лесу непонятные люди
с очками на длинном носу.
Не зная о наших победах и бедах,
лихие столетия спустя,
в тени проводить будут дни и в беседах,
густым опереньем блестя.
Где нам и не снилось, где так не бывает,
где лишь удивись и замри -
носатые люди гуляют от края
до края квадратной земли.

Николай Ильин

Родился в 1950 году в Златоусте. Поэт, переводчик. Окончил филологический факультет Ташкентского Государственного университета, преподавал русскую литературу. Кандидат педагогических наук, доцент.

Стихотворения публиковались в журналах «Звезда Востока», «Восток свыше» и др. Автор нескольких книг стихов. Живет в Ташкенте.

* * *

* * *

Открыта дверь на сумрачный балкон,
В просветах листьев осень солнце ловит;
Но я не в состоянье сбросить сон
И к осени сознание приготовить.

В бесцветный день душа погружена,
Где тусклый свет и угасание мысли,
Как исчезающая желтизна,
Готовят к пустоте небесной выси.

Мне страшно этой тишины -
Болезнетворного затишья,
Когда, забившись в наши ниши,
Мы суетой поглощены.

Душа напрягшейся дугой
Стрелы касания ждет нервно
И видит цель.

Еще не поздно!
Но нет стрелы - и тетивой
Напрасно потревожен воздух...

СЕНТЯБРЬСКОЕ

(1)

В краю цветов, угасших навсегда,
В пространстве снов, неведомых, как сердце,
Проснется слов опавшая литва,
И прозвучит сентябрьское скерцо.

Нотариус судьбы старается не зря,
Он силится спасти слабеющие знаки -
И переносит роспись сентября
С листов древесных мне на лист бумаги.

Под знаком осени минувшего стезя
Являет вензель брошенной дороги,
И словом выразить почти уже нельзя,
Того, что не рассудит мудрый логик:

Небывших лет потертый негатив,
Чужую жизнь под именем былого,
Зачем-то в мой внесенную архив
И мне на стол положенную снова...

(2)

Сентябрьский день отбрасывает свет
На блеклую поверхность саркофага
И выставляет прошлого портрет,
Где, как листва, пожухлая бумага.

Но сила осени склоняется ко сну.
Не спрашивай - я отвечать не буду:
Не объяснить, как я обрел весну -
Без тайны не бывает чуда!

Я навсегда из прошлого уйду,
Где осень мне оставила постскрипtum,
Где высох цвет в заброшенном саду
И замер звук расклеившейся скрипки.

Я трону дверь неопытной рукой
И выйду в мир возвышенного детства -
В пространство времени, что вечно предо мной,
Под звуки музыки, неведомой, как сердце...

Рифат Гумеров

Родился в 1958 г. близ Джамбула. Поэт, прозаик. Редактор альманаха «Ark». Произведения публиковались в журналах «Звезда Востока», «Юность», «Смена», «Студенческий меридиан», «Дружба народов», «Новая Юность» и др. Автор трёх поэтических сборников. Живет в Ташкенте.

ЛУННОЕ ОЗЕРО

* * *

Здесь голый камень.
 Ни тропинки...
 Хоть головой
 об скалы
 Бейся...
 Медовый запах
 Эдельвейса -
 Лишь здесь.
 Но больше -
 ни травинки...
 Как мусульманский
 Полумесяц -
 В ущелье
 Озеро лежит.
 Орел здесь надпись сторожит:
 «Рифат + Гуля».
 Август месяц...

Домой вернулся - не узнал
 Двора.
 Не год - домой не приезжал -
 Не два.
 И вот приехал - вырвавшись
 Едва...
 Кружится здесь от детства
 Голова.
 И пахнут апельсинами
 Дрова.
 И кажутся красивыми
 Слова
 Простые, словно небо и
 Трава.
 И славы словно не было -
 Молва...
 И жизни словно не было -
 Была.

ИЗ ОКНА ВАГОНА

Оттуда - где был Моисей пастухом, пастухом,
 И библейские луны катились, как дыни, как дыни,
 Из той ветхости ветхой, далекой - оттуда, оттуда
 Александрийским стихом
 По безводной и жаркой пустыне
 Караванами пыльными плыли и плыли верблюды...
 Сквозь сыпучесть времен, сквозь зыбучесть барханов, барханов,
 Из той ветхости ветхой, далекой - оттуда, оттуда
 Сквозь бездушное небо пустыни, ни разу не бывшей в слезах,
 Величаво плюя на царей, фараонов и ханов,
 Караванами пыльными плыли и плыли верблюды -
 Грусть усталых веков - в их глазах, в их глазах, в их глазах...
 Две стальные черты зачеркнут вдруг дорогу в пустыне, -
 По которой вела караваны верблюжья звезда -
 Непустым исключением пустынных, старинных законов...
 И в глазах у верблюдов замелькают отныне, отныне -
 Поезда, поезда, поезда...
 Караваны вагонов...

Вика Осадченко

Родилась в 1980 году в Ташкенте. Член Союза писателей Узбекистана. Стихи публиковались в журналах «Звезда Востока», «Дружба народов», «Новая Юность» (Россия), «Интерпоэзия» (США) и др. Живет в Ташкенте.

* * *

Задеваешь ветку плечом -
неумышленно, безучастно.
Год спустя эта ветка еще
продолжает качаться.

Не теряется ничего.
Всё - на счет. Всё подколют к делу.
Каждый лишний шаг - разговор
отдельный.

Будто мало других причин,
чтобы все покатило к черту:
от судьбы до тоски почти
безотчетной.

И живешь себе до поры,
и подвоха не ждешь. А там уже
разбегается вниз с горы
первый камушек...

* * *

Крик детей, рев машин, попса -
шум, как в городе и должно
быть. Но звуки и голоса
заглушаются тишиной.

Это знают птицы и те,
кто ночами лежит без сна.
Там, над крышами, в высоте -
неизменная тишина.

Глубже вслушайся, сам проверь:
ничего не меняя в ней,
весь наш гомон скользит - поверх.
Тишина стоит в стороне

Ты ее не берешь в расчет -
непонятна, мол, далека.
А она сквозь тебя течет,
как сквозь дудку из тростника.

Алина Дадаева

Родилась в 1989 году в городе Джизаке (Узбекистан).

Стихи публиковались в альманахах русскоязычной поэзии Узбекистана, литературных журналах «Звезда Востока», «День и ночь», «Звезда», «Новая Юность».

Принимала участие в Форуме молодых писателей в Липках, в 2012 году стала участницей Международной писательской программы Университета Айовы (США).

* * *

Рассяя.
Рассяяв
со свистом,
бесстрастно,
беспечно
без почвы
оставив,
расставив
все точки
всетошно
над сорванным кушем.
Своих - словно сор,
как листовки,
как письма.
Как спится тебе,
золотая кукушка?
Не снятся
казахские серые степи,
ферганская глушь,
где ни слова по-русски?
А мы тебе - грузом.
А мы тебе - лишни.
А мы тебя - матушкой
кличем.

* * *

Перевернутый мир хрупок -
кинешь камушек - и пойдет кругами.
А кто-то его сапогом.
Нарушится чуткое равновесие,
весело
задрожат неокрепшие крыши,
рыжие
лиственные погоны.
И - снова чисто.
А по эту сторону темь и ругань.
И тоже - кругом.
Кольцом удавим,
давным-давно на перст надетым.
Поддеть бы
тоненькую пленку - и раствориться.

Крашенинников Геннадий Николаевич

М. И. Цветаевой

Февраль

Покрылись панцирем стеклянным тротуары,
Застыли тусклым зеркалом пруды,
Поскрипывает глухо тополь старый...
Стекает небо снегом молодым...
Ажурные гравюры слюдяные
Затейливы и, вместе с тем, ясны...
И всё светлее рубежи ночные,
По мере приближения весны.
То тихо, то неожиданные порывы
Швыряют в лица ледяной песок.
Лишь детский щебет, как всегда, счастливый
Метель несёт в бескрайний потолок.
Бывает, розовым оттенком небо
Переливается с приходом темноты...
Собаки у прохожих просят хлеба,
Дрожа и к животам поджав хвосты.
Ничто - ни в белизне, ни в тенях сизых -
Не удивляет равнодушный взгляд.
Внезапные февральские капризы
Уже не радуют, а больше тяготят.
Становятся несносны и противны
Морозные припадки, иногда...
Хрустит под толстыми подошвами ботинок
Сухая рыхловатая вода...

Серее небо с каждым днём... -
Мгновенья...
Погода... Поздно... Не уснём...
Отменим... -
Хрустальный треск... Остатки сил... -
Предметы...
Листочки... Осень... Жизнь... Просил... -
Подметил...
И зыблилась, и то росла - то гасла
В прозрачном эллипсе петли,
Звезды гримаса...

Собор

На каменных ладонях дремлет город -
В рассветном зареве шум улиц невелик;
И небосвод напополам распорот
Чертою белою к восходу напрямик.
Лучи несмелые нащупали «корону» -
Девятикупольный «Преображенный Спас»;
И Богородица святой покров уронит
На Кривой Рог в лихой, тревожный час.
И лёгкий ветерок с листвой резвиться,
И благолепен у собора вид... -
Там чудотворный образ Турковицкой
Пренепорочной Божьей Матери горит.
Народ стекается на утреннюю службу,
Переливается воскресный благовест,
И ласточки меж маковками кружат,
Да нищий у ворот просфорку ест...
И воздух, будто, вздрагивает в храме
От трепета бесчисленных свечей...
Возноситься молитвенное пламя -
Настойчивее, выше, горячей

ИГНАТЕНКО Алена

Над пропастью во ржи.

“Я себе представил, как маленькие ребята играют вечером в огромном поле, во ржи. Тысячи малышей, и кругом - ни души, ни одного взрослого, кроме меня. А я стою на самом краю скалы, над пропастью, понимаешь? И моё дело - ловить ребятшек, чтобы они не сорвались в пропасть...”

*“Над пропастью во ржи”
Джером Д. Селлинджер*

Над пропастью во ржи
Ловить упавших поздно -
Ты руки отпустив,
Летишь на дно тоски.
И детства миражи
Дотошно, скрупулезно
По Фрейду разложив,
Льёшь опыт на виски.
А ты взгляни назад -
Где будущее снится,
Где ближе небосвод,
Миг счастья - не каприз.
У Мира добрый взгляд
И не важны границы,
Но каждый шаг вперёд -
Разбег к полёту вниз.
Полёт на много лет -
С глиссадой над скалою.
Что новый день - надлом
Во множестве ролей.
Твой выбор есть, но нет -
Он по шаблону скроен.
Один и тот же сон:
Плешь скошенных полей,
Над ними облака -
Цвет кислородной пены,
Вкус - яблок - не достать,
Под ними не кружить.
Жмут путы на руках
В своих границах пленным...
Но глупо жить до ста
Над пропастью во ржи.

Цветы на развалинах

Огонь, зарождаюсь во тьме,
Надеждой разбавит уныние.
Укором холодной зиме
Подснежник пробьётся весь в инее.
Где солнцем пропитанный снег,
Прозрачней и тоньше в проталинах.
Вдруг я понимаю, что грех
Срывать первоцвет на развалинах
Прекрасного замка мечты,
Который разрушен сомнением.
Украсят руину цветы,
Став робким её возрождением.

На самотёк.

Пусть бы всё на самотёк
И не цепляться за ошмётки
Той жизни, где в куске проводки
По нервам сквозь пробел в обмотке
Безжалостно бьёт сильный ток.
Сняв электрический корсет,
Чтоб не дай Бог не вызвать жалость,
Пересажу во тьме усталость.
Преумножая, что осталось,
Я шурясь, выпорхну на свет.
И буду жить, творить, любить...
Разрядом - каждое мгновенье.
Спасаясь лишь сопротивленьем,
Ведь этот нерв под напряженьем
Не обезболить, не убить.
Пойдёт заряженный поток
По жилам жизненного сплава,
Сшивая боли, счастья главы.
Я просто не имею права
Пускать судьбу на самотёк!

Реформы времени

Мне кажется, что время всё быстрее
Меняет цели, правила и нормы:
Наполненное смыслом - стало вздорным,
Пустое, обретя цвета и формы,
Надулось самой важной из идей,
Которые бессмыслице покорны.
Взрываю пафос мыльных пузырей
И в брызгах пустоты еще острее
Переживаю времени реформы.
Скажите, сколько лет душе моей?
И сколько провожать с пустой платформы
Ей, мчащихся во времени, людей?

ФИНЛЯНДИЯ

Подборка от наших друзей - авторов из Финляндии

Оливия Каллио

Хорошо быть кисою

Я тапсую от кошки Джеммы,
Что живёт в моём дому.
Мне бы кошкины проблемы,
Зажила б я по уму.

Не терзалась ни минутки
Никогда бы ни о чём,
А валялась круглы сутки
В мягком кресле кирпичном.

Не боялась бы нимало,
Что мужик уйдёт в бега,
Я б вообще не ревновала.
Мужиков-то дофига!

За измены планов мести
Не роила б чудово,
Ведь была б на первом месте
Я для мужа моего!

Брал бы муж меня на ручки
Гладил шёрстку и ласкал,
Никакой, представьте, взбучки,
Хоть кажи клыков оскал,

Хоть прорви дыру в диване,
Хоть напирай на ковёр,
Никакой, представьте, брани,
А один умильный вздор.

Мужика б я не корила
Ни за что, помилуй Бог!
Знай, мурлыккала б премило
Или ластилась у ног.

Я б творила, что хотела
И не мучилась виной
Ведь разборки, знамо дело,
Затевал бы он с женой!

Киской быть, признаюсь, классно,
Ведь, не чувствуя вины,
Можно есть сметану, масло,
Сыр, сгущёнку и блины.

И мужик не скажет: “Здрассьте!
Я тебя не узнаю!
Что-то слишком распозлась ты,
Хватит лопать, мать твою!”

Скажет он совсем напротив,
Глядя прелести рукой:
“Ух, какой у нас животик!
А жирок у нас какой!”

Вера Тансканен

Птичий домик

Папа с сыном поутру затеяли работу:
В мастерской немало дел даже и в субботу.
Есть у папы молоток, гвоздики, дощечки,
Есть шурупы, есть верстак и метла у печки.
- Научу тебя, сынок! Хочешь стать умелым?
Фартук, кепочка – вот так, приступаем к делу!
Папа – столяр. Мастер-класс: «Вдумчиво идею
Проектируем... И так... Хороша затея».
На планшете мелом план по порядку в столбик...
Рядом книжка «Сделай сам!» с чертежами – «Домик».
Птичкам домик смастерим, по плечу задачка,
Молотком бей по гвоздю, береги свой пальчик!
Теремок для птиц готов, инструмент – по полкам,
Стружки в мусорный совок соберём метёлкой.
- У меня обед поспел! - улыбнулась мама.
- Ай, какие молодцы, я довольна вами!

Мастер на все руки

Я, как папа, математик,
В арифметике – знаток!
Два плюс два - четыре, кстати,
Мне уже седьмой годок!
Я, как мама, литератор:
Буквы знаю назубок!
«Мойдодыр»? - скажу, кто автор,
Выдумщик весёлых строк.
Я, как бабушка, затейник.
Смастерим аэроплан?
Первым рейсом - в понедельник
Полетим за океан!
Я, как дедушка, учёный,
И, как он, я – капитан!
Есть кокарда, есть погоны,
Китель есть и барабан,
Бескозырка и тельняшка,
Круг спасательный, свисток,
Есть ремень с блестящей пряжкой
Капитан: «Даём гудок!»
Пассажирам – по билету,
Да скорей на пароход!
Не страшны волна и ветер.
Все готовы? Полный ход!

Виктор ТЕРЕХОВ

Мимолетная любовь

На совещании секции прозы вдруг заговорили о современных сиротах, что слова «чужая боль» замусолены сентиментальными журналистами, падкими на сенсации, а человек, страдающая детская душа - где они? И тут вспомнили: ведь Коля Марков рос в детдоме. Что же он-то молчит! Сколько у него должно быть готовых ненадуманных историй, сколько... Даже неловкая тишина с минуту стояла в маленьком помещении с казенной мебелью. Вот, горячимся, спорим, а Марков рядом.

Николай Марков, начинающий писатель, лет тридцати, писал о спорте очерки, рассказы. Среднего роста, простое, открытое лицо, веселый. Сразу видно, в коллективе человек воспитывался. Сидел он молча, с какой-то угрюмой отчужденностью, впрочем, у кого из пишущих не бывает задумчивости.

- Это не моя тема, - сказал он и улыбнулся. - Но я попробую. Как говаривал знакомый повар: «За качество не ручаюсь, но горячо будет».

Дома, за письменным столом, положил перед собой лист чистой бумаги. Решил вначале написать крохотный рассказец, а если получится, расширить во времени и пространстве. Тема, действительно, знакома и сюжеты не придется высасывать из пальца. Через тонкую гипсовую стенку доносился шипящий звук водяной струи, звонкий стеклянный перестук. Жена мыла посуду на кухне, корила:

- В кино пойти, так обязательно на высокохудожественный фильм. В гости собраться - некогда. Поесть даже некогда. С порога за письменный стол, из-за стола за порог...

- А я не виноват, что, что у тебя такое имя, - беззаботно откликнулся он. Посуда перестала греметь.

- При чем тут мое имя?

- Какое имя, такая и судьба. В твоём имени, Анна, много поэзии, печали, тайны... Поэтому тебе и достался такой непутевый муж. Классики знали цену именам и не случайно произведения свои называли «Анна Каренина», «Анна Снегина»...

Жена, с мыльной тарелкой, тихо, как лунатик, появилась в дверях, не отводя глаз от Маркова, прошептала: «И еще «Анна на шее». В домашнем халатике, челка с одного края стояла волной - бычок лизнул, и выражение первооткрывателя Америки в глазах:

- Как ты замечаешь такие вещи, на которые, обычно, не обращают внимания?

- А это, дорогая, одна из задач художника, - стараясь не улыбнуться, важно отвечал он.

- Ой, надо бы Юльке Петрик позвонить, Ольге Рыжей. Так интересно! Много тайны, печали...

Она надменно приподняла подбородок и величаво, с тарелкой в руке, проплыла по комнате. Марков все равно не засмеялся.

- Никуда звонить не надо. Сейчас напишу немного и завалимся к ним в гости. Аня запрыгала от радости. Потом она ушла в кухню. Марков подумал: ну, как студентка. Все бы спешить, бежать, а куда, и сама толком не знает. Нет, я уже не такой. А может и не был таким никогда, с вечными заботами, проблемами? Но с Аней всегда спокойно на душе, солнечно, как ранним летним утром. Хорошо, что она есть. Одиночество не делает человека сильнее и мудрее, оно делает его всего лишь одиноким.

Он пододвинул к себе бумагу и стал писать:

«Жил-был мальчик, лет семи. - назовем его Костя. - Живет он с матерью, она работает по сменам на заводе. Мальчик растет самостоятельным: просыпается по будильнику, подогревает завтрак на электрической плитке, уходя в школу, хозяйским взглядом ошупывает комнату: не забыл ли выключить плитку, свет, закрыта ли форточка. Он похож на маленького мужичка, такой строгий, важный. Как же! Мама всегда говорила, что он хозяин. В школе ребятам Костя сказал, будто папа уехал в командировку, так мама

говорила. А еще говорила, что он скоро вернется. Правда, она это уже давно сказала, когда он совсем маленький был, а папы все нет. А теперь он уже ходит в первый класс и догадывается, что командировка, это самое плохое слово на свете. А на днях мама опять сказала, что скоро отец приедет, и Костя ждет его каждый день. Как он его ждет! Игрушки аккуратно сложены в картонный ящик, там кубики деревянные - мама у столяра попросила, два изолятора от электрических столбов, один даже зеленого цвета. Гармошка маленькая, еще бабушка с дедой купили, когда не умерли. Есть пустая желтая гильза от винтовки, настоящая. И книжки ждут отца. Они ровненько сложены на этажерке. А самая любимая книжка называется «Аквариум». Там написано, как одному мальчику папа купил золотую рыбку. И она все желания мальчика исполняла. Захочет он велосипед, утром велик у кровати, удочку надо - пожалуйста. Потом мальчик вырос и узнал, что отец это все старался, а не рыбка золотая. Он любил мальчика, и вместе им было хорошо. И отец больше волшебник, чем любая золотая рыбка, даже самая заправдашняя.»

Марков прикрыл ладошкой глаза, припоминая события, детали. Снова оживали в душе забытые чувства, настроения... и вздрогнул - ведь были еще голуби!

Да, да, были. Пара белых голубей поселились у них на чердаке. Там в полумраке жила тайна, пахло пылью, стоял чей-то старый шкаф, в углу валялись картины, стулья... Марков приносил корм голубям: зерно и хлебные корочки. Они любили его. Только увидят на улице, так с высоты пикируют вниз. Крылья сложат римской цифрой V и словно с огромной горки на саночках. В воздухе тонкий свист стоит от скольжения. Перехватывало дыхание, такие они были легкие, изящные, сказочные, крылышки как веер. Опускались на плечи, выжидали. Марков доставал из кармана припасы. Они клевали с ладошки. Если он нарочно шевелил пальцем, голубка замирала, поднимала миниатюрную головку, косила удивленно глазом. А голубь сердито, больно клевал палец, мол, не балуй.

Странные были птицы, даже садились на ветки. Никогда больше он не встречал голубей, сидящих на дереве. Откуда они прилетели? А может и не голуби это были вовсе, а деда с бабушкой навестили его тогда в облике птиц. Ну, как же он забыл про голубей! Нас так мало, так редко любят в этой жизни, а время и поступки разлучают навсегда. И надо помнить всех, кто любил нас когда-то. Пусть даже эта любовь была мимолетной.

Он опять склонился над страницей: «Костя еще раз внимательно оглядел комнату, закрыл двумя руками на ключ упрямый внутренний замок, и в больших с черными кожаными заплатками валенках, с тяжелым заспанным ранцем, потопал в школу.

А вечером прибежал взволнованный, запыхавшийся - пятерку по чтению получил - дернул дверь нараспашку и затих. Мама пьяная на диване, она и раньше выпивала, а в последнее время все чаще и чаще. Мужик какой-то за столом спит, пустая бутылка водки перед ним, и на книжке про аквариум жирная селедка нарезана. Юркнул к столу, схватил, прижал к хилой груди свое сокровище. А мужик отодрал лохматую голову от стола, ожог страшным, бессмысленным взором громилы, заметил куски селедки на полу, да и вдруг сгреб жирной вонючей пятерней за шиворот, притянул к себе: «Закусь мою... А ты покупал, копейку платил?» И свободной ручищей наотмашь по распахнутым от ужаса глазам, наотмашь...»

Ручка треснула как спичка, швырнул в угол, скомкал бумагу - туда же, и сильно крикнул кому-то: «Не моя эта тема!»

Жена вбежала в комнату: «Что, что случилось... какая тема?» Стиснув ладонями виски, он твердил: «...не моя, не моя...»

Она успокаивала, как могла: «Не твоя, ну, конечно, не твоя... Ну, ее!» - гладила по спине, голове, обняла, прижалась... Словно после тяжелого сна Марков очнулся.

Исчезла другая жизнь. Он был дома. Аня рядом.

Галина ВИЛЛОНИН

Рассуждения Сани Сусликова о влиянии весны на маму

«Весна пришла, и всё ей радо...» А я нет. Потому что моя мама загрустила. И ладно, если бы поругалась, а потом загрустила. Нет. Мама молчит и даже плачет. Не так чтобы громко, а так - грустно как-то. Ну, думаю, это так скоро у неё апатия к жизни начнётся. При такой мысли я и сам загрустил. Этого я допустить не могу. Надо и себе и маме как-то помочь.

Пошёл я к другу Лёшке Ляпкину и спрашиваю: «Что делать-то?». А Лёшка и говорит: «Да дело простое. Давай, мы твоей маме письмо напишем. Как-будто какойто чувак влюбился в неё... Вон, Таньке, сестре, из армии жених письма любовные пишет. Так она читает и хохочет. Ну, прям, как дура, целый день. Так надоела!»

И мы стали думать. Моя мама воспитывает меня одна и ей, конечно же хочется, также как и мне, быть с папой. Но папа женился на другой и уехал в Америку. Америка далеко, так что письма не доходят до нас. Это понятно мне, а вот маме это не совсем понятно. И чтобы ей стало весело кто-то должен её рас- смешить. Любовное письмо! И мы стали писать.

«Уважаемая мама Сани Сусликова! Я увидел Вас и влюбился».

А потом мы с Лёшкой списали часть письма, которое получила Лёшкина сестра от жениха.

«Коротко о себе. Живу я нормально. Хажу на стрельбище стрелять и всегда пападаю в цель. А потом бегаем и бегаем. По вечерам смотрю на звёзды и думаю о тебе. А если кто обижает тебя, скажи. Люблю и крепко целую. Твой...»

Тут мы подумали и написали: «...незнакомец».

Письмо нам понравилось. Это здорово, что он умеет стрелять и хорошо бегать.

Значит, не дурак. А потом он смотрит на звёзды и мечтает. Лёшка сказал: «А хорошо бы ещё цветы. Все девчонки любят цветы». Эта мысль показалась мне интересной. Но денег на букет у нас не было. Для этого я выпотрошил свою копилку, и мы пошли покупать цветок маме.

Продавщица спросила, смеясь: «Кому цветы собираетесь покупать?» А я сказал: «Маме... Один цветок... Самый лучший, чтобы

стоял долго... На все ...» И протянул деньги. Продавщица подала мне оранжевый цветок, похожий на балерину и сказала: «Какая счастливая мама!». А я подумал: «Наверно не очень. Ведь, если бы мама не грустила, то мы с Лёшкой не пришли бы покупать цветок. Зачем счастливым цветы? Они и так весёлые».

По дороге домой мы с Лёшкой договорились, что я пойду домой, а через десять минут Лёшка положит письмо и цветок под дверь и позвонит.

Когда я пришёл домой, мама сидела на диване, обняв ноги, и о чём-то думала. Через десять минут в дверь позвонили. Я чуть не спятил, пока ждал звонка. Мама открыла дверь, посмотрелась, и лишь тогда увидела письмо и цветок. Наступила тишина. Я ждал счастливого мамино смеха. Ну, думаю, сейчас она станет счастливой. Но мама молчала, и я тоже молчал. А затем не выдержал и лениво так спросил: «Ну, кто там? Тётя Нина, что ли?» Мама молчала. Посмотрела на цветок, потом на письмо, потом на меня. И почему то не торопилась быть счастливой. Наоборот, глаза наполнились слезами и она заплакала. Ну, думаю, от счастья, наверно. От счастья не только смеются, но и плачут. А мама обняла меня и тихо говорит: «Саня, послушай меня внимательно. Не открывай никому дверь. Не выходи один на улицу. Будем ухаживать и приходить вместе». Я совсем обалдел. «Это почему?» Мама показала на письмо. «Какой-то сумашедший учится стрелять и к тому же хорошо бегает. Ты только подумай, он ещё признаётся в любви! У него неадекватное поведение. Судя по почерку, и по ошибкам, у него было тяжёлое детство. И совсем не развит интеллект... Очень похоже на сегрегацию. Это очень опасный человек. Ты понял?» И, помолчав, сказала: «Всё ясно. Нужно взять себя в руки и действовать». Посмотрела на цветок и... улыбнулась. Странные эти женщины, подумал я. Никогда не знаешь, что от них ждать.

Цветок мама поставила в воду. Каждый раз, когда мама выходит из дома, она смотрит по сторонам. Она записалась на курсы самообороны, и читает книги о психиатрии. Так что плохое позади. Мама перестала грустить и плакать. Теперь она опять улыбается.

А твоя мама часто улыбается?

Геннадий МИХЛИН

Милый

- Милый, ты меня любишь?
 - Угу.
 - Что значит «угу»? Перестань жевать, когда на вопрос отвечаешь. Да еще на такой вопрос! Ты меня любишь?
 - Сначала ты ответь. Я первая спросила.
 - Люблю.
 - Люблю! Как я могу поверить, если ты даже от газеты не отрываешься. Неправда. Ой, смотри, тут какой-то паучок между рамами, откуда? Этого нам только не хватало! Убей его.
 - Да ладно, чего тебе этот паучок, пусть живет!
 - Как так, это же жилое помещение, чистота, гигиена должна соблюдаться. Убей, говорю, прошу.
 - Дорогая, я не могу. Без причины убить живое...
 - Малахольный. Мужчина ты, наконец?
 - Сама убей. Возьми столовой салфеткой и – в унитаз.
 - Я боюсь. Я женщина, я боюсь. Очень прошу, милый, убей паучка. Если ты меня действительно любишь.
 - Ладно. Все! Видишь, нет больше паучка, утопил в унитазе. Грех взял на душу, жизнь паучка оборвалась...
 - Убийца, убийца! Ты убийца! Сегодня паучка, а завтра... Страшно подумать. Скажи, ты меня любишь?
 - Я тебя очень лю!
 - Как того паучка? Не верю!
 - Я тебя очень-очень-очень люблю. Больше, чем того паучка.

- Тем более не верю, ты мне врешь!
 - Не вру.
 - Нет, ты мне правду скажи: ты меня любишь?
 - Ну, конечно, люблю. Ты же знаешь.
 - Ничего я не знаю, вот ты мне и скажи: любишь? Только честно!
 - Нет, я тебя не люблю.
 - Ой, что!!!
 - Вру, я не просто люблю, я тебя обожаю!
 - Врешь, врешь, врешь!
 - Я тебя люблю.
 - Скажи мне правду, ты должен, ты обязан сказать мне правду. Ну, я жду.
 - Чего ты ждешь?
 - Не юродствуй, ты знаешь, что я жду. Отвечай, ты меня любишь?
 - Люблю.
 - Лжец! Это не хорошо, не прилично так лгать!
 - Я тебя люблю-люблю-люблю...
 - Нет, ты просто неисправим, говори, честно говори. Ты мне скажешь правду, наконец: ты меня любишь?
 - Хорошо, ради тебя, чтобы тебя успокоить. Скажу, только не волнуйся, держи себя в руках. Так уж и быть: я тебя не люблю и не обожаю.
 - Вот!!! Ой... ой... ой... Подлец, мерзавец, негодяй... Я знала, я давно это знала, я догадывалась. Сердце, давление... Сколько лет отдано, и кому? Какому мерзавцу. Все! Развод!

Яна МАРСИ

Дьяволенок

В широкое окно ворвались лучи яркого солнца, предвещая радостный и светлый день. А разве может быть подругому в мире детства, полного приключений, тайн и загадок? Именно сегодня я предлагаю вам отправиться со мной в увлекательное путешествие назад, в прошлое, и вспомнить, а как это было у вас. Забудьте о взрослых проблемах, невзгодах и печалях. Следуйте за мной, и улыбка не заставит себя долго ждать.

Давайте знакомиться! Меня зовут Лиза, а когда спрашивают, сколько мне лет, то приходится загибать указательный, средний и безымянный палец. У меня есть мама Оксана, папа Андрей и старшая сестренка Катенька. Катя уже большая, она учится в третьем классе. Еще к нам в гости часто приходит моя крестная мама Сюся со своим мужем, которого она называет Китей. Но взрослые почему-то эту парочку упорно зовут Ксюшей и Семей. Сюся говорит, что я маленькая вымогательница только из-за того, что в каждый ее приход, я выбегаю встречать со словами: «А ты мне кофенку принесла?»

Она также говорит, что у меня характер из серии «соседи, вешайтесь, подонки». Интересно, что это значит? Надо будет у мамы спросить. Сюся вообще много болтает про меня, наивно полагая, что в силу своего возраста, я еще не все понимаю. Что только стоит одно ее высказывание, будто я являюсь источником шума, крика, визга и беспорядка. Ой, ой, ой, какие мы нежные!

Бывают периоды, когда мне жутко скучно, особенно, если Катя занята уроками. Но я не отчаиваюсь, ведь ее куколки отлично подходят на роль моделей для парикмахера. Одно движение ножницами, и некогда длинноволосая Барби превращается в Гошу Куценко. Ну,

или в Федора Бондарчука, это кому как больше нравится.

А как старательно Катенька выводит буквы в своей тетрадке, высунув язычок. Сплошной парад аккуратно поставленных в ряд завитушек. Такую до нельзя безобразную идилию, я люблю разбавить цветочками, птичками, да и просто кляксами. А некоторые предложения можно вообще жирно зачеркнуть! Правда, после моих художеств, родители целый вечер успокаивали мою сестренку. Дуреха! Ничего не смыслит в красоте.

Однажды, к родителям пришли гости, уютно расположившись на кухне за накрытым столом. А я обратила внимание на чьи-то грязные ботинки, стоявшие в коридоре. Какой срам ходить в неочищенных ботинках! Взяв в руки обувь, я направилась в ванную комнату. Отыскав тазик, я налила до краев воды и опустила туда свою находку. В качестве тряпки идеально подошло мое белоснежное полотенце для личика. Помыв и безукоризненно начистив ботинки, я осталась довольна своим результатом. И недоумевала от того, почему папа весь вечер ворчал, что ему пришлось одолжить свою обувь, дабы гость смог добраться до дома.

Но больше всего на свете, я люблю топтать ногами и кричать «поганка» на своего обидчика. Это доставляет мне несравненное удовольствие.

Временами, когда мама думает, что я сплю, она склоняется над моей кроватью и тихо шепчет о том, что во сне я похожа на ангелочка. Но не стоит расслабляться раньше времени, ведь уже завтра утром дьяволенок вернется в своем прежнем обличье, и только ночью к нему на смену поспешит нежный ангел.

Хелена ВАЛОЙСА

«Бойся своих желаний – они могут исполниться»

Хотите решить непростую задачку? Напишите в столбик коротко, о чем вы мечтаете. Ага! Тяжело. Потому что сбывшиеся мечты грозят дополнительными хлопотами: они занимают место не столько в сердцах и умах, сколько в кладовках, шкафах, сундучках и гаражах. С них надо регулярно смахивать пыль, подкладывать яду от моли и сушить на солнце, втискивать на опухшие пальцы, проверять не опережает ли инфляция процент по вкладам, менять масло и проходить техосмотр.

Я где-то вычитала, что для осуществления мечтаний надо составить карту желаний: в середине поместить свое фото, а вокруг материализованные мечты. Так и сделала. Вырезала из журналов разноцветные красивые картинки и наклеила вокруг своего фото коллаж в розовой шляпке и кружевном платье с маленьким флакончиком духов в руках. Когда-то тело в розовом платье принадлежало Дженифер Лопес, а сейчас тщательно приклеено к моей голове. Справа разместила имидж раскидистой пальмы, символизирующей путешествия в жаркие страны. Слева – россыпи бриллиантов. Прямо над головой наклеила пухлые, ярко красные губы, подставленные для поцелуя. Любовь и еще раз любовь! Внизу разместила красную элегантную машину. У машины главное цвет: немаркий, модный, чтобы сочетался с одеждой владелицы и цветом её помады. На втором месте – большое зеркальце заднего вида, чтобы наблюдать кто флиртует сзади и, пожалуй, автоматическая коробка передач.

Чуть не забыла про деньги! Денег хочу много, в разной валюте, поэтому изобразила денежный вихрь, мчащийся между пальмой, машиной и губками. Карту желаний вывесила перед глазами, смотрела на нее пару дней, предаваясь розовым мечтаниям и... благополучно забыла.

Через полгода мне подарили небольшую пальму в горшке, которая начала стремительно куститься, обогреваемая прямыми лучами солнца на южной стороне моего дома. Через три года пальма вытянулась почти до потолка. Я регулярно смахивала

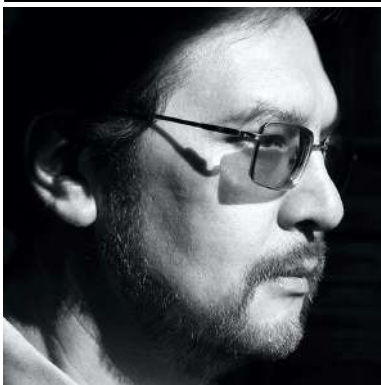
пыль с широких и острых листьев, балансируя на стремянке, поворачивала увесистую кадку вокруг своей оси для симметричного роста экзотического растения и поливала дурно пахнущими удобрениями. А ласкового моря с прозрачными медузами и бесконечных белых дюн на Канарских островах я так и не увидела. Россыпи украшений и тонкая французская парфюмерия материализовались в виде фальшивых стекляшек и флакончика Bond Girl 007 от фирмы AVON. Большая и горячая любовь ворвалась в мою жизнь в виде красной помады от той же фирмы. Каждое утро я складывала губы трубочкой, точь-в-точь, как на картинке, нанося помаду аккуратно слой за слоем. «Ты прелестна, дорогая!» – говорила я себе, любуясь своим отражением в зеркале.

Денежный вихрь поманил меня виртуально на одном из сайтов, где проводился литературный конкурс. Обещали вознаграждение победителям, грамоты и ценные подарки, торжественное поздравление победителей на красной дорожке. Целый год я писала рассказы, размещала их на сайте, набирала баллы и рейтинги, дружила с одними пользователями, спорила с другими. Шуршание виртуальных денег и мнимая популярность затмили все мои мечты и желания. Хотелось только одного – победить. И вот, когда до красной дорожки оставалось пару шагов, сайт поменял провайдера, внешний вид, трижды был взломан и выходил из строя благодаря злоумышленникам. Сейчас от сайта осталось лишь название и табличка «Извините, на сайте идут работы. Приходите завтра». Но, как известно, завтра не наступит никогда. Подалась на другой сайт, а там баллы и рейтинги, конкурсы и вознаграждения, платные аккаунты... Торнадо эмоций, денежный вихрь. Все, как на картинке – фальшь.

Не подкачала только машина – вскоре я приобрела подержанную малолитражку, но не красного, а серебристого цвета. В конце концов, зачем мне пожарная машина? Сейчас я планирую поездку вдоль побережья Балтийского моря. Кто знает, может именно там найдется такой же наивный романтик, мечтающий о красной дорожке, сыпучих дюнах и белокурой женщине за рулем.

ЭКВАДОР

Андрей Ширяев (1965-2013)

Родился в Казахстане, жил в Москве. В начале 2000-х годов переехал в Эквадор. Учился в Литературном институте им. Горького на отделении поэзии в семинаре Юрия Левитанского. Профессиональный литератор, автор пяти прижизненных стихотворных сборников, публикаций в журналах «Арион» и «Дети Ра».

Редакция благодарит В.В. Седова за помощь в подготовке публикации.

Бесконечное письмо

Франция, VIII в

1. (Фрагмент письма. Вонзая зубы, мышшь не думает о вечном.) ...к бесам просьбы! Будь правдой то, о чём ты говоришь - и мне, возмож (размыто) не пришлось бы в повозке спешно покидать Париж.

Да, это был немислимый позор. Пожар, раздутый слухами. Похоже, изба и до сих пор рождает сор, невыносимый, точно зуд по коже, неутолимый - ни сейчас, ни впредь. Я знаю парня - он родится позже, его сожгут. Я не хотел сгореть.

2. О трусости. Мой мальчик, трусят все. Хрустальный блик на утренней росе глядит на солнце и дрожит в тревоге, безбожно трусит белка в колесе безбожник трусит, думая о боге, трусит лошадка, правит бал война-без лишней крови, шалостей и танцев, арабы бьют трусливых аквитанцев, Мартелл громит арабов, из окна лепечет пламя, мечутся и вьются синицы. И дрожит моя рука от страха не успеть и не коснуться, не дописать письма, не дотянуться издалека.

В Аахене, ютась во флигеле, на преющей попоне выкашливая лёгкие, я понял, что всякий страх - вторая ипостась (пятно) нехватки времени. Погони за всадником с бубонным бубенцом. Так что теперь - спешить? Гадать на звёздах? Я, может быть, успел бы. Жаль, что воздухсжимает горло медленным кольцом.

3. (На сгибе - чья-то грязь. Увы, Европа

не любит мыться со времён потопа.)

...цинично? Пуркуа бы и не па. Парфюм. Чума. Костры. Кресты. Толпа. И, как сказал мне киник из Синопа, мор, порождая массу ярких чувств, способствует развитию искусств.

Загвоздка не в чуме. Загвоздка в людях. В смеющихся. В играющих на лютнях. В кующих мундштуки для лошадей. В жующих сыр. В рожающих людей и их же убивающих - за слово, за честный грош, за краденый пятак, за веру, за углом, за просто так - забавы ради. Рьяно. Бестолково. Задумчиво. С ленцою.

Палимпсест - прекрасный символ перемены мест, подмены мыслей, смены поколений, замены тел, перестановки вех. Когда лидиниановы «Анналы» сдирают низкорожденные галлы кусками грязной пемзы и поверх наносят блажь святого Августина, мне хочется немедля перейти на папирус, в итальянские зады гусей воткнуть обратно *penpa avis*, воскликнуть «*avva penis*», вырвать завязь кощунственного действия.

Полбеда в поступках, да. Но главная беда - в решениях, холодных, точно клизма цыкуты. Для адептов классицизма убийственна активная среда, подобная побегам дикой сливы в прорехе древней каменной стены. Я каменею, мальчик мой. Красивы все эти новомодные курсивы,

ласкают глаз - но разуму вредны. Отсюда не (отсюда нечитаем кусок в пятнадцать строк)

...к стадам и стаям.

4. Поэзия - печальная овца с невыразимо умудрённым видом. Я тайны государственной не выдам, сказав, что в мире не найти лжеца искусней, чем поэт. Он жжёт, как дышит. Он слышит, как дыхание колыхает тугую прядь у светлого лица, он видит, как пульсируют сердца, укрытые в темницах нежной плоти, отращивает крылья и в полёте прядёт любовь из локонов и слов - и мир плывёт в расставленные сети. От честных глаз до живых потрохов он - полное собрание грехов. Мой мальчик, аплодируя труверу, не смей ни звука принимать на веру!

...но как же это вышло, что на свете нет ничего правдивее стихов?

5. Об овцах - всё. Пора идти к баранам. Признайся, (здесь пятно) казалось странным в тот день, когда учёный римский муж, тонзурой, точно лилией, белея, за кафедрой потел, сопел и блял, и скрыть пытался, что не слишком дюж в дебатах про переселенье душ. Триумф. Я хохотал, я издевался, был полон яду и осиных жал. Закончилось неловко. Он остался,

О доводах, смущающих рассудок: меня, бесспорно, можно убедить. Вот, например, стрелой в пустой желудок.

6. (цепочка бурых пятен) ...альчик мой, так жарко этой проклятой зимой, что даже солнце пробует укрыться в моей тени.

Другие в эти дни, ох, ладно - годы, ползают молиться, присматривают землю, раздают подачки нищим, подкупая суд. Меня же угораздило влюбиться. По-алемански - аллес гут, капут. И перестань смеяться. Я ведь вижу, как ты в кулак хихикаешь бесстыже над старым дурнем. Да, она мила. Точней, красива. Нет, великолепна. Нежней воды. Торжественней молебна. Прекрасней быстрой смерти. Ночь. Стрела. Прозрачная балтийская смола в ночном приливе. Искра в глубине густой янтарной капли. Свет во мне, увязшем в этой искре, точно птица в порыве ветра. Сердце в тишине. Звенящий голос приручает листья и ливни, льётся, освещает лица...

Спустя десяток сотен лет, о ней в австрийских снах я спрашивал у Листа, и Ференц мне ответил: «Это сплав материи и музыки». «Он прав, - поддакнул Вагнер. - Музыки и слова».

Любовь слепа. Влюблённость бестолкова. Прекрасны обе. Запахи дождя и облака почти неотличимы. Очередную строку вывода, обнять, вдохнуть и умереть. И снова взывать обетованных губ - причины огня, цепей, дыхания и гроз. Шампанскую сияющую гроздь с лозы срезая, видишь, что, и правда, похожи, как две капли винограда,

любовь и смерть, распятие и гвоздь, стрела бандита и стрела Амура- (плывёт строка) сбиваешься с аллюра, кричишь, бежишь к чужому кораблю, и горько понимаешь, что «люблю» твоё - бес... (неразборчиво: «полезно»? «площадно»? «печно»? «сильно»? «тактно»?)

Бездна.
Забудь, молю.

7. (Огромное чернильное пятно. Изящные словесные пассажи издохли в кляксе комеди и сажки.) ...кормить свиней. Политика - окно в сарай с корытом.

Извини за лужи. Не стану перематывать клубок; одной рукой придерживая бок, всегда ориентируешься хуже. О чём я? Да, о боге. Что им - бог, кузнец, купец, поэт, учёный, нищий? Плеть предержавшим густо наплевать на всех. На всё. Тебя объявят пищей. Войдут в твой дом, воткнут по рукоятку и вдумчиво начнут употреблять.

И это не изменится. В последний, больной, недолгий двадцать первый век, где мы ещё не встретились в передней индийских сизых Анд, где имярек ещё не отвернулся, но уже закрыл лицо ладонями и видит, что в созданном когда-то мираже фальшиво насквозь всё, и что не выйдет из миража ни мира, ни войны, ни даже перемирия; где сны не отличить от вымышленной яви, где правит бал пластический хирург, властитель туш,

холодный демиург

над грудями стандартных тел и душ, кроит по мясу к чьей-то вящей славе. Мозги с мукой мешая на цепях, подобно псам, они растут в цепях. Одни дают, другие продаются: каёмочки, фаянсовые блюда, штрикод на лбу, слегка наискосок, и ценники, как бирки с именами, картонными сверкают орденами на пальцах ног.

Накинув плащ, я собираюсь в сад, но над каменными складками плаща струится плющ, а по волне плюща толпа идёт - тысячелико, жадно - рукоплещая.

(И снова - частокор чернильных пятен) ...спереди и сзади. Мне не хотелось жить, на это глядя. И я ушёл.

8. Сегодня было холодно. Да-да, я знаю: солнце, пыль во рту, вода воняет чем-то тусклым, соль и солод. Жара. И я благодарю за холод, покуда пар выходит изо рта. А времени - на доньшке. Проститься? Допить? Разлить? Похоронить в углу за паутиной? Чьи-то руки. Птица. Темно. Пора выгаскивать стрелу.

В балетных па предсмертной дурноты есть нечто утомляющее. Грустно, что ты не помнишь будущего. Грузно идёт секунда. Улыбнулся ворон из темноты, перешагнул между.

Когда-нибудь увидимся. И ты меня узнаешь первым.

(Текст оборван, но я пишу. Я всё ещё пишу.

Ещё не ветер. Пусто. Облака, как ялики, слегка качаются в распахнутом стекле. С ветвей срываются антоновские яблоки, плывут к земле.

Слова стареют. Что ни слово - то пословица. Гуденье ос и гуще тени по стволам. Очнётся полдень. Яблоко разломится напополам.

Шипучий сок прольётся забродившим золотом, огладит холодом от головы до пят. Уже летает дождь, и воздух пахнет солодом, и осы спят.

Отменяем последнее действие. Взлом событийности. Скучный монтаж мишуры. Поцелуй через небо. Лицо за стеклом. Электронная версия старой игры.

Технология жизни без боли. Беда - в защищённости чувств. Безопасный транзит. Не пугает ничто, никого, никогда. Никогда. Никому. Ничего. Не грозит.

Вот мы и не увиделись. За лето засохло всё, что требовало влаги. Сезон ресниц. Стрельба из арбалета в бочонок из-под выпитой малаги.

Полёт на наконечнике. Гитара в холодных пальцах. Вспышка кокаина и гонка на взбесившемся «Камаро» из джунглей в горы, вверх по серпантину.

И море. Пахнет порохом и сеном от партизанской ржавчины и стали, от ночи у старьёвщика на сером, когда-то разноцветном одеяле.

Прости. Немного слишком откровенны желания и действия. На марке с почтовым штампом - профиль Картахены. Проси. Тебе воздастся. Это Маркес.

И это - одиночество. Беглянка, монахиня, хранящая за крохи любви чужую память, точно склянка с водой из доколумбовой эпохи, возьму тебя у терпеливой пыли, войду, огнём и осенью наполню. Ты говоришь, мы были вместе? Были. Наверное, мы - были. Я не помню.

Эстония

Игорь КРАЙНИЙ

Родился в 1940 г. в Самарканде.

Образование - незаконченное высшее.

Пишет с юности. Имеет два сборника: «Жизненное» и «Кредо». Заканчивает третий - пока без названия.

Живёт в Эстонии.

ИЗВИНИТЕ МЕНЯ...

...Задождило, как видно, надолго:

Барахлит что-то там, в вышине...

Я иду по священному долгу:

ИМ не надо - так хочется мне.

...Здесь - кресты, обелиски и тленье...

Моросит... Всё в туманистой мгле...

Вот - уже преклонились колени,

Да и голову тянет к земле:

- Извините меня, ради Бога,

Что давненько у вас не бывал:

Пообсохнет земляца немного -

Всей семьёю устроим аврал.

А ейчас, откровенно, мне нечем

Сорняки известны на корню...

Вот цветы... Каплют слёзами свечи...

Да, похоже, и сам урону...

БЕС В РЕБРО

...Не довольствуюсь «синицей», я поставил на «зеро»,
Чтоб погладить, коль случится, жароптицево перо:

Выдал фортеля такого, устремляясь к высоте:

Прыгнул с берега крутого, и - свершилось! - полетел.

От земли весеннее-грязной, от машин, снующих там,

И от дрызг, и от миазмов поднимаюсь к облакам.

Вижу лес и кромку моря, солнце - мой ориентир;

В ослепительном просторе я - один на целый мир!

Мне подвластны пируэты, «рон де жа» и «пор де бра»:

В потрясающем балете кувыркаюсь... Но пора

Возвращаться. Понимаю: порезвился и - хорош!

Здесь, хотя и ближе к раю, райской жизни не найдёшь.

Небо - вотчина пернатых и - воздушных кораблей,

Ну, а мне мои пенаты и привычной и милей.

...Тут проснулся я, но что-то вещей птицею поёт:

Дом, покой - и песнь полёта: что же всё-таки - моё?

МЕСТЬ ПОЭТА

Нет, не кочевников набеги -

тут пострашней пришла беда:

сожрала всходы и побеги

зелёной нечисти орда.

...Англоизысканности бездна,

граф бросил вскользь, из-за плеча:

«Пожалуй, съездите, любезный -

что это там за саранча?»

Ну как перечить генералу?

и наш поэт, приятель муз,

прямой потомок Ганнибала,

всей кожей чувствуя конфуз,

хлебнул анисовой настойки

(поднёс растерянный слуга):

«Что, мне придётся мухобойкой

разить крылатого врага?..

...Павлин надутый, хам, невежда! -

Со мною так себя вести?

Ужо пилюль немало съешь ты:

дождёшься, мать твою ети!»

...Бои за честь всегда жестоки,

но стихотворец ликовал:

в пылу борьбы рождались строки,

разя сарказмом наповал.

Нам скажут - что за мелодрама? -

Такого нынче - пруд пруди!

И - что для графа эпиграмма?..

...Мораль (терпенье!) впереди:

Конечно, был почти всеилен

фельдмаршал будущий и князь,

но чтит-то Пушкина Россия,

над царедворцами смеясь!

Генрих Кирсанов

О СЕБЕ:

Родился в 1938 г. Ухитрился дожить до сих пор.

Любовью к поэзии «заразили» отец и старший брат. Оказалось - неизлечимо...

Проживаю в Эстонии.

* * *

Ну как уйти, когда остаться просят?
Как оторвать от целого кусок? -
Испить ещё глоток не стыдно вовсе,
Когда «один» - пока не «одинок»...

Но как остаться, если поздно очень -
В окно глядит, зевая, темнота,
Лимит тепла истрачен и просрочен,
И невозможно - с «чистого листа»?..

И потому едва не каждый день я
Того, чьи мне неведомы пути,
Прошу: избавь меня от искушенья
Не во-время остаться иль уйти!

ТАК БЫВАЕТ

Так бывает: в негаданный час
Обдувает неведомым ветром,
И становится призрачно-светлым
Мир, плывущий в кристалликах глаз.

Так бывает: привычным бездумьем
В голове беспокойно роюсь,
Вдруг густеет словесная вязь
Ипостасью высокой безумья...

Вот опять, вот опять, вот опять -
Будни корчатся в лапах тумана,
И души невесомая кладь
Тяжелее тревожно и странно.

Там, в её закоулках пустот,
Предвкушеньем немим тяжелея,
Золотистой найей* ползёт,
Вся к броску изготавясь, Идея.

Значит, что-то свершиться должно,
Значит, что-то открыться готово? -
Ключ к открытию - вешее слово,
Но его-то мне - и - не дано!

И в безвыходности зависая,
Жадно кольцами сердце обняв,
Ох, как больно, как больно кусает
Беспощадная найя меня!

*найя (паја паја) - очковая змея, по инд. поверьям - дух ночи

ЗВЕЗДОПАД

...Сквозь метеорный рой
ночью плыла Земля -
искр золотых игрой
к небу прикован взгляд...

- Мама, гляди, гляди:
звёздочки к нам летят!
- Ангелы конфетти
сыплют тебе, шутя
(Маме явленья суть
до тошноты ясна:
ведомо - где-нибудь
вновь началась война).

...Ярок на сцене свет;
всеми артист любим -
вот уже много лет
голосом жжёт своим.
Только умолкнет он -
рукоплесканий шквал,
словно прибойных волн
грохот в изножье скал...
...Позже, почти без сил,
рухнет в пучину сна...
Славы - тогда спрости -
не высока ль цена?

...Звёздные спят поля;
Солнцу подставив грудь,
в нимбах надежд Земля
свой совершает путь...
- Дитяtko, не ленись,
звонче играй и пой:
лишь на рассвете жизнь -
будешь и ты звездой!
Будешь, богат и сыт,
денежками швырять,
будешь, как в масле - сыр
(и - не забудешь мать?!)

...Вечно кружит Земля
в сонме «планид»-планет,
искрами душ пыля,
тьма догоняет свет.

...День на закате мглист,
до горизонта - шаг:
выпел своё артист
и перестал дышать...

- Мамочка, снова вниз
яркая мчит звезда!
- Ну, так поторопись,
что-нибудь загадай!..

ВАЛЫ ЭПОХ

(Георгио Георгиевскому - поэту и барду)

Валы эпох, взметаясь, опадают,
Но свитки волн и руны их гребней
Окапывают берег наших дней -
Былых деяний летопись седая,
Тая загадки в тёмной глубине.

А здесь, на кручах дел первостепенных,
Рутини цепкой торжествует власть:
Кому нужда, над галькою склоняясь,
Шипящей и пузырящейся пены
Рассматривать узорчатую вязь-

И некогда, и незачем, и жалко
Заикливаться нам на ерунде,
Постичь пытаюсь, кто, когда и где,
В союзе с кем, и с кем затеял драку,
Богов зовя на помощь и вождей.

Так мыслим мы и так ворчим, зевая,
Но тронет струны бард и запоёт -
И стихнет околдованный народ,
И крепнет связь времён, и оживает
Неслыханных страстей круговорот:

Добро - и зло, и подвиги во имя... -
Всё внятно нам: иным гршим и мы.
...Рокочут струны, окна душ омыв,
Рокочет голос, чарами своими
Смягчая очерствевшие умы!..

Вещай же, бард, чтоб ярче осознали
Мы, прежде чем Танатосу предстать:
Жизнь без огня - тупая суета,
Бесмысленность корявых маргиналий
На «Книги Судеб» красочных листах!

МИРЫ

(к выставке картин О.Высоцкого «Дыхание космоса»)

...В непостижно далёких, бездонных глубинах Вселенной,
где громады галактик хвостами метут пустоту,
возникают миры - прародители жизни нетленной,
чьи зародыши мыслью сквозь глыбы веков прорастут.

И, клубясь в переливах неведомых форм и расцветок,
распирая объёмы пелёнок и коконов, жизнь
всё же брызнет однажды из пут тяготения где-то,
чтоб упругой волной в первородную мглу унестишь:
многомерностью чувств постигая континуум тёмный,
в аксиомы пространства вникая касанием фибр,
расчленил рычагами послушных надмирных законов
даже вакуум самый - Дирака* межзвёздный эфир!

Точка - разума капля, ничтожнейший космоса атом -
расплывётся вовне, мироздания новый Эдем,
о себе возвещая коллапсами красных гигантов
и пожаром Сверхновых - крушением ветхих систем.

Расстоянья - ничто, если дюзами аннигиляций
иль - мгновенно толкаемы - сгустками мощных полей
вдаль протянутся чуткие сенсоры цивилизаций
и, возможно, приблизятся к, может быть, мёртвой Земле.

Что же здесь обнаружат «на пир припоздавшие» гости,
кроме праха веков и ненужного знания крох? -
Откопают хранилища - памяти пыльной охвостья,
свитки давних времён, партитуры ушедших эпох?

Нет, они не поймут наши образы, рифмы и ноты -
эфемерные знаки уснувшей культуры земной,
но, увидев (промыслив, восчувствовав) ЭТИ полотна,
удивятся: «Они - всё о Космосе знали давно!»...

*Поль Дирак - англ. физик, обосновавший материальную природу вакуума

КОГДА-НИБУДЬ

Когда-нибуд (а может, никогда-)
Покинет зло навек пути земные,
И, прах его развеяв без следа,
Омоют небо ветры озорные.

«Мир на земле» - под формулой простой
Бескровно всё живое будет греться;
Сияя Вифлеемскою звездой,
Взойдёт «благоволенье в человецех».

Добру препон не станет и границ,
И мудрый век найдёт, конечно, способ
Выращивать на фермах «синих птиц»,
Чтоб каждому своя досталась особь.

Ромео обретут своих Джульетт,
Макбеты вымрут, захиреют Яго,
Смешным сомненьям Гамлетов ответ
Не даст ненужной ставшая отвага.

И те, далёкие, увы, сочтут за труд
Минувшее постичь с усмешкой хмурой,
И нас, порочных, просто не поймут
Со всею нашей нынешней культурой!

...Подвижники скрипящего пера,
Страстей и гроз роняющего ноты,
Живите в нашем горестном «вчера»:
Вам не найдётся в цветнике работы!

Там будут - свет, безоблачный покой
И радуг вдохновенные поэты,
Не смеющие дерзостной рукой
Творить «замысловатые сюжеты».

...Тогда-то - вот тогда и грянет крах:
Истает Разум, отвративший беды...
О благодать победившего Добра!
О слабость торжествующего Света!

МОЛИТВА

Донёсся зов: «Пора, мой друг, пора!...»*
сводить концы, считая и итожа,
перешерстив «когда-то» и «вчера»,
где корни зла и лепестки добра
переплелись... Разъять захочешь, Боже?

«Аз же есмь червь», один из «малых сих»,
рождённый ползать (в чьей-нибудь прихожей?),
взлететь не смог, но суть «своих двоих» -
пусть это засвидетельствует стих -
постичь сумел. Зачти мне это, Боже!

Бьясь об углы в потёмках бытия,
я шёл на свет, «сумняшесь ничтоже»,
коварных истин поглощая яд;
вот потому, смущением объят,
сейчас ропщу (Ты слышишь это, Боже?):

- Ты всемогущий, Ты и всеблагой -
зачем же скорби в этом мире множишь? -
И, плыть готовый Млечною рекой,
склоняюс перед Верою людской,
а сам - увы... Прости мне это, Боже!

Но даже - за неверие судим,
готов - до исступления, до дрожи -
воспеть Тебе из бездны адской гимн,
когда вердиктом праведным Своим
за лицемерие - суровой спросишь, Боже!

*А. С. Пушкин - «Пора, мой друг, пора! Покоя сердце просит...»

Месье Бизе и мадам Тюссо

Обращали ли вы внимание на кинематографический приём: стоит сопроводить любой кадр классической музыкой, и он обретает совершенно иное значение? Человек ли стоит у окна, волна набегаёт на берег, ребёнок ест яблоко, качается ветка, - поставь фоном хоральную прелюдию Баха, и у всего появятся глубина и новые смыслы, ибо музыка - философский камень, превращающий всё в золото. Из кинематографии метод перетёк в клипы и дал зелёный свет термину и явлению под названием «клиповое сознание», штампуя подзвученные картинки и слегка удешевившись по дороге, ведь по законам рынка именно доступностью формируется массовый продукт. Опера, обладая изначальным сокровищем музыки, будучи той самой *рукой Мидаса*, впустила в себя новую режиссуру, иные трактовки сюжетов, уход от традиций статичной пышности - и подняла неприхотливость клипового сознания до своего уровня.

Постановка «Искателей жемчуга» Бизе в Королевской опере Фландрии дала увидеть этот процесс без утайки. Это именно тот случай, лаконично сформулированный ганноверским музыковедом В. Брайниным-Пассеком: «Покажите что угодно, только пусть это будет убедительно». Идя на премьеру с определённым, привычно заготовленным в виде самозащиты скептицизмом, ты утрачиваешь его без остатка по мере развития действия, происходящего, согласно либретто, на Цейлоне в неопознаваемые времена.

Позволю себе привести несколько соображений по этому поводу.

Ориентализм в искусстве, в частности в музыке, в эпоху глобализации и особенно на фоне политических реалий давно утратил своё декоративное значение. Все турецкие рондо, оперные серали и абу-гассаны, «Алжирские этюды» и «Восточные стихотворения», когда-то воспринимаемые мало передвигавшейся по земному шару публикой как экзотика, утратили свою прянность. Судите сами, сюжет «Искателей жемчуга» таков: на острове Шри-Ланка племя ныряльщиков за жемчугом выбирает вождём храброго Зургу; жрец Нурабад застигает нарушившую обет целомудрия жрицу Лейлу на свидании с Надиром; влюблённый в Лейлу Зурга узнаёт в ней свою давнюю спасительницу (по сохранившемуся ожерелью) и жертвует собой, чтобы отвлечь гнев племени от

влюблённой пары; следует поджог им целого селения, Зургу бросают в костёр. Сюжет, достойный Гюго, особенно что касается ожерелья и костра, но мало подходящий, чтобы тронуть публику двадцать первого века. Неужели стоит громоздить на сцене пальмы и хижины и наряжать певцов в шкуры и бусы, чтобы всё прозвучало *убедительно*?

Постановщики спектакля, они же и декораторы, антверпенский творческий коллектив из четырёх человек «FC Bergman» переносят действие... в дом престарелых. И попадают в болевую точку, в самое уязвимое место человеческой души: в трагическое осознание необратимости времени. Всё происходящее - это воспоминания героев, накладывающиеся на их нынешнюю реальность, на их последние беспомощные дни в этом мире, и вкупе с лиричнейшей музыкой это оказывает сокрушительное воздействие.

Опера идёт целиком без перерыва: у стариков слишком мало времени, чтобы отпустить публику в буфет. Спектакль показывает Зургу в приюте, где время от времени буднично умирает кто-то из обитателей. Умершего тотчас увозят на носилках и помещают в холодильную камеру, очевидно, для пущей сохранности до составления протокола о смерти. В этом же доме появляется старый НаDIR и несколько позже-полуживая Лейла, до того дряхлая, что куда там графине из «Пиковой дамы». С появлением Лейлы, с первым звуком её пения просыпается и любовь, что не умерла в стариках.

Голос любимой женщины, этот дух молодости, некая нематериальная субстанция без видимых отметин распада - вот что возвращает цепенеющие тела к жизни.

Немаловажной в психологической прорисовке характеров персонажей оказывается и следующая деталь, которую легко было бы не заметить. Во время пения Лейлы скачущая медестра, пережидаящая возню подопечных в сторонке, пытается незаметно закурить прямо под наклеенным на стене запрещающим знаком. В самой же гостиной хор стариков, воодушевленных пением Лейлы, выхватывает из карманов нелегальные зажигалки, которые, оказывается, есть практически у каждого, и размахивает ими, как на рок-концерте. Эта скромная мизансцена, не длящаяся и полминуты, словно напоминает: человек жив, пока он дер-

зает преступать запреты, пока он бунтует, пока сопротивляется самому слову «нельзя», к чему бы оно ни относилось.

Вращающаяся декорация позволяет увидеть не только скудный нынешний мир одинокой старости, но и прежний - тот, *когда трава была зеленее*. Благодаря конструкции выгородки и игре света, опера практически добивается памятного эффекта Дж. Кэмерона, одним наездом кинокамеры воскресившего затопленный проржавевший «Титаник». Предстоящая взору панорамная картинка с застывшей морской волной и чайками, зависшими в вечном полёте, открывает портал в ту невозвратную жизнь, которая осталась только на фотографиях - недаром в приюте Зурга с помощью проектора показывает пенсионерам потускневшие слайды пловцов, искателей жемчуга, понимай - ловцов молодости: белозубых, загорелых, счастливых. Эта застывшая волна возвращает зрителей в мир погибших курортных фотоателье с их реквизитами из папье-маше, в мир подкрашенных открыток, камушков и ракушек, приветов с Ривьеры или из Анапы.

Человеческой памяти присущ удивительный феномен: хотя фотография фиксирует лишь мгновение реальной жизни, со временем сама память сокращает воспоминание до рамок этого визуально запечатленного момента и смыкается с ним, забывая все оставшееся за кадром. Человек смотрит на самого себя в прошлом как бы со стороны, продолжая там присутствовать. У действующих лиц оперы есть дублиеры - безмолвные молодые люди, замершие на фоне вечной бирюзовой волны, как фигуры из музея мадам Тюссо. Первое воспоминание: юные НаDIR и Зурга, стоя рядом, смотрят на Лейлу, лежащую на волне. Проворот круга: НаDIR и Зурга еще рядом, но Лейла уже на берегу, и НаDIR смотрит в ее сторону. Еще круг - полная отчаяния и бури последняя живая картина: Зурга и НаDIR в броске, в борьбе, в противостоянии, со взметнувшимися полами одежд - и Лейла, оцепеневшая в порывистом движении, с взвихренным прибрежным ветром подолом. Мало того, что визуально это подано очень красиво, с искусной фиксацией складок одежд и выверенной мимикой лиц, что придаёт невероятную правдоподобность картинке, но ещё и психологически это очень точно приближено к собственно эстетике восприятия прошлого, *прошлого вообще* - неважно, какой временной отдалённости.

Буря воспоминаний персонажей порождает драматичное пробуждение застывшей четы: пара нагих танцоров с чарующей пластичностью, с акробатической ловкостью рисует страсть, захватившую когда-то молодых Лейлу и НаDIRа.

Поразительно в постановке решена роль Лейлы. Певица проводит половину спектакля в сложнейшем силиконовом гриме, будучи заперта в нём, как в скафандре, с головы до пят. Во втором действии, когда накал чувств при дуэте с НаDIRом достигает апогея, она снимает грим с себя, как спускают платье на любовном свидании, выпрастывается из уродливой старости, как бабочка из сморщенного кокона, и снимает кожу с лица - это производит мощное впечатление. И отныне на сцене царит юная Лейла, та, какою она была и какою осталась в памяти НаDIRа и Зурги - круглолицая прелестная девушка с каштановыми кудрями и матовой гладкой кожей, - такой Дориан Грей наоборот.

Развязка вполне закономерна, ведь реальности никто не отменял. В третьем акте чайки лежат кверху лапами, волна тускнеет, и работник богадельни, прежде возившийся с устройством аквариума, принимается её подкрашивать, взобравшись на стремянку. Нам словно дают понять: всё-

таки волна была гипсовой... и, верите ли, от этой мысли испытываешь боль. После драматичной сцены объяснения с Зургой Лейла завязывает себе глаза и вслепую устремляется вверх - по волне, мимо добросовестного служителя, туда, где - на небесах? - уже ждёт ее НаDIR. Зурга противостоит Нурабаду, защищая ускользнувшую чету и давая ей выиграть время. Ему выпало остаться одному, без друга, без любви, - он всё равно что мёртв. Служители раздевают его, и он сам медленно идёт к холодильной камере.

Против ожидания, музыка не идёт вразрез с психологической атмосферой спектакля, как это часто бывает при перелопачивании сюжета режиссёрами в попытке «осовременить и приблизить». Пожалуй, можно понять, почему корректировка сюжета так «легла» на душу: мы всё же имеем дело с *французской* оперой девятнадцатого столетия. Конечно, восточный дух в ней присутствует, но не настолько, чтобы встать стеной перед западным слушателем, мол, это всё не про нас. Кроме того по общим лирическим темпам опера органично смыкается с темпом физического угасания человека, нисходя от *moderato* к *morendo*. Разумеется, было странно слышать время от времени совершенно несообразные с обстановкой реплики, вроде «Я охотился на ягуара и пантеру», как говорит при первом появлении престарелый НаDIR, или призывы хора продолжать петь и танцевать в честь Браммы, хотя добрая половина этого хора сидит в инвалидных креслах. В конце концов это можно было воспринять как возрастные отклонения. Главным было не это. В лиричности и проникновенности спектакль шел рука об руку с партитурой гениального Бизе. Сколько удивительных обещаний - помимо всемирно известных романса, дуэтов и арий - слышно в творении двадцатичетырёхлетнего композитора, ещё не написавшего «Кармен». Одни только валторны, сопровождавшие вокальную партию Лейлы, словно предсказывают будущую Микаэлу, не говоря о прочих шедеврах мелодики и инструментовки.

Опера была спета и сыграна на едином дыхании вокальным коллективом и оркестром под управлением молодого бельгийского дирижёра Давида Рейланда, ставшего в прошлом сезоне также первым - за двадцать лет - «своим» дирижёром за пультом Национального оркестра. Молодых Лейлу и НаDIRа танцевали Бианка Зуэнели и Ян Дебоом. Нурабада исполнил молодой бас Станислав Воробьёв, он же сыграл в мимических картинах молодого Зургу. НаDIRа спел американский тенор Чарлз Уоркман, знакомый россиянам по роли Финна в «Руслане и Людмиле» в постановке Большого театра. Тембр его гибкого голоса очень светлый и чистый, но на верхах партии, буду откровенна, он звучал то что называется жидковато. Самые страстные аплодисменты от поднявшейся на ноги публики получили Зурга и Лейла. Зургу спел итальянский баритон Стефано Антонуччи, голос его, обладающий некоторой вибрацией, был уравновешен удивительной игрой, редкой по благородству и достоинству. Лейлу блистательно спела, продемонстрировав не менее блестящую актерскую работу, сопрано Елена Цаллагова, успешная солистка многих европейских театров.

Пусть персонажи «Искателей жемчуга» не обрели счастья. Зато зрители, бывшие в этот вечер в театре, воистину нашли бездну жемчужин, и отнюдь не мелких.

Майя Шварцман

фото: Аннеми Огюстейнс

Любовь Казарновская:

«Могу получать удовольствие на сцене, а не стыдиться позвать друзей и близких на скандальные спектакли!»

В этом сезоне знаменитая оперная примадонна Любовь Казарновская - профессор, лауреат премии Ленинского комсомола - празднует красивый юбилей: сорокалетие творческой деятельности.

С Любовью Юрьевной побеседовал Александр Матусевич.

- Что это было за знаковое событие, с которого вы ведете отсчет?

- Господи, страшно сказать: сорок лет назад состоялся мой первый сольный концерт! Я училась на втором курсе Московской консерватории у И. К. Архиповой и у ее и моего легендарного учителя Н. М. Малышевой-Виноградовой, которая и поставила меня перед фактом: «Любанчик, мы с тобой поем сольный концерт в знаковом для России ГМИИ им. Пушкина. Программа - Пушкин на все времена. От композиторов его времени до Свиридова». Я оторопела... Как? Сольник? С самой Надеждой Матвеевной за роялем! Она ведь работала со Станиславским, аккомпанировала Шаляпину, занималась с Гяуровым, Архиповой, Любовью Орловой. Но та была непреклонна: «Будем серьезно готовиться!» И этот концерт состоялся... Какие пришли люди - сегодня даже в мечтах невозможно себе представить такое общество - весь цвет отечественной филологии: Лихачев, Алексеев, Андроников, Лотман, Чудаков и др. Директор музея И. С. Зильберштейн, человек исключительных знаний и гениально профессиональный музейщик, встречал гостей, показывал раритеты запасников музея, дары семьи Виноградова-Малышевой, рассказывал о тайнах пушкинских времен. Пришла и Ирина Константиновна. В общем, вечер превратился в настоящий гимн великому гению Пушкина и еще раз дал возможность мне, совсем юной певице, прикоснуться к духу той России, который поддерживали такие замечательные, выдающиеся люди.

- Ваш первый театр - Театр Станиславского, который празднует в этом сезоне большую дату. Что самого замечательного от первой вашей оперной пятилетки вы храните в памяти?

- Хочу поздравить мой первый театр, первый дом, который мне так много дал в жизни! 100 лет жизни явлению, основанному блистательными художниками, новаторами, смелые искания которых и в драме, и в музыкальном театре перевернули представление об оперном артисте, его существовании в музыкальном действии, о концепции постановок на оперной сцене. В памяти храню тот великий дух театра, что был жив, благодаря еще тем самым «старикам-станиславцам», как их все называли, ибо именно они не позволяли театру терять ту столбовую дорогу и ориентир на «жизнь че-

ловеческого духа на сцене», который не давал превращать спектакли в демонстрацию вокальных данных или безумных режиссерских фантазий, губящих саму идею театра.

- Вы дебютировали Татьяной, пели прочую классику - русскую и зарубежную, ваш первый Верди тоже случился в Стасике. Наверно каждая из этих ролей были для вас открытием?

- Татьяна, моя первая роль в театре, готовилась долго и очень серьезно. И Н. М. Малышева, которая была педагогом-концертмейстером оперной студии К. С. Станиславского и готовила этот замечательный спектакль 1922 года, перенесенный позже на сцену театра, знала все детали постановки и готовила роль Татьяны со мной по всем ремаркам Станиславского! Со мной занималась Н. Ф. Кермарская, любимая артистка Немировича-Данченко, чудесная В. Каевченко, бывшая в свое время замечательной Татьяной, Л. Орфенова, опытный концертмейстер. На мой дебют пришли эти самые «станиславцы» и дали свои оценки моей Татьяне. Обожаю этот спектакль - это абсолютно фантастическое решение, где Пушкин и Чайковский звучат в полную силу своей гениальности без надуманных, безвкусных находок. Потом была Иоланта, Мими, Недда, Панночка в «Майской ночи», Лида в «Битве при Леньяно», Оксана в «Черевичках», огромное количество сольных концертов с оркестром и роялем на сцене театра, запись оперы «Угрошение строптивой» Шебалина с прекрасными солистами-коллегам. Сделано было много ролей и программ: очень многому научилась, многое поняла про закулисную жизнь, в общем, большой опыт. Нельзя сказать, что я пришла в театр не готовая, *tabula rasa*: уже в оперной студии консерватории перепела много ролей: Керубино, Сюзанна и Графиня в «Свадьбе Фигаро», Иоланта, Татьяна, «Человеческий голос» Пуленка. Так что опыт некоторый был. Но, конечно, театр - это другая планка требований и к тебе, и у тебя к себе. И я начала сразу с больших ролей, никогда не пела моржовые партии - во мне сразу видели героиню. Работала очень много, в театре была целыми днями, думала, искала, слушала, слава Богу, было у кого: отношение к профессии и к молодым тогда было очень внимательным.

- Театр Станиславского всегда слыл лабораторией советской оперы. Вы ведь тоже спели там немало

современных опер? Что это были за роли? И каково это - творить новое, вместе с живым композитором?

- Театр Станиславского всегда был в некотором роде экспериментальным. И нас, молодых, советские композиторы, приносившие в театр свои оперы, выбирали сами. Так было с оперой «Москва за нами» Жубановой, и с двумя комическими операми Хренникова - «Доротеей» и «Золотым теленком». Мы работали, получая замечания, ища нужные оттенки и интонации, с живыми авторами, которые меняли что-то по ходу дела, учитывая особенности голоса и личности. А Тихон Николаевич после «Доротеи» предложил мне подготовить с ним программу с его ранними романсами на слова Пушкина. Это было очень интересно.

- Наверно отсюда, из сотворчества с современниками, ваша отвага петь Равеля, Шостаковича, Рихарда Штрауса. Ведь статуйные примадонны-белькантистки обычно дальше Пуччини не идут...

- Думаю, что у любого исполнителя был соблазн попробовать музыкальный язык и эстетику 20 века. Просто это требует другой работы слуха, голоса, интеллекта. Ведь работая в одном стиле, ты ставишь определенные рамки себе и публике в восприятии тебя, как личности. Это было возможно в эпоху барокко, классицизма и романтизма, а уже веризм - поздний Пуччини, например, - требует других красок, слуховых и вокальных эффектов, а уж Рихард Штраус, Берг, Шенберг, Прокофьев, Шостакович - территория крайностей во всем. Как в свое время было с музыкальными новациями Вагнера, Малера, Веберна: для многих эта территория так и осталась неосвоенной пустыней.

- В Большой вас позвал сам Светланов. Февронию в его постановке пели Галина Калинина и Маквала Касрашвили, состоявшиеся примадонны, выдающиеся наши певицы, но он продолжал искать?

- У Светланова была идея максимально приблизить образ Февронии к тому хрестоматийному юному, чистому, молодому идеалу, который дал бы идее И. Глазунова и Н. Бенуа, художникам спектакля, возможность представить героиню российской юной девицей Марией. Им хотелось уйти от всякой тяжеловесной телесности образа, сделать его девически чистым, прозрачным и проникновенно-трогательным. Был объявлен всесоюзный конкурс, слушалось огромное количество певиц со всей страны. Они выбрали меня: как сказал Светланов, «у нее хороший актерско-вокально-пластический комплекс». Это был огромный подарок судьбы - поработать с великим мастером русской музыки! Для меня это был такой музыкантский и актерский импульс - невероятно!

- Какие оперы, кроме «Китежа», еще вы спели в Большом? Почему, несмотря на большой успех Февронии, труднейшей партии, особенно для молодой певицы, вас не позвали в штат тогда - как вы думаете?

- После Февронии я пела Татьяну, Недду с Атлантовым и Мазурком, Иоланту. Но, как сказал мне Альгис Жюрайтис, «...вас в Большой не возьмут, вы слишком отличаетесь от его эстетики. Вы хотите петь музыку, фразировать инструментально. А надо петь громко и без особых музицирований». Наверное, он был прав. Да и что ни делается, все к лучшему: Мариинке оказались нужны все эти мои качества.

- Вы участвовали тогда в международных конкурсах и занимали призовые места. Что вы в принципе о них думаете? Помогают ли они, нужны ли вообще? Существует столько противоречивых мнений на этот счет...

- Есть певцы-спринтеры, которые могут собраться, как спортсмены и пробежать вокальную стометровку! Конкурсы для таких - спорт! Я не из их числа. Моя эмоциональность мне помогала всегда на сцене, но не в конкурсах. Там надо, как представители Азии сегодня, показывать с «холодным носом» все преимущества техники и спокойствие, самообладание, что часто звучит неинтересно и не наполнено с точки зрения музыки. Но сегодня эра техники, увы, и все только вздыхают о большом, музыкантском подходе в исполнительстве, но одаривают премиями спринтеров. Во многом в этом я вижу проблему скучности, пустоты и потери интереса к камерным концертам. Сегодня принято петь и играть с оркестром по схеме - ария, симфонический фрагмент, опять ария и опять «прокладка». Здесь легче спрятаться за громкими верхними нотами, знакомыми до боли шлягерами. И здесь конкурсы помогают - победил, спел арии с оркестром - и уже звезда! Да и программы сольных концертов сегодня во многом строятся по принципу - «в этом концерте Чайковский-Рахманинов, а в следующем Рахманинов-Чайковский». И получается, что лауреатов много, а личностей со своим стилем, своей тембральной и музыкантской индивидуальностью очень мало.

- Почему вы уехали из Москвы в Ленинград? Кировский - великая сцена, но все же Москва - столица и ваш родной город...

- Ох, сколько людей меня отговаривали ехать в Ленинград - мол, все равно, провинция, с большими комплексами по отношению к москвичам, амбициями бывшей столицы, и солистками, которые будут мешать и т.д. А я была уверена в своем решении и не ошиблась! Тогда было фантастическое время в Кировском театре: царство музыки во главе с Темиркановым, молодые Колобов, Гергиев! Обычные, каждодневные спектакли игрались на замечательном уровне. Новые роли, концерты, работа с замечательными музыкантами, профессиональными коллегами делало мое пребывание в театре невероятно интересным, это все подняло мой профессиональный уровень на ступень выше! «Сила судьбы», «Травиата», «Трубадур», «Дон Жуан», «Фауст», «Онегин», «Пиковая», Реквием Верди, концерты с новыми ариями, романсами, записи на радио, ТВ, фильмы по опере «Испанский час» и оперетте «Цыганский барон» - это лишь часть того, что было сделано за три сезона в Ленинграде. И невероятно дружеская, доброжелательная обстановка в театре. Я очень благодарна этому времени и сохранию в сердце навсегда это тепло по отношению и к театру, и к филармонии, где я спела там огромное множество оркестровых и камерных программ.

- В Кировском вы пели другой репертуар, нежели в Москве, если не ошибаюсь, более драматический. Даже Марину Мнишек попробовали, и по воспоминаниям, это было очень свежо и интересно. Это был сознательный ваш выбор или того требовал театр, Темирканов?

- В Кировском были партии лирические и лирико-драматические, расширился вердиевский репертуар, появился Моцарт.

С Мариной Мнишек была похожая на Февронию история. Темирканов и Покровский видели Марину молодой красавицей, что, собственно, и есть ее суть, которую она и иезуит Рангони желали дорого продать. И памятью слова Римского-Корсакова, что «... Марина - яркая, пронзительно высоко и ярко заявляющая о своих притязаниях на трон, особа», Галина Вишневская спела на записи с Караяном эту партию, доказав правдивость этих слов. Борис Александрович говорил, что эти характеристики подходят звеняще молодому голосу сопрано больше, чем томные интонации и глубина звучания меццо. Ну, конечно, это вопросы вкуса, индивидуального слышания партитуры, но такой вариант возможен, тем более, что и Юлия Платонова - первая Марина, была не меццо, а сопрано. Я пела в оригинальной тональности оркестровки Римского-Корсакова - в фа-диез миноре, что на тон выше общепринятой меццовой версии. Было очень удобно и комфортно. И характер, конечно, очень привлекал: роковая красавица! Сколько потом я таких спела - целую коллекцию!

- Если я правильно понял, именно Кировский открыл вас миру - на гастролях в Лондоне в 1987-м? Что вы пели тогда? Это сразу имело резонанс - последовали предложения, контракты?

- Да, были очень масштабные, успешные гастроли театра с «Онегиным» и «Пиковой», теми самыми легендарными постановками Темирканова: Лондон, Манчестер, Ливерпуль. Я очень удачно пела Татьяну, вышли отличные рецензии. И Роберт, мой муж, рассказывал, что у них в агентстве был запрос из Штутгарта на Мими почти сразу после этого моего успеха. Да и время подоспело: началась, как сейчас выражаются, большая движуха - перестройка, приезжали импресарио слушать певцов. Я получила предложение от Роберта Слововера и спела сольный концерт и концерт с ариями Пуччини в Англии. Потом был огромный гала в «Ковент-Гардене» в помощь пострадавшей от землетрясения Армении, пели суперзвезды Джун Андерсен, Кэрл Ваннес, Франсиско Арайза, Томас Аллен и я среди них. После этого концерта сразу две венские агентуры пригласили меня работать. И в начале 1989-го приехал в СССР Роберт слушать певцов для Венской оперы. А до этого я еще съездила на гастроли с ленинградским Малеготом в Италию. Тоже пела мою любимую Татьяну и получила невероятную похвалу от одного из ведущих критиков-музыковедов Умберто Бонафини: «Это лучшая Татьяна, которую только можно себе представить». Голова закружилась от счастья и гордости - прочитать такое от него, писавшего о Скотто, Френи, Съеппи, Каппучинелли...

- Доводилось ли вам возвращаться потом на сцену «Ковент-Гардена»? С какими ролями/партиями?

- На сцене «Ковент-Гардена» пела неоднократно: Дездемону с Доминго и Атлантовым, с гениальным Карлосом Кляйбером за пультом, пела в очередь с Катей Риччарелли. Это была фантастика! Кляйбер за пультом - само совершенство, что он творил с музыкой - невероятно, это космос целый! Потом была Лю в «Турандот», потом «Веселая вдова» Легара, потом «Египетская Елена» Р. Штрауса с Деборой Войти Кристианом Тилеманом, а также гастроли с этим театром в Баден-Бадене.

- В середине 1990-х вы вернулись уже в Мариинский театр, спели несколько премьер, участвовали в их

гастрольных спектаклях. Кстати, какие это были партии и на каких сценах?

- Мы встретились с Гергиевым в «Метрополитен» на премьере «Отелло», долго говорили обо всем и решили, что будем сотрудничать по возможности. И я стала приезжать в театр, спела много опер, которые потом пела за рубежом: «Тоска», «Дон Карлос», «Свадьба Фигаро», «Китеж», «Игрок» и, конечно, «Саломея». «Китеж» и «Саломею» пела на гастрольях театра в Париже, Риме, Лионе, Мюнхене, Амстердаме, «Игрока» в Париже. Я была очень рада нашему плодотворному сотрудничеству с театром. Но, увы, планы твои и Гергиева не могли все время совпадать: это нормально и естественно, жизнь есть жизнь, у всех она идет посвоему.

- Ваш официальный западный дебют - очень значимый: Зальцбургский фестиваль, Реквием Верди памяти Караяна. Кто были вашими партнерами и каковы воспоминания от того выступления?

- Зальцбург при Караяне был особенным: царство музыки, высочайшего качества и мастерства. Традиции Тосканини, Фуртвенглера, Бема, Караяна - это была планка эксклюзивности и селекции для самого-самого лучшего, что есть в музыке! А с приходом Мортье, к сожалению, все акценты сместились в сторону режоперы, и музыка отошла на второй план. Мортье был хорошим директором в Брюсселе, делал эксперименты, порой скандально-спорные постановками опер. Но Зальцбург - это не Брюссель, он был совсем про другое! Как пишут сами австрийцы, это было «царство музыки, которое мы потеряли с приходом Мортье». А я еще застала тот великий Зальцбург, в который попала по приглашению Караяна. Он удивительно тепло отнесся ко мне и предложил мне миллион всего интереснейшего - и записи, и концерты, и спектакли. И сразу Реквием Верди с феноменальными партнерами - Рэми, Бальца, Каррерас (он заболел и пел чудесный Винсент Кол). Дирижировал Р. Мути, увы, уже в память о Маэстро. Публика стояла со слезами на глазах. Присутствовали все выдающиеся дирижеры нашего времени на этом траурном посвящении маэстро - Шолти, Ливайн, Озава, Кляйбер... Невероятная потеря - смерть Караяна и для мира, и для Зальцбурга.

- Реквием потом вы же пели не раз - кажется, и на гастрольях «Ла Скала» в Москве?

- Да, маэстро Мути сразу после Зальцбурга предложил мне петь Реквием с «Ла Скала» на гастрольях в СССР. И я пела в Большом зале консерватории, где от количества народа чуть не рухнул балкон. Мути не мог начать никак, народ прорывался в зал, кричал, висел на люстрах. Замечательный праздник получился тогда, есть запись, которую слушаешь с огромной радостью.

- Всем меломанам памятен и другой концерт - благотворительный 1989 года в Большом театре в пользу жертв землетрясения в Армении. Вы пели божеественно: как выразился один знаток, от вашей Амелии «вздрогнула бы сама Леонтина Прайс». Это ведь организовывал ваш будущий супруг Роберт Росцик?

- Как позже высказался Марк Эрмлер по поводу этого гала в Большом: «Такого больше не будет никогда: такое созвездие мастеров, которое в наше время невозможно собрать, потому что уже таких просто нет». Действительно, это был фейерверк: Краус, Бергонци,

Кабалье, Каррерас, Панераи, Алиберти, Архипова, Нестеренко, Феррарини, Бозабальян, Титус. Все откликнулись на эту жуткую трагедию и приехали, понимая, что это общечеловеческая трагедия и поддержали Армению! Тогда собрали огромные деньги: 1,2 млн. долларов, невероятная сумма по тем временам. Нам показывали дома в Армении, которые были отстроены на эти средства. А уровень концерта и всех этих великолепных певцов потряс тогда Москву. Один за другим мастера дарили наслаждение публике своим умением, легкостью и красотой звукоизвлечения. Зал взрывался нескончаемыми аплодисментами, криками браво, артистов не отпускали со сцены. Для меня, конечно, это было большим подарком и экзаменом на прочность - принять участие в таком параде мастеров. Я уже спела в Зальцбурге, готовилась к дебютам в ведущих европейских театрах и фестивалях, гастролям с «Ла Скала». В тот вечер я сдала еще один экзамен на профессионализм. Это был большой успех для Роберта, как импресарио, которому, как говорили, удалось, сделать невозможное - собрать лучших из лучших и показать, каких вершин можно достичь в пении и что такое настоящее бельканто.

- Ваши театральные дебюты в Зальцбурге - это «Свадьба Фигаро». Почему Моцарт? Мне всегда казалось, что ваш тембрально богатый голос гораздо органичнее в Верди...

- Моцарт - абсолютный показатель всех качеств исполнителя, лакмусовая бумажка, тест на профессионализм! Там не спрячешься ни за эмоцию, ни за актерскую игру - все просчеты в технике, интонации, фразировке, артикуляции, динамике - все вылезает наружу, у всех музыкантов без исключения. А диапазон!!!! Вителлия в «Милосердия Тита» - что за голос? Соль малой и ре третьей октавы... Недаром был моцартовский ансамбль в Венской Штаатсопер, откуда вышли великолепные певцы, которые, пройдя такую школу, пели все - и Верди, и Вагнера, и Пуччини, и Штрауса. Я должна была обуздать свой темперамент и научить свой голос петь инструментально, подвижно, с хорошим пониманием, как исполнять речитатив, как правильно насыщать моцартовскую фразу тембром, а где его «подсушить». Маэстро Караян услышал во мне эти возможности и предложил «Свадьбу Фигаро», Реквием, запись с ним Доминорной мессы и новую запись «Дон Жуана». К сожалению, записи с маэстро не случились из-за его кончины. Но Графиню и Реквием я спела в Зальцбурге в год 200-летия со дня смерти Моцарта. Готовилась полтора месяца с потрясающими пианистами и коучами, и удалось позаниматься с самим маэстро. Партнерами в «Фигаро» были специалисты по Моцарту - Фурланетто, Аллен, Д. Апшоу, У. Бенелли, С. Ментцер, за пультом вместо умершего Караяна - Б. Хайтинк. Реквиемом дирижировал Баренбойм, а солировали я, Чечилия Бартоли, Фурланетто и В. Кол.

- Почему, спев, и с успехом, Графиню на Пасхальном фестивале (чему есть документальное свидетельство - видеозапись) вы не участвовали в этой же постановке на Летнем, более престижном фестивале? Что помешало этому?

- Все было очень успешно, но настроение всем портил Мортъе, который очень некрасиво высказывался обо

всех проектах Караяна, называя их старомодными и лишенными современного видения, актуального взгляда на постановки. Он просто провоцировал скандалы, это было отвратительно. Ужасно жалко дела всей жизни людей, создававших этот музыкальный Олимп. Мне было так противно все это, это предательство музыкальных идей и смыслов, наполнявших Зальцбург, и я сказалась больной и не приехала на повтор спектакля летом. Я же была, как говорили, «последняя любовь Караяна», и на меня особенно сыпались «шишки» от Мортъе.

- С Моцартом, тем не менее, вы «подружились» достаточно рано, насколько я помню. Есть даже запись с Саулосом Сондецкисом «Дон Жуана» еще вашего советского периода. Что это был за проект?

- К зальцбургскому Моцарту я подошла с хорошим багажом работ с маэстро Сондецкисом. Он замечательно знал и чувствовал стиль Моцарта и очень скрупулезно работал над штрихами, фразировкой, характером певческого тона. Мы спели много концертов с моцартовскими программами и «Дон Жуаном», и записали для фирмы «Мелодия» всю оперу в кафедральном соборе в Вильнюсе. Эта запись и телефильм по ней в Англии получил спецприз на фестивале музыкального кино.

- Вы появились на Западе в Австрии, ваш муж - австрийский импресарио. Казалось бы, сам бог велел, чтобы Венская Штаатсопер стала вашим родным домом?

- Да, странно, но не Вена стала для меня вторым домом. Казалось бы, красавец-город, театр с такими традициями... Но как-то в Вене я всегда впадала в странное уныние. Кстати, по статистике, это город, где безумное количество депрессивных, склонных к суициду людей. И Цюрих, где я немало пела, кстати, такой же. А мои отношения с Оперой начались печально - умерла моя мама, и я не могла петь. И тут появляется в моей жизни Нью-Йорк - открытый, неспящий, легкий и такой понятный! Мы, не задумываясь, сделали этот город центром притяжения своих сил и душ! Это было здорово. А какой тогда был «Мет»! Как семья, что, конечно, заслуга Ливайна и Джозефа Вольпе, директора театра! Фантастические спектакли, встречи после представлений, разговоры, рассказы. Сколько потрясающего общения с выдающимися певцами, дирижерами, режиссерами, людьми из «золотого века оперы» я тогда застала! Восторг и праздник! Какие были вечера в доме Чарли Риккера! Пели вместе с выдающейся Личией Альбанезе, одной из любимых певиц Тосканини, приходил и пел Шерил Милнс, играла чудесная Джоан Дорнеман, ведущая пианистка «Мет». А жена Риккера, дочь фантастического маэстро Фаусто Клевы, бывшего музыкальным руководителем Чикагской оперы, рассказывала обо всех великих, которые пели с ее отцом - Каллас, Ди Стефано, Дель Монако, Съеппи, Тебальди и т.д. Сколько я узнала тогда о тайнах профессии и сколько закулисных историй...

- В 1990-е вы много пели в Америке. В основном все помнят и знают о ваших выступлениях в «Метрополитен», но были же еще и другие сцены?

- Пожалуй, все главные театры Америки и частично

Канады стали для меня более родными, чем сцены Европы: Сан-Франциско, Чикаго, Детройт, Денвер, Хьюстон, Торонто, Монреаль, Бостон. А роли - Татьяна, Вителлия, Тоска, Саломея, Леонора в «Трубадуре», Недда, Мими, Реквиемы Верди и Моцарта, Стабат матер Россини, 14-я симфония Шостаковича. Концерты в «Карнеги-холл», «Алис Тули холл», «Денекей-центре». Из совсем раритетного - концертное исполнение «Лулу» в Филадельфии с Филадельфийским оркестром. Всего не перечислить: очень плодотворное было время.

- Еще одна покоренная вами вершина - «Ла Скала», партия Полины в «Игроке», в которой вы, по мнению многих, не уступали легендарной Галине Вишневской. Но вы ведь пели еще в Италии - не только в Милане?

- Да, «Игрок» стал большой удачей и театра, и певцов, и моей личной. Т. Чхеидзе вместе с Г. Цыпиним сделали очень стильный спектакль. Мы дали десять представлений в «Ла Скала», потом в Париже, Лионе, и Петербурге. И записали на фирме «Phillips» в Голландии. Состав был замечательный - Образцова, Галузин, Алексашкин. Ярко, динамично, смело поставленное действо! Я получала удовольствие от этой роли, и мы с Чхеидзе развернули актерскую составляющую во всю мощь. Полина стала сильным и эксцентричным в какой-то мере характером, неким эхом Алексея. Очень интересно было от спектакля к спектаклю «наращивать обороты» и добавлять красок. Помимо этого в Италии я пела много. Реджио Эмилия, Модена, Парма, Палермо, Неаполь, Перуджа, Флоренция, Венеция: и спектакли, и концерты. Среди партий - Татьяна, обе Манон, Недда, Реквием Верди, Стабат Матер Россини и Дворжака. А свою любимую Саломею я пела в римской академии «Санта-Чечилия».

- В Большой вы вернулись в конце 1990-х с проектом «Портрет Манон». Героический поступок - петь в один вечер столь стилистически разные партии - Массне и Пуччини. Кто-то еще отваживался на это до или после вас? Был ли проект повторен где-то кроме Москвы?

- Я была абсолютно очарована пластинкой Анны Моффо с двумя Манон. И мысль в один вечер их исполнить жила во мне. Но я понимала, как это сложно - разные стили, краски и подача голоса, разный подход у Массне и Пуччини к раскрытию образа Манон. Конечно, были сомнения - смогу ли? Начала серьезно работать с Джоан Дорнеман и Ренатой Скотто. Они уделяли особое внимание колористике, стилю, расходу энергии голоса и эмоций. Было не просто, но я выдерживала работу, наращивая нагрузку, например, пропевала самые трудные места по нескольку раз. Потом началась серьезная работа с Пьером Валле, ведущим коучем «Мет» по французскому репертуару. И уже в Москве - каждый день с Л. Орфеновой впевали и параллельно работали с режиссером Герлинде Пелковски над образами в обеих операх. Спасибо Владимиру Васильеву, возглавлявшему тогда театр, за поддержку и уверенность в уникальности проекта! У меня были замечательные партнеры - Рауль Эрнандес в опере Массне, и, конечно, легендарный Франко Бонизолли в опере Пуччини: оба были так увлечены работой и идеей создать такой проект на исторической сцене Большого! Партии Де Грие в обеих операх, осо-

бенно у Пуччини, это клубок выносливости, техники, актерского высшего градуса, красоты и обаяния. Где такие партнеры сегодня? Раньше были Корелли, Дель Монако, Бонизолли, Доминго, Паваротти, сегодня - увы и ах! И петь с таким, как Франко - невероятный восторг и наслаждение: это настоящий театр эмоций и подлинного мастерства. Знаю, что в такой эксперимент никто не пускался и вряд ли пустится. Я очень дорожу этими воспоминаниями и возможностью, которую мне дал тогда Большой. И счастлива, что есть видео- и аудиозаписи этого проекта.

- Поправьте меня, если я ошибаюсь, но мне кажется, что ваша последняя оперная работа - Войслава в «Младе» в Сан-Франциско в 2002-м. Почему вы оставили, и уже достаточно давно, так любимую вами оперу, оперный театр и сосредоточились на концертах?

- Нет, после «Млады» я пела еще достаточно много: Саломею во Франкфурте, Тоску в берлинской «Дойче опер», «Онегина» и «Пиковую» в концертном исполнении в Финляндии и Норвегии. Но постепенно больше переключалась на концерты - с оркестром и сольные. Знаете, то, что стали режиссеры творить с оперой, то фактически, издевательство над певцом-артистом, которое творится в опере, совсем не вдохновляет на подвиги. Артист становится какой-то марионеткой в руках подчас совершенно непрофессиональных людей. А дальше - больше: сегодня уже пахнет какими-то извращениями бесконечными на сцене, откровенной дьявольщиной. Страшно за свою душу. Играть в эти игры нельзя! Да, я обожаю сцену, но только где царит Музыка, мысль режиссерская, где певец-артист, для которого в конечном счете и создавали композиторы свои шедевры, - центр действия. Поэтому, делая свои концертные программы, я исхожу из идеи театральной - театр одного актера. И около меня креативные партнеры-единомышленники, для которых музыка, новые формы так же интересны, как и мне! Слава Богу, я могу это себе позволить и получать удовольствие на сцене, а не стыдиться позвать друзей и близких на скандальные спектакли!

- Вы пели некоторые партии меццо, включаете в концерты арии для этого голоса. Не пришло ли время Графини в «Пиковой даме» - не столько партии, сколько роли, где нужна харизма большой артистки?

- Я спела Марину Мнишек в сопрановом варианте. Кармен мне предлагал записывать выдающийся дирижер Карлос Кляйбер, но я испугалась тогда, в 90-е, понижать тесситуру голоса. Безумно жаль, представляю, какой интересной и важной для меня стала бы эта работа с таким мастером. Я пою арии из «Кармен» в концертах с огромным удовольствием, но ведь она написана для сопрано с тембральными возможностями окраски нижнего и среднего регистров и обладающими актерской пластичностью. Такие же Шарлотта в «Вертере», Сантуцца в «Сельской чести» (которую я пела с Колобовым), Донна Эльвира в «Дон Жуане». Шикарные роли! Графиня в «Пиковой» - гениальная актерская роль... Открою секрет: уже есть музыкально-драматический проект, где я буду создавать этот образ! Заманчивое и интересное путешествие в глубины шедевра Пушкина и Чайковского.

Недооцененный гений

18 марта 2019 года исполнилось 175 лет со дня рождения великого русского композитора Николая Андреевича Римского-Корсакова

Автор пятнадцати очень разных и самобытных опер, симфонических произведений, камерной и хоровой (в том числе духовной) музыки, Римский-Корсаков прочно укоренен в сознании многих как хрестоматийный композитор-классик со всеми вытекающими отсюда последствиями: художник-реалист, «народник», богато использующий и опирающийся в своем творчестве на народный фольклор, мастер инструментовки, овладевший премудростями оркестрового письма как никто другой из русских композиторов, главный «сказочник» от музыки и в то же время художник-демократ, высмеивающий в своих произведениях пороки старой России и решительно встающий на защиту всего нового и прогрессивного и т.д. и т.п. Откройте любой учебник, любую энциклопедию и вы обязательно прочтете весь этот набор музыковедческих клише, на основе которых сложился канонический образ эталонного композитора-классика.

За всем этим набором штампов очень трудно разглядеть по-настоящему гениального, совершенно необычного и необыкновенно интересного художника-творца. В самом канонизированном (преимущественно в советском музыковедении) облике композитора все настолько гладко и «причесанно», что непосвященному становится очень быстро просто скучно: создается впечатление, что жизненные трудности, муки творчества, душевные метания и пр. абсолютно обошли стороной Римского-Корсакова; совершенно отсутствует та «трещина» в биографии композитора, которая бы делала его фигуру всегда скандально-интересной, попросту живой, в отличие, скажем, от Чайковского или Мусоргского, Скрябина или Рахманинова, Прокофьева или Шостаковича.

Представляется, что во многом следствием именно этого стало непонимание и в профессиональных кругах, и среди меломанов творчества композитора, и, если можно так выразиться, его недооценка, являющегося,

по сути, наиболее своеобразным художественным явлением в истории русской музыки.

Когда пишут о Римском-Корсакове, то прежде всего подчеркивают многоплановость его деятельности и творческую плодовитость. Действительно, помимо собственной сочинительской деятельности, Римский-Корсаков широко известен как редактор произведений Глинки и Мусоргского, именно ему мир обязан возможностью сценической жизни незавершенных опер Даргомыжского («Каменный гость»), Мусоргского («Хованщина») и Бородин («Князь Игорь»). Он был прекрасным организатором музыкально-концертной жизни в России и значительным дирижером (имеется ввиду его деятельность в Придворной певческой капелле, Морском ведомстве, Бесплатной музыкальной школе, Беляевском кружке и пр.). Безусловно, Римский-Корсаков - выдающийся педагог, под чьим руководством за 37 лет служения в Петербургской консерватории было подготовлено более 200 музыкантов, среди которых немало мировых знаменитостей (назвать хотя бы Глазунова, Лядова, Аренского, Ипполитова-Иванова, Гречанинова, Лысенко, Стравинского, Черепнина, Гнесина, Спендиарова, Баланчивадзе, Асафьева, Респиги, Мясковского, Прокофьева). Он - великий теоретик музыки, автор фундаментальных трудов по гармонии и оркестровке. Действительно, Римский-Корсаков написал опер больше, чем кто бы то ни было в России, причем опер весьма разноплановых по жанровой принадлежности; именно его перу принадлежит первая в истории русской музыки симфония, он автор огромного количества романсов, произведений для симфонического оркестра и пр. Но во всех этих перечислениях и статистических констатациях есть что-то мертвящее и не дающее рассмотреть истинное лицо гениального музыканта.

В то же время наследие Римского-Корсакова, художника уникального по «глубине связей с древнейшими пластами народного мирозерцания», «национальному своеобразию не только языка и стиля, но и всей художественно-философской концепции» (М. Якубов) заслуживает более пристального внимания и участливого отношения. Ибо в своем творчестве Римский-Корсаков исключительно оригинален, неожидан и неповторим. Его своеобразный мир и эстетика пантеистического поклонения вечной красоте мироздания, восхищения чудом бытия, единства с природой не имеют аналогов не только в истории русской музыки, но и мировой.

Мстислав Ростропович писал в предисловии к последнему переизданию в России корсаковской «Летописи моей музыкальной жизни» (2004 г.): «Римский-Корсаков был очень русским человеком и очень русским композитором. Я считаю, что эта его исконно русская суть, его глубинная фольклорно-русская основа сегодня должна быть особенно ценима».

На практике мы видим к сожалению совсем иное. Из всего огромного наследия композитора на концертной эстраде по-настоящему часто (даже в России!) звучит лишь симфоническая сюита «Шехеразада», а из опер

востребованы прежде всего «Царская невеста» (в основном в России) и «Золотой петушок» (имеет значительную постановочную практику в Европе и Америке). И вообще для Запада Римский-Корсаков прежде всего - симфонист, автор немногочисленных до ныне популярных, ярко-красочных произведений (та же «Шехеразада», Испанское каприччио и др.). Возможно, национальное своеобразие, отсутствие универсалистских приемов, в определенной степени до сих пор мешают адекватному восприятию и пониманию многих произведений композитора на Западе. В частности, широко популярная в России «Царская невеста», мощнейшая музыкальная драма, кровавая трагедия, так и не находила своего признания за рубежом в течение многих десятилетий и ее должное присутствие в мировом оперном репертуаре намечается только в наши дни (постановки в Лондоне, Берлине, Милане и др.).

Но, к сожалению, недооцененным композитор остается и у себя на родине. Значительно его оперы представлены только в репертуаре петербургского Мариинского театра и московских театров, причем названия преимущественно из джентльменского набора (абсолютный лидер - опять же «Царская невеста»). Провинциальные оперные дома также не часто обращаются к произведениям Римского-Корсакова, а если такое все же случается, то опять же все ограничивается весьма лимитированным кругом популярных названий. А ведь имея такое богатство, России в пору бы давно подумать о полноценном оперном монографическом фестивале (по примеру того же вагнеровского, коль скоро русского и немецкого композиторов имеют обыкновение часто сравнивать)! Родина композитора Тихвин, или Псковская земля, место его особого творческого вдохновения, или Новгород Великий, где родилась легенда Садко - «лейтмотивного» героя в творчестве Римского-Корсакова, вполне могли бы стать «русским Байройтом»...

Опера занимает центральное место в творческом наследии Римского-Корсакова. Причем большинство его опер были созданы уже в годы зрелого мастерства, поэтому практически во всех из них композитор предстает как великий кудесник музыкального театра, которому ведомы какие-то необыкновенные секреты и законы музыкальной драматургии. Опера интересовала Римского-Корсакова на протяжении всей его жизни, можно сказать, что композитор испытывал очевидное тяготение к наглядности музыкальных образов, к отображению в музыке конкретных жизненных событий. Это сказывается и в том, что его симфонические сочинения имеют, за редким исключением, программное содержание, и в постоянном обращении к музыке с текстом: романсам, хорам, обработкам народных песен. Пятнадцать опер Римского-Корсакова демонстрируют разнообразие жанровых (былина, сказка, легенда, историко-бытовая драма, лирико-бытовая комедия), стилистических, драматургических, композиционных решений (сочинения, тяготеющие к номерной структуре и к непрерывному развитию, оперы с массовыми сценами и камерные, с развернутыми ансамблями и без них). Основой всех опер композитора, включая даже «Псковитянку», в которой он в наибольшей степени следовал принципам кучкизма с его восхвалением речетативно-декламационного метода, являются мелодия и пение. В этом его

коренное отличие от Вагнера, с которым его часто, но совершенно безосновательно сравнивают: вокальная линия у Римского-Корсакова всегда самоценна и самодостаточна, при всем богатстве оркестровки человеческий голос не уподобляется одному из инструментов в изощренных хитросплетениях оркестровой ткани.

С точки зрения драматургии две темы являются основными в оперном наследии композитора. Одна линия - драматическая, основанная на событиях, обращенных к историческому прошлому, более всего к русской истории. Другая - мир сказки и эпоса, вырастающий из образов народного искусства. Вне зависимости от этого оперное произведение Римского-Корсакова всегда многопланово, многослойно. Поэтому здесь находится место и лирико-драматическим положениям, и комедийным, а подчас и гротескным характеристикам. Широта драматургического охвата, крупная архитектура, при исключительной стройности и продуманности деталей, отличает композицию корсаковских опер. Интенсивно используется система лейтмотивов, однако они никогда не превращаются в мертвые формулы, сковывающие творческую мысль композитора. Римскому-Корсакову удалось успешно сочетать стремление к непрерывности развития действия своих опер с развернутыми музыкальными построениями типа арий, ариозо, ансамблей, хоров, что делает оперную форму Римского-Корсакова гибкой и разнообразной, всегда чутко откликающейся на развитие содержания. Своеобразными вершинами оперного творчества композитора можно назвать такие произведения как «Снегурочка», «Садко», «Царская невеста», «Сказание о невидимом граде Китеже» и «Золотой петушок», хотя и другие оперы имеют немало страниц вдохновенной, пленительной музыки.

Симфоническая музыка композитора известна сравнительно мало за исключением нескольких абсолютных хитов. К последним принадлежат «универсалистские» «Шехеразада», где превосходно дана многоплановая тема Востока, и Испанское каприччио, где расцветает мелос западноевропейского праздника-карнавала. Именно эти произведения наиболее популярны на Западе вследствие своей «универсальности». Тема Востока еще раз привлекла композитора во второй симфонии «Антар», также сравнительно известной публике. Но ведь есть еще первая и третья симфонии, основанные на русской национальной мелодике, фортепианный концерт, Сербская фантазия и многое другое!

На протяжении всей творческой жизни композитор обращался и к вокальной лирике. В 79 его романсах представлена поэзия А. Пушкина, М. Лермонтова, А.К. Толстого, Л. Мея, А. Фета, а из зарубежных авторов Дж. Байрона и Г. Гейне. Романсы Римского-Корсакова это неоценимый клад музыкального исповедания человеческой души, до сих пор еще к сожалению плохо изученный и, увы, мало исполняемый. Большинство романсов имеют позитивную энергетику, элегическое начало, в них мало трагедийности, надрыва, тоски и стонаний, что как раз и делает их менее популярными у исполнителей - красоту созерцательности передать куда сложнее, чем, условно говоря, «рвать на себе рубаху», и, как следствие, у публики, которая, лишенная возможности их слышать, зачастую просто их не знает.

А. Матусевич